A black and white portrait of a man with short hair and glasses, looking slightly to the left. The image is partially obscured by a vertical grey bar on the left side. The text is overlaid on the right side of the image.

Статті. діалог.
інтерв'ю

Михайлі Ходорівський

Михаил Ходорковский

...Мне, конечно,
хочется участвовать
в том, чтобы наша
страна была
процветающей
и свободной

Михаил Ходорковский

Статьи Диалоги Интервью

Второе издание

Москва
2011

Киринько в Краснокамском, на комбинате

Возле в этих и Краснокамские находили
почти все за год: Министр МВД, Фоманов,
оборона, Тея прокурор, Мин природных ресурсов
в общем эта стала центром общест-
венно-политической жизни Зауралья
достаточно смешно.

Очень жаль, однако что Чинчи не вклю-
чили в состав Минприроды перешли
наряду с Иркутско-Ангарской. Хотя
стало бы даже лучше из этого эко-
логического "собрания". Здесь слишком
большое расстояние и/у населенными
пунктами (Вахта вообще). А что
о немическом, социальном и куль-
турной составляющих даже говорить
не приходится. Здесь, на границе
с Кудеке "лиманский" просто
необходим.

Note

1.06.07
пятница

Адвокат Терехова (посещение)

- выступление Гуткина (интервью после встречи с Фредом и проверке) антиамериканизма, антиимпериализма, асимметричный ответ на угасавшую Америку как стран НАТО (защита мексиканских рабов)
- на Украине продолжается искоренение принципов для выборов Рады (пока не могут)
- Украина процедура получения виз в Европу для студентов, деят. культуры
- 40 дней со дня смерти Б.Н. Ельцина

Теория ?
позиция Т.

- Где граница между применением ГК и УК?
- Что определяет достаточность доказ-в
- Допустимость производимых действий, базирующихся на недопустимых первичных
- Относимость доказ-в к конкретному объекту. подлежащему доказыванию.
- Достоверность
- Соответствие фактов фактам, доказанным в суде, что определяет позицию
- Необходимость не только независимого, но и компетентного суда

из дома

Из стока сдает 2 комнаты до 15 июня - 5 т.р.
Младший брат Жоржко.

Из писем к родителям

*«...желаю всего наилучшего. Не переживайте.
Я просто в длительной командировке, а точнее –
служу в армии демократической России.
К слову, думаю – не шучу. Очень похоже.
Люблю, целую. Сын.»*

*«Дорогая, любимая мамуля! Поздравляю тебя
с днем рождения!.. Береги свое здоровье...
Ты должна меня не просто дождаться, а помочь
в восстановлении того, что было нарушено
за эти годы. Очень на тебя надеюсь.
Люблю, целую. Твой сын.»*

*Рисунки с процесса
Бориса Жутовского
публикуются с разрешения «Новой газеты»*

*Дизайн
Бориса Трофимова*

Ходорковский М. Б.
Х 69 Статьи. Диалоги. Интервью / Михаил Ходорковский. — М.:
Эксмо, 2010. — 192 с.: ил.

ISBN 978-5-699-48993-0

В книге представлены статьи и интервью Михаила Ходорковского, его диалоги с писателями Григорием Чхартишвили (Б. Акунин), Борисом Стругацким и Людмилой Улицкой.

25 октября 2003 года Ходорковский был арестован, а 31 мая 2005 года Михаил Ходорковский и Платон Лебедев в рамках объединенного дела были приговорены Мещанским районным судом Москвы к 9 годам лишения свободы каждый, впоследствии обоим срок был сокращен до 8 лет.

В последние дни декабря 2010 года в Москве закончился второй судебный процесс над Михаилом Ходорковским и Платоном Лебедевым. Приговор – 14 лет в колонии общего режима.

Второе издание книги дополнено последним словом Михаила Ходорковского в суде.

УДК 82-4
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Ходорковский М., 2011
© Чхартишвили Г., 2011
© Стругацкий Б., 2011
© Улицкая Л., 2011
© Трофимов Б., 2011
© ООО «Издательство «Эксмо», 2011

ISBN 978-5-699-48993-0

Содержание

Главное дело. Леонид Парфенов (16)

Статьи

Собственность и свобода (20)

Левый поворот (26)

Левый поворот – 2 (34)

Левый поворот – 3. Глобальная perestroika (44)

Россия в ожидании суда (52)

Поколение М (60)

Диалоги

Разговор писателя Григория Чхартишвили (Б. Акунин)
с Михаилом Ходорковским (66)

Диалог о мироустройстве –
в письмах писателя Бориса Стругацкого
и заключенного Михаила Ходорковского (88)

Диалоги. Людмила Улицкая – Михаил Ходорковский (110)

Интервью

«Ходорковский дает залп»
Интервью журналу «Financial Times» (144)

«Я решил рискнуть и о сделанном никогда не жалел»
Онлайн-интервью изданию «Газета.Ru» (150)

«Я буду сражаться за свою свободу»
Интервью журналу «Profil» (160)

«Россия достойна свободы, и судьбу страны решать нам»
Интервью журналу «Собеседник» (166)

Рисунки с процесса. Борис Жутовский (172)

Последнее слово Михаила Ходорковского
в Хамовническом районном суде г. Москвы (182)

Приложение. Лицей-интернат «Подмосковный» (188)

Главное дело

Не нужно быть сторонником самого знаменитого ээка России, чтобы признать: дело Ходорковского – историческое событие современности. За шесть лет его перипетии служили индикатором взаимоотношений власти и бизнеса, независимости суда, качества прокурорского надзора, прав собственности и возможностей их пересмотра, гуманности исправительной системы, объективности СМИ, уровня гражданской активности, влияния общественного мнения – всего не перечислить. Еще больше свидетельств о наших временах и нравах увидит во всем этом будущее.

Для тех, кого ныне именуют «политическим классом», дело Ходорковского разделило российские 2000-е на «до» и «после». Связанные друг с другом бум нефтяных цен и новосибирский арест октября 2003-го определили эпоху «тучных лет», они ее решающие экономический и политический факторы. Кризис, может, несколько отрезвил общество, но не изменил властную логику. На втором сроке Путина экс-глава ЮКОСа получил свой первый срок, на первом сроке Медведева – получает второй. И выход Ходорковского на свободу – ведь когда-то же это случится? – как все понимают, будет означать смену эпох.

Главный фигурант главного дела не уходит из числа главных ньюсмейкеров. Хотя внешних событий немного: ну, перемены мест заключения, а так – какие новости? Всё то же. Главная новость в том, что

Ходорковский не молчит. Когда все прочие деятели назначены самым главным ньюсмейкером, слова из-за решетки имеют особый вес. Никто из говорящих на всю страну не платит такой цены за свое мнение. А он еще и доплачивает, получая за 12-страничный диалог с Борисом Акулиным 12 дней карцера.

Для деловой журналистики Ходорковский – опытнейший бизнесмен-страдалец, для общественно-политической – полемист-аналитик, для «качественного глянца» – яркий характер. Уже в 2009-м его статья во «Власти» о судебной реформе вызвала дискуссию с участием ведущих юристов – ситуация прежде немыслимая: точка зрения сидельцев до сих пор никого не интересовала. На свободе чуждый публицистике, автор в неволе прошел впечатляющую эволюцию взглядов. От призыва к левому повороту, который в свое время напрасно миновали, до призыва к поколению «М», которое не будет разбирать ни левых ни правых – оно или получит шанс модернизировать родину, или та отстанет навсегда.

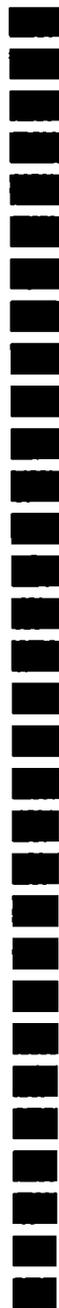
Дело Ходорковского подарило много открытий – какие, оказывается, действия государственной власти возможны. Например, несколькомиллиардная фирма-однодневка с адресом рюмочной в Твери и владельцами, долго работавшими в топливном комплексе. Или обвинения в хищении нефти у собственной компании. Но, оказывается, возможны и регулярные публикации из-за решетки в частной прессе. И выход их сборника в частном издательстве.

Леонид Парфенов

Михаил
Ходорковский

Статьи

Михаил Ходорковский

Собственность и свобода

Завершается уничтожение ЮКОСа. Я сделал все от меня зависящее, чтобы нелюбовь власти лично ко мне не привела к таким последствиям для миноритарных акционеров, рядовых сотрудников компании, страны в целом.

Полгода назад я предложил отдать принадлежавшие мне акции для погашения претензий к компании. Однако был избран другой путь – путь избирательного применения закона, введение и использование задним числом новых правовых норм и трактовок, путь прямого и публичного уничтожения ростков доверия делового сообщества к арбитражному суду, к власти в целом.

Скоординированность и полная беззащитность в действиях налоговых, правоохранительных и судебных органов, околосударственных компаний, включая тотальное давление на менеджеров и сотрудников компании, вся вина которых лишь в том, что они когда-то работали под началом Ходорковского, не оставляет сомнений в заказном характере процесса. Сотни людей допрошены, многим предъявлены абсолютно фантастические обвинения. Людей, в том числе и женщин, держат в тюрьме.

Зачем? Все очень откровенно: не мешайте громить ЮКОС и дайте компромат на Ходорковского.

Сейчас очевидно, что речь идет не только о политических, но и об иных интересах, так как выбранные в угоду этим интересам методы бьют по репутации власти, по экономике страны. Но тем, кто это затеял, похоже, такие мелочи безразличны.

Вопрос сегодня уже не в судьбе ЮКОСа. Спасти компанию скорее всего не удастся. Вопрос в том, какие уроки извлекут страна и общество из дела ЮКОСа, финальный аккорд которого стал самым бессмысленным и разрушительным для экономики страны событием за все время пребывания у власти президента Владимира Путина.

Тирания собственности

Да, за последний год \$15 млрд, о которых писал «Forbes», превратились практически в ноль, а скоро обратятся в полный ноль. Но я понимал, что так будет, предлагал только не трогать компанию, ее миноритарных акционеров, так как чувствовал свою непосредственную ответственность перед 150 000 сотрудников, за 500 000 членов их семей, 30 млн жителей городов и поселков, которые зависят от четкой и бесперебойной работы предприятий.

Я переживал и переживаю за десятки тысяч акционеров ЮКОСа, посчитавших некогда, что Ходорковскому и его команде стоит доверить деньги.

И ведь до недавнего времени можно было утверждать, что акционеры не ошиблись. В 1995 г., когда мы – я и наша команда – пришли в ЮКОС, компания была убыточной, накопились долги по зарплате за полгода, а просроченная кредиторская задолженность достигала \$3 млрд. ЮКОС работал только в девяти регионах страны, добывая 40 млн тонн нефти в год, при этом добыча последовательно снижалась.

В 2003 г. деятельность ЮКОСа охватывала уже 50 российских регионов, ежегодная добыча нефти составляла 80 млн тонн с ощутимой тенденцией к росту. ЮКОС стабильно платил рабочим высокую зарплату. В начале десятилетия компания была вторым после «Газпрома» налогоплательщиком страны, формируя почти 5% федерального бюджета.

Мне не хотелось бы подробно останавливаться на том, каким смелым воображением придумана налоговая задолженность ЮКОСа. (По версии специалистов МНС, ЮКОС должен был платить налогов больше, чем получал валовой прибыли.) Подобные методы войдут скверным историческим анекдотом в учебники по налоговому праву, поскольку доказали, что нефтедобыча в России убыточна. Понятно, что ради предела собственности чиновники готовы на все.

Но – пусть для многих это может выглядеть странно – расставание с собственностью не будет для меня невыносимо болезненным.

Я – вслед многим и многим узникам, известным и неизвестным, – должен сказать спасибо тюрьме. Она подарила мне месяцы напряженного созерцания, время для переосмысления многих сторон жизни.

И я уже осознал, что собственность, а особенно крупная собственность, сама по себе отнюдь не делает человека свободным. Будучи совладельцем ЮКОСа, мне приходилось тратить огромные силы на защиту этой собственности. И приходилось ограничивать себя во всем, что могло бы этой собственности повредить.

Я многое запрещал себе говорить, потому что открытый текст мог нанести ущерб именно этой собственности. Приходилось на многое закрывать глаза, со многим мириться – ради собственности, ее сохранения и приумножения. Не только я управлял собственностью – она управляла мною.

Поэтому мне хотелось бы особенно предупредить сегодняшнюю молодежь, которая вскоре войдет во власть: не завидуйте крупным собственникам.

Не думайте, что их жизнь легка и удобна. Собственность открывает новые возможности, но она же ведет к закреплению творческих сил человека, размыванию его личности как таковой. В этом проявляется жестокая тирания – тирания собственности.

И вот я перешел в другое качество. Я становлюсь обычным человеком (с экономической точки зрения – представителем обеспеченной части среднего класса), для которого главное – не обладание, а бытие. Борьба не за имущество, а за самого себя, за право быть самим собой.

В такой борьбе не имеют значения места в рейтингах, бюрократические связи и рекламные побрякушки. Только ты сам, твои чувства, идеи, способности, воля, разум, вера.

Это и означает, наверное, единственно возможный и правильный выбор – выбор свободы.

Неуправляемая демократия

Происходящее с ЮКОСом имеет непосредственное отношение к власти. Что будет с властью после дела ЮКОСа – важнейший вопрос.

Давно сказано: каждый народ имеет ту власть, которую заслуживает. Добавлю: любая власть есть отражение концентрированных представлений народа о природе власти. Потому можно утверждать, что и в Британии, и в Саудовской Аравии, и в Зимбабве власть принадле-

жит народу. А традиция восприятия власти – основа основ стабильности государства. Поэтому говорить о «демократизации» некоторых арабских монархий по западной модели так же абсурдно, как и о восстановлении абсолютной монархии средневекового толка, например, в современной Дании.

Российская политическая традиция в этом смысле синтетическая. Россия всегда находилась (и находится сейчас) на границе цивилизаций, но по преимуществу она страна европейская. И потому европейские политические институты, подразумевающие разделение властей, для нашей страны абсолютно органичны.

Другое дело, что нельзя игнорировать и обратную сторону медали. Российский народ привык относиться к государству как к высшей силе, которая дает надежду и веру. Эту силу нельзя взять на работу – для начала к ней надо перестать относиться как к высшей силе. А как учит нас российская история, утрата особого, сверхрационального уважения к государству неизбежно и неизменно приводит нашу страну к хаосу, бунту, революции.

При этом не нужно смешивать понятия «власть» и «управление». Функцию управления выполняет чиновник – и он-то никакая не священная корова. Бюрократ – простой смертный, который призван брать на себя ответственность за все проблемы и проколы.

Разгром ЮКОСа показывает, что спущенные с цепи бюрократы руководствуются отнюдь не интересами государства как такового, вечного и уже потому могущественного. Они просто знают, что государственная машина существует для обслуживания их собственных интересов, а все ее остальные функции временно (или навсегда) упразднены за ненадобностью. У них нет ни малейшего уважения к государству, которое рассматривается ими только как механизм достижения своих личных целей.

Потому и дело ЮКОСа – это никакой не конфликт государства с бизнесом, а политически и коммерчески мотивированное нападение одного бизнеса (представителями которого выступают чиновники) на другой. Государство же здесь – заложник интересов конкретных физических лиц, пусть и наделенных полномочиями государственных служащих.

Действуя по той же логике, бюрократия сегодня решила полностью уничтожить разделение властей.

Принятая на вооружение модель предполагает, что каждый политик должен теперь быть приравнен к чиновнику. А само содержание политики – к карьере в тесных рамках бюрократической корпорации.

Для чего это делается? Чтобы мобилизовать нацию и привести ее к новым историческим свершениям?! Ни один околокремлевский человек, верящий в то, что он говорит, не согласится с такой целью. В частной, никем не прослушиваемой беседе он скажет обратное: если разделение властей ликвидируется, то бюрократам будет легче собирать со страны деньги и делить их на основе собственных представлений, не оглядываясь на нужды и интересы людей. Вот, собственно, и все.

Другой вопрос: будет ли создаваемая система эффективно работать, приведет ли она собственных архитекторов к возделенной цели? Нет, не приведет.

Страна в результате мероприятий по «повышению управляемости» может стать полностью неуправляемой.

Почему? Потому что существуют вековые законы организации сложных систем, а также устоявшиеся в истории правила власти.

Власть всегда подразумевает взаимную мотивацию управляющих и управляемых. Мотивация может быть разной – от строительства коммунизма до всеобщего банального обогащения. Но она, эта мотивация, должна присутствовать и реально быть единой для всех.

Тусклые, бессодержательные чиновники, действующие по принципу «мне, мне и еще раз мне», такой мотивации не предлагают. И вообще не понимают, зачем она нужна. Именно поэтому они последовательно уничтожают все механизмы, которые могли позволить россиянину проявить себя: выборы всех уровней, рыночную конкуренцию, свободу публичного высказывания и т. д.

Но ни один настоящий патриот не отдаст свою жизнь за горстку чиновников, интересующихся только своими доходами. Ни один настоящий поэт не сложит в их честь гимн. Ни один ученый не будет стремиться к большим открытиям в среде, где на его гений всем наплевать.

Очень скоро единственным контрагентом этой всепожирающей бюрократии станет свирепая бесформенная толпа. Которая выйдет на улицу и скажет: «Обещали хлеба и зрелищ? Так где они?!» И иронично помахать перед носом этой толпы пачкой использованной административной бумаги не получится.

Тогда случится неуправляемая демократия с ее неисчислимыми бедами и страданиями. Вот чего действительно нужно опасаться.

Что будет?

Мне, конечно, хочется участвовать в том, чтобы наша страна была процветающей и свободной.

Но я готов потерпеть – если власть решит оставить меня в тюрьме.

Жадных людей, которые так грубо и бессмысленно повели себя по отношению к десяткам тысяч акционеров ЮКОСа, мне, простому постсоветскому заключенному, даже жаль. Им предстоят долгие годы страха и перед новыми поколениями желающих «отнять и поделить», и перед настоящим, а не «басманным» правосудием. Ведь только некоторые очень наивные зрители центральных каналов продолжают думать, что цель происходящего – интересы всего народа.

Но еще больше мне жалко тех людей во власти, которые искренне верят, что сейчас делают доброе дело для страны, для людей. Благими намерениями выстлана дорога в ад. Историческая логика показывает: дальше на этом пути им предстоит убедиться, что репрессивные методы в политике, передел собственности силовыми методами в групповых интересах и задача построения современной экономики несовместимы. Да и ограничить эту машину только Ходорковским, ЮКОСом или олигархами не удастся, ее жертвами будут многие, включая самих сегодняшних архитекторов и строителей.

Моим гонителям известно, что в уголовном деле нет ни одного доказательства моей виновности, но это непринципиально, предъявят новые обвинения – например, в поджоге Манежа или в экономической контрреволюции. Мне передали одно важное соображение: они хотят засадить меня поглубже, лет на пять или больше, потому что боятся, что я буду им мстить.

Эти простодушные люди пытаются судить обо всех по себе. Успокойтесь: графом Монте-Кристо (впрочем, как и управдомом) я становиться не собираюсь. Дышать весенним воздухом, играть с детьми, которые будут учиться в обычной московской школе, читать умные книги – все это куда важнее, правильнее и приятнее, чем делить ответственность и сводить счеты с собственным прошлым.

Благодарен Богу, что в отличие от моих гонителей я понял, что зарабатывание больших денег – далеко не единственный (и, возможно, далеко не главный) смысл трудов человеческих. Для меня период больших денег остается в прошлом. И теперь, избавившись от бремени прошлого, я намерен работать во благо тех поколений, которым совсем скоро достанется наша страна. Поколений, с которыми придут новые ценности и новые надежды.

Автор – частное лицо, гражданин Российской Федерации,

СИЗО № 99/1, Москва

(«Ведомости», 28.12.2004)

Михаил Ходорковский Левый поворот

Сегодня принято считать – и, к счастью, говорить, – что в стране неудержимо набирают силу авторитарные тенденции, причем в самом нетворческом, застойном, маразматически-черненковском варианте.

С этим трудно спорить. Однако неправы те многочисленные аналитики и наблюдатели, российские и зарубежные, кто связывает возрождение авторитарного застоя в России с Владимиром Путиным и его «ленинградской» командой. Пропуск в новейшую российскую историю авторитаризму выписали в 1996 г., когда очень специфическим образом Борис Ельцин во второй раз был сделан президентом России.

Я хорошо помню мрачноватый январь 1996-го. Тогда большинству либералов и демократов (а я, конечно же, не слишком вдумываясь в трактовку слов, относил себя и к тем и к другим) было трудно и тоскливо на душе от безоговорочной победы КПРФ на думских выборах – 1995. Но еще больше – от готовности многих и многих представителей ельцинского истеблишмента выстроиться в очередь к Геннадию Зюганову и, не снимая правильной холопской улыбки, получить прощение за все прежнее свободолюбивое буйство – вместе с пачкой свеженапечатанных талонов для сверхнового спецраспределителя.

Впрочем, в ту пору у меня и моих единомышленников не было ни малейшего сомнения, что Зюганов выиграет предстоящие президентские выборы. И вовсе не потому, что Ельцин, как тогда казалось, то ли тяжко болеет, то ли сурово пьет, то ли попросту утратил интерес к продолжению собственной власти. Мы тогда еще не знали умных политологических терминов, но уже понимали: изменилось нечто, что можно назвать национальной повесткой дня.

В 1990–1991 гг., посреди очевидной бессмысленности затянувшегося советского строя, страна бредила свободой. Правом быть собой, думать, говорить, читать, слышать и видеть, ездить за границу, не ходить на партсобрания и еженедельные политинформации, забить болт на овощные базы и не отчитываться за каждый свой шаг перед первым отделом. Мы ждали демократии как чуда, которое само собой, безо всякого человеческого участия и усилия решит все наши проблемы на десятилетия вперед. И Советский Союз, стоит ему воспользоваться волшебным рецептом демократического зелья, всего за каких-то 400–500 дней (да и тех много!) станет очень большой, богатой и чистой Швейцарией. На худой конец – Финляндией.

Но к середине 90-х стало ясно, что чудо демократии как-то не задалось. Что свобода не приносит счастья. Что мы просто не можем

быть честными, умеренными и аккуратными по-буржуазному, по-швейцарски. Перед страной и ее – нашим – народом стали в полный рост совсем другие вопросы:

справедливость: кому досталась советская социалистическая собственность, которую кровью и потом ковали три поколения? Почему люди, не блестящие ни умом, ни образованием, заколачивают миллионы, а академики и герои, мореплаватели и космонавты оказываются ниже черты бедности? Значит, не таким плохим был советский социализм, будь он трижды благословен и проклят одновременно. . .

чувство собственного национального достоинства: почему, когда мы жили в плохом Советском Союзе, нас уважал или, во всяком случае, боялся весь мир, теперь же, в дни свободы, презирают как недоумков и наглых нищих?

нравственность в политике: мы не любили ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ за их цинизм и незаслуженные привилегии, но разве заслужили мы правителей вдесятеро более циничных и стократ более вороватых, чем партийные бонзы, которые на фоне новых кажутся уже милыми дачными дедушками и бабушками?

страх перед неопределенностью будущего, перед отсутствием цели: нас выкинули из старого ободранного «Запорожца» с ручным управлением, обещая пересадить в «Мерседес», однако ж просто бросили в глухом закоулке вселенной на сырой грунтовой дороге. Где мы? В какой точке мира? И есть ли тут хоть какой-то постоянный источник света?

Хотели мы того или нет, но убедительно ответить на все эти вопросы мог тогда только Геннадий Зюганов. И потому я в числе еще 13 крупных (по тем временам) бизнесменов подписал в марте 1996 г. почти забытое сейчас обращение «Выйти из тупика!». Идея письма была очень проста, и, самое главное, мы в нее верили. Президентом России должен оставаться Борис Ельцин – как гарант гражданских свобод и человеческих прав. Но премьер-министром, причем, несомненно, с расширенными полномочиями, должен стать глава КПрФ. Потому что экономическая и социальная политика не могут не «покраснеть» – иначе «послевыборная война», как говорилось в тексте обращения, неизбежна. Нужен левый поворот, чтобы примирить свободу и справедливость, немногих выигравших и многих, ощущающих себя проигравшими от всеобщей либерализации.

Компромиссный (и исторически оправданный) тандем Ельцин – Зюганов, как всем известно, не состоялся. Почему – лучше знают те, кто в отличие от меня был вхож в Кремль. Может быть, виноваты ближайшие ельцинские соратники, которые не хотели ничем делиться,

пусть даже и ради предотвращения затяжной нестабильности. А может – Геннадий Зюганов, который то ли не хотел договариваться, будучи на 100% уверен в собственной победе, то ли, как считают теперь многие его товарищи по чувствам и перу, просто не хотел власти в России, прозорливо боялся этого страшного бремени.

Была избрана другая стратегия. Многомиллионные вложения и машина безграничных манипуляций общественным мнением во имя победы Ельцина. Несомненно, авторитарный сценарий. Ценности конца 90-х сложились именно тогда, и важнейшая из них – цель оправдывает средства. Если нам нужна победа, не пустим коммунистов в телевизор, а потом разберемся. Вытащим генерала Лебеда, чтобы отобрал у Зюганова 15%, а потом выкинем за ненадобностью. Тогда журналисты стали превращаться из архитекторов общественного мнения в службу хозяев, а независимые общественные институты – в рупоры спонсоров. С июля 1996 г. мы знаем, что «бабло побеждает зло» – и только оно.

В 1996 г. Кремль уже знал, что пролонгировать праволиберальный ельцинский режим демократическим путем невозможно – в условиях состязательности и равенства всех соискателей власти перед законом Зюганов непобедим. Потом стало ясно, что и преемственность власти в 2000 г. нельзя обеспечить без серьезного отступления от демократии. И так возник Владимир Путин с уже начавшейся второй чеченской войной на плечах и политтехнологическим сценарием, призванным обеспечить «стабильность во власти – стабильность в стране».

Летом 1999 г., когда здоровье Ельцина вызывало все больше сомнений и вопросов, новое поколение кремлевских кукловодов просто решило, что для выживания режима необходим гигантский блеф. Надо сделать вид, что мы отвечаем на все ключевые вопросы застывшей в неизменности с 1995 г. повестки дня (см. выше), а в настоящей жизни, где власть, собственность и деньги, делаем все как раньше. Этот блеф и стал основным содержанием проекта «Путин–2000». Авторитарного проекта, который явился прямым логическим продолжением и следствием проекта «Ельцин–1996».

В 2005 г. противоречие ожиданий и реальности начало наконец раскрываться. Признаком того стали январские демонстрации против монетизации льгот. «Путинское большинство», пусть и отравленное телевизором и вдохновенными требованиями «мочить в сортире», вдруг поняло, что его просто использовали, а менять государственную стратегию никто и не собирался.

Так что сегодня перед страной стоят все те же неотвеченные вопросы. Повестка не изменилась: А воля людей к справедливости, к переменам стала тверже и ярче. И пусть 60-долларовый баррель нефти никого не вводит в заблуждение. Социальные взрывы случаются не там, где экономический крах, а где пришла пора распределять плоды экономического подъема.

Не там, где все более или менее равны в нищете, а где 1% богатых и 9% относительно благополучных материально и психологически резко оторвались от 90% бедных и – что еще более важно – униженных. 2 млн подписей, собранных в мае – июне 2005 г. за всеобщую забастовку российских учителей, – это ли не доказательство того, что стабильность в стране иллюзорна, а «кризис назрел»?

Не надо сбрасывать со счетов то, что наши соотечественники стали к тому же гораздо жестче, чем были 10 лет назад. Неоднократно обманутые люди теперь не поверят новому блефу, даже очень замысловатому и витиеватому. В этом смысле судьба проекта «Преемник-2008» совсем не так проста.

Кремлевские политтехнологи опять – и еще тверже – знают, что этот государственный курс может сохраниться только антидемократическим путем. Что на честных выборах неизбежно победят левые. Потому и закручиваются гайки, и монополизируется телевизионный эфир, и избирательный закон меняется в направлении полного неучастия в выборах всех партий, кроме тех, которые на 102% подконтрольны президентской администрации.

И запрещаются общенациональные референдумы, чтобы никто часом не узнал, за какие идеи и ценности на самом деле выступает народ.

Да только авторитетные социологические опросы (в том числе свежий опрос «Левада-центра») не оставляют сомнений: ценности – левые. 97% жителей России – за бесплатное образование, 93% считают, что пенсия не должна быть ниже прожиточного минимума, 91% – за безусловный возврат дореформенных сбережений граждан. И здесь же: 81% – за возвращение к прямым выборам губернаторов, 59% – за восстановление института депутатов-одномандатников. Это и есть, собственно, программа следующей российской власти: государственный патернализм и демократия, свобода и справедливость – вместе, по одну сторону баррикад.

А значит, несмотря на все ухищрения, левые все равно победят. Причем победят демократически – в полном соответствии с волеизъявлением большинства избирателей. Мыгьем или катаньем. На вы-

борах или без (после) таковых. Левый поворот состоится. И когорты прямых продолжателей нынешней власти легитимной уже не будет.

Кремль может, конечно, питаться иллюзиями, что можно снова перекрыть бревном авторитаризма дорогу истории. Еще подморозить страну, ликвидировать последние неподцензурные газеты и радиостанции, арестовать счета тех, кто не слушается, и т. д. Но ресурс постсоветского авторитарного проекта в России исчерпан. Во-первых, потому, что ему противостоит народ, который ареста счетов не боится – в силу их отсутствия, – а свой выбор уже готов делать не по рекомендациям официальных СМИ, а по зову собственного исторического нутра. Во-вторых, чтобы в таком проекте идти до конца, нужны Ленин со Сталиным, на худой конец – Троцкий: люди, бесконечно уверенные в собственной правоте, не мотивированные ничем, кроме своей идеологии и легитимированной ею власти, готовые за эту власть умирать и убивать. В Кремле сегодня таких людей нет и быть не может: интересы и жизненные устремления нынешних российских руководителей – к счастью и для них, и для остальной России – слишком меркантильны и буржуазны, чтобы можно было представить их в роли кровавых палачей и вешателей. Говорю об этом как человек, только что получивший от них девять лет тюрьмы.

В большинстве стран бывшего соцлагеря левые силы пришли к власти в середине 90-х и примирили свободу со справедливостью. В результате чего власть в этих странах избежала тяжелого кризиса легитимности – того самого, с которого начинаются все революции. Левого поворота вовремя не случилось только на постсоветском пространстве. Поскольку правящие группы считали, что можно избежать принципиального обсуждения реальной национальной повестки дня, соблазняя народ несуществующей стабильностью. В результате возникли и революция роз, и Майдан, и восстание желтых тюльпанов. И теперь, когда, например, украинская власть, рожденная на Майдане, ставит вопрос о пересмотре приватизации, обижаются и хвататься за голову нечего: если б вопрос о легитимации приватизации правящая элита поставила 5–6 лет назад, то, быть может, и Майдана никакого бы не было.

Хочу оговориться, что пресловутая легитимация приватизации отнюдь не означает огосударствления экономики – национализации с переходом крупнейших предприятий под безраздельный контроль никому не подотчетных бюрократов. Напротив, результатом легитимации будет закрепление класса эффективных собственников, которые в народном сознании будут уже не кровопийцами, а законными

владельцами законных предметов. Так что левый поворот нужен крупным собственникам никак не меньше, чем большинству народа, до сих пор неизменно считающему приватизацию 1990-х гг. несправедливой и потому незаконной. Легитимация приватизации станет оправданием собственности и отношений собственности – может быть, впервые по-настоящему в истории России.

В составе следующей российской власти неизбежно будут КПРФ и «Родина» – или исторические преемники этих партий. Левым же либералам («Яблоку», Рыжкову, Хакамаде и др.) пора определяться, войдут они в состав широкой социал-демократической коалиции или останутся на брюзжащей, политически бессмысленной обочине. По моему мнению, обязательно должны войти – только самый широкий состав коалиции, в которой люди либерально-социалистических (социал-демократических) взглядов будут играть ключевую роль, избавит нас от зарождения на волне левого поворота нового сверхавторитарного режима.

Новая российская власть должна будет решить вопросы левой повестки, удовлетворить набравшее неодолимую силу стремление народа к справедливости. В первую очередь – проблемы легитимации приватизации и восстановления патерналистских программ и подходов в ряде сфер. Заниматься этим придется даже в том случае, если следующим президентом будет либеральный Михаил Касьянов или прямой путинский преемник – скажем, Сергей Миронов. Иначе государство взорвется, энергия протеста прорвет слабую оболочку власти.

Левый поворот в судьбе России столь же необходим, сколь и неизбежен. А Владимиру Путину, чтобы дать мирному левому повороту свершиться, много трудиться не придется. Надо – всего лишь – в конституционные сроки уйти на покой и обеспечить демократические условия для проведения следующих выборов. Только это гарантирует перспективу стабильного демократического развития страны без потрясений и риска распада.

(«Ведомости», 01.08.2005)

Михаил Ходорковский

Левый поворот – 2

В ходе широкой дискуссии, которую вызвала моя статья «Левый поворот», возникло несколько вопросов первостепенной важности, на которые надо ответить безотлагательно.

1. Существуют ли сегодня в России дееспособные, современные оппозиционные силы с левыми и леволиберальными взглядами?
2. Какова реальная экономическая программа «левого поворота»?
3. Есть ли в стране кадровый потенциал, достаточный для обеспечения «левого поворота», реализации его политико-экономической программы?

И наконец:

4. Заключение Ходорковский со товарищи, неужели вы думаете, что смена власти в России облегчит вашу участь?

Этот вопрос, явный или подспудный, обрушился на меня из правополиберальных кругов, неожиданно оказавшихся главной идеологической опорой режима Владимира Путина. С ответа на этот, последний – во всех смыслах слова – вопрос я и начну.

Кошмар-2008

Принято считать, что десятки, сотни российских политиков и администраторов мечтают занять в 2008 году президентский пост. Чтобы контролировать «Газпром», «Роснефть», экспорт-импорт вооружений, а заодно еще и три главных общенациональных телеканала. Зарабатывать миллиарды долларов, устраивать приемы в Кремле, Петергофе и Стрельне, ездить на охоту с президентом Франции и рыбалку – с президентом США, после чего похвалишь самого себя по телевизору и спишь спокойно. Как минимум до окончания конституционного срока президентских полномочий. А то и дольше.

В этом – отражение паразитического образа мышления российской политической элиты наших дней. Единственный вопрос, который эту элиту по-настоящему беспокоит, – как бы успеть от страны под названием Россия что-нибудь осязаемое получить. Вопрос «что ты сделал для России?» не стоит в принципе.

Лично мне Россия дала очень многое. В 70–80-е годы – образование, которым можно гордиться. В 90-е годы она сделала меня самым богатым (по версии «Forbes») постсоветским человеком.

В этом десятилетии отняла собственность, посадила в тюрьму, где дала возможность получить еще одно образование, на этот раз общечеловеческое и гуманитарное. И я могу сказать, что люди, которые через два с половиной – три года соберутся править Россией, должны будут понимать, что паразитический подход больше не работает. Поскольку страна неконкурентоспособна и запаса прочности, заложенного Советским Союзом, уже не хватает.

Итак, к 2008 году Российская Федерация подойдет с набором следующих объективных – подчеркиваю, объективных, существующих помимо нашего желания о них думать – проблем:

- износ национальной инфраструктуры, чреватый системной техногенной катастрофой;
- демографический кризис; сокращение населения страны со скоростью почти 1 млн человек в год приведет в том числе к тому, что в ряде регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока китайское население (состоящее в первую очередь из нелегальных иммигрантов) почти сравняется по численности с русским; граждане КНР будут преобладать в различных секторах дальневосточной экономики – от розничной торговли до новых сырьевых инвестиционных проектов;
- паралич ряда машиностроительных отраслей, в первую очередь самолетостроения, станкостроения и сельхозмашинострое-

ния, что приведет помимо негативных последствий в структуре экономики к ликвидации порядка 3 млн рабочих мест;

– системный кризис оборонно-промышленного комплекса, выросшего из него сектора высоких технологий, который сегодня «доедает» остатки еще советских проектно-конструкторских разработок, но пытается освоить западные технологии «третьей волны» и давно ничего не знает про самостоятельное творческое развитие;

– переход от прекращения омоложения науки к ее физическому вымиранию; фундаментальная наука уже перестает потреблять кадры моложе 30 лет, что сделает ее существование хроникой нешироко объявленной смерти;

– фактическая утрата контроля со стороны Москвы за внутренней ситуацией на Северном Кавказе, в первую очередь в Чечне и Дагестане, где резко вырастет активность ваххабитских и иных экстремистских группировок; кавказский кризис связан не в последнюю очередь с беспрецедентным уровнем безработицы и отсутствием какой бы то ни было программы развития Северного Кавказа; все участие федерального центра в судьбе региона сводится к периодическим финансовым подачкам, которые тут же разворачиваются, подогревая борьбу между властно-криминальными кланами за право украсть каждый бюджетный рубль;

– крах наших вооруженных сил, которые сегодня представляют собой не современную армию России, а разлагающийся и почти небоеспособный кусок войск давно несуществующего государства СССР;

– паралич переведенной на подножный корм силовой системы, привыкшей заниматься «крышеванием» и другими видами специфической экономической деятельности, но не способной решить реальные проблемы ни на польхающем Кавказе, ни в других регионах России; о том, чтобы силами правоохранительной системы остановить чудовищную нелегальную миграцию на востоке страны, и речи нет.

Это не все проблемы, только часть. Вы еще хотите в Кремль, дорогие преемники Путина?

С уходом (в законные сроки, ни днем раньше и не часом позже) Владимира Путина страну должна перенять новая, ответственная элита, которая будет понимать власть как долгосрочное, может быть, неблагодарное (на первых порах) строительство, а не сплошной раздел и передел. И в этой элите доминирующим не будет вопрос «а зачем тебе это нужно?». Да не нам это нужно, господа хорошие, а стране, иначе она никогда не станет современным развитым и уважаемым государством, а скорее распадется еще при жизни

нашего поколения, а спокойно мириться с развалом нашей страны, мы, как граждане России, не можем, не хотим и не собираемся.

Но для того чтобы все перечисленные и неперечисленные тяжелейшие проблемы решить, нужна традиционная мобилизация всего народа. Причем мобилизация не лагерная, а творческая, востребующая интеллектуальные ресурсы десятков миллионов наших сограждан на базе единой национальной идеи. Люди, привыкшие, что власть от них бесконечно далека, что они ни за что не отвечают, так называемым элитам на них наплевать, должны вновь почувствовать, что Россия – наша общая страна, которая думает и заботится о всех, кто в ней живет, и за которую они тоже в ответе. А это достигается в первую очередь качественным изменением принципов государственной и социальной политики, возрождением демократических методов управления страной, в том числе государственного патернализма как инструмента единения государства и народа, как признания факта, что государство и экономика существуют для нужд людей.

Да, демократия не позволяет реализовать идеальную либеральную модель «каждый за себя», да, избиратель потребует уступки части свалившегося с неба нефтяного богатства на нужды тех, кто по здоровью, образованию, возрасту и другим причинам не может сам добиться личного успеха в современном обществе без его (общества) помощи.

Потому и необходим тот самый левый поворот. Для преодоления патологического, космического отчуждения между элитами и народом, властью и теми, кем эта власть правит. А вовсе не для того, чтобы, как полагают некоторые теоретики «путинской стабильности», оппозиция, победив на думских выборах, выпустила Ходорковского из тюрьмы. Без преодоления отчуждения невозможна единая национальная идея, а без национальной идеи – спасение и возрождение страны. Если кому-то не нравится слово «левый», пусть найдет другое. Суть поворота от этого не меняется.

Кроме того, левый поворот неизбежен, потому что новый, «левый» цикл в большой российской политике давно уже наступил.

И ни ужаснения, с помощью которых ему не дают проявиться, ни множасьщиеся в последнее время попытки пропагандистского (предвыборного) стимулирования не дадут ничего, кроме дальнейшего разложения народа и государственности. Чем раньше левая энергия получит возможность выйти на поверхность и принять на себя свою долю ответственности за настоящее и будущее России, тем более созидательной и менее опасной она будет. Если нынешняя правящая элита трансформируется демократически, мы получим мирную смену

власти. Если будет тянуть, а тем более вслед за наименее ответственной частью элиты провоцировать экстремистский сценарий, надеясь оправдать им авторитаризм, – последствия для страны будут печальны и абсолютно предсказуемы, а о стабильности, постиндустриальном развитии, достойном месте в мире можно будет забыть надолго.

Программа-2020

Политико-экономическая программа будущей правящей элиты России (программу можно назвать социальной или социал-либеральной, это будет верно, хотя и лишь отчасти) рассчитана на 12 лет. Это разумный срок ее реализации. Не надо думать, что 12 лет – это «три президентских срока». Программа может быть эффективно реализована только при условии смены государственно-политической модели России, а именно перехода к президентско-парламентской республике. Где президент будет моральным лидером, гарантом единства страны, верховным главнокомандующим, непосредственным начальником силовых структур и центром формирования идеологии внешней политики. А всем комплексом вопросов экономики и социальной сферы займется правительство, формируемое Государственной думой и ответственное перед парламентом за результаты своей работы.

Кроме того, необходимо возрождение реального федерализма, переход к выборности глав регионов и членов российского сената, становление реального местного самоуправления, обладающего необходимыми, в том числе финансовыми, полномочиями и возможностями. Только в таком случае мы получим ответственные региональные элиты, которые будут заинтересованы в долгосрочном развитии, «культивировании» своих территорий. Бюрократу, отправляемому Кремлем в регион на «кормление» (свое собственное и вышестоящих товарищей), на долгосрочное развитие по определению наплевать. К тому же только в условиях федерализма, понятного и взаимосвязанного распределения прав и ответственности мы сможем договориться с «проблемными» регионами, в первую очередь национальными республиками, нейтрализовать растущий или зарождающийся сепаратизм.

Цели этой программы, которая может быть в основных своих положениях реализована к 2020 году, таковы.

1. Увеличение численности населения России до 220–230 млн человек, что позволит освоить Восточную Сибирь и Дальний Восток силами российского народа и избежать расчленения страны в результате «китаизации» восточных регионов. Программа борьбы с депопуляцией должна предполагать, во-первых, создание государством понятных

стратегических ориентиров для новых поколений, во-вторых, прямое финансовое стимулирование рождаемости, обеспечивающее по крайней мере прожиточный минимум для каждого новорожденного (что потребует около \$10 млрд в год).

2. Достижение следующей структуры национальной экономики:

40% – «экономика знаний»;

40% – нефть, газ, металл, лицензионное производство;

20% – сельское хозяйство, включая переработку и торговлю.

Переход от экономики «нефтегазовой трубы» к «экономике знаний» позволит увеличить ВВП России за 12 лет в 3,5–4 раза – до \$4–5 трлн. Замечу, что размер ВВП выступает здесь лишь индикатором, но никак не конечной целью развития. Достижение цели подразумевает, в частности: создание действенного режима свободных и особых экономических зон для высокотехнологичных производств; развитие (создание) необходимой современной технической инфраструктуры – первоначально хотя бы в рамках технопарков; формирование венчурных фондов с долей государственного капитала для обеспечения привлекательности инвестиций в приоритетных направлениях; формирование системы государственных и частно-государственных грантов на образование и исследования; системную защиту и поощрение инновационной активности творческой молодежи, предпринимательства на уровне государственной политики.

3. Сохранение территории России и закрепление ее нынешних границ, в том числе посредством реализации значительных инвестиционных программ в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Достижение этой цели подразумевает создание масштабных центров деловой активности России на востоке и за Уралом. Объем инвестиционных программ, которые могут финансироваться как частным капиталом, так и в рамках механизма частно-государственного партнерства, достигнет \$200 млрд в течение 10–15 лет.

4. Создание практически с нуля новых вооруженных сил России. Мы не можем жить больше с остатками армии другого, давно несуществующего, как я уже сказал выше, государства. Объем стартовых инвестиций в создание новой армии – около \$50 млрд.

5. Воссоздание системного образования и фундаментальной науки как системы воспроизводства интеллектуального потенциала нации. Россия не может жить импортом научных достижений, и отнюдь не только по соображениям «национальной гордости». Если у нас не будет собственной мощной науки, мы не только не сможем создать экономику знаний, но и потеряем лучшие молодые мозги – они уедут на Запад (да и не только на Запад, та же Индия, современный мировой центр офшорного

программирования, их примет с распростертыми объятиями). А без интеллектуального потенциала следующих поколений ни возрождения России, ни тем более «российского прорыва» – не будет. Подобная программа потребует увеличения финансирования фундаментальной науки в 2,5–3 раза по сравнению с сегодняшними показателями.

6. Кардинальная модернизация национальной коммунальной инфраструктуры и создание новых транспортных коммуникаций – автомобильных и железных дорог – преимущественно на востоке и юге страны. Это потребует порядка \$80 млрд инвестиций, частных и государственных, в течение десяти лет.

7. Создание исторически и ментально традиционной для России системы социальной защиты населения, включающей бесплатное качественное медицинское обслуживание и качественное обязательное среднее образование для 100% населения, бесплатное высшее образование для 50% молодежи, гарантии предоставления в полном объеме ранее имевшихся социальных льгот или их реального денежного эквивалента.

Реализация программы потребует около \$400 млрд государственных инвестиций и около \$500 млрд инвестиций частных. Со вторыми проще – они потянутся в страну, как только будет упразднена заведомо неэффективная фантомная «вертикаль власти», восстановлен полнокровный федерализм, появится ответственная элита, готовая брать на себя обязательства и давать гарантии. С государственными, как всегда, сложнее. Где их взять?

Источников – три.

1. Изменение регламента использования сырьевой ренты. Кремлевский прогноз резервов ЦБ на 2008 год – \$300 млрд. То есть \$140 млрд прироста за три года. В стабфонде уже накоплено \$50 млрд, и он аккумулирует \$100 млрд за три года при небольшом изменении цены отсечения. Таким образом, государство имеет свободных ресурсов по \$60–70 млрд в год. Ресурсов, которые можно и нужно использовать для инвестиций в собственную экономику.

2. Легитимация приватизации – через специальный компенсационный налог – принесет федеральному бюджету и целевым внебюджетным фондам около \$30 млрд.

3. Дополнительные доходы бюджета, которые возникнут при изменении темпов экономического роста. Рост в 12–15% в год, который вполне достижим при изменении структуры экономики и модели управления ею, принесет федеральному бюджету дополнительные ежегодные доходы на уровне \$20 млрд.

Таким образом, финансовых источников достаточно, чтобы обеспечить необходимый уровень вложений и в их государственной части.

Легитимация приватизации

Нельзя сказать, что приватизация 90-х годов была абсолютно неэффективна экономически. Да, многие крупнейшие предприятия России были проданы за символическую стоимость. Но не надо забывать, что главной целью той приватизации было вовсе не немедленное пополнение бюджета за счет доходов от продажи объектов, а создание института эффективного собственника. И эта задача была в целом решена.

Я помню, каким был ЮКОС, когда я пришел в него в 1996 году. А ведь компания по сравнению с другими нефтяными госгигантами пребывала тогда еще в относительно удовлетворительном состоянии. Тем не менее добыча нефти падала на 15% в год, долги всем подрядчикам составляли около \$3 млрд, задержки по зарплате достигали шести месяцев, работники то глухо роптали, то открыто негодовали, воровство в каждом звене было страшное. Когда я уходил из ЮКОСа (2003 год), зарплаты достигали уже 30 000 рублей в месяц, ни о каких задержках платежей не было и речи, а налоговые поступления в бюджеты всех уровней составляли уже \$3,5–4 млрд в год – причем при цене нефти на уровне \$27–30 за баррель, а не \$60, как сейчас. То есть благодаря той самой приватизации был создан реальный менеджмент, которого в эпоху «красных директоров» просто не существовало.

Тем не менее приватизация была неэффективной политически и социально. Потому что более 90% российского народа не считают ее справедливой. А значит, результаты приватизации не признаются нашими согражданами, и в таких условиях перманентный и бесконечный передел собственности неизбежен.

Я предлагаю не изобретать колесо и воспользоваться весьма успешной схемой легитимации приватизации, которую в конце 90-х годов использовали британские лейбористы – кабинет Тони Блэра – в отношении инфраструктурных компаний, разгосударствленных еще в 80-е годы. Схема состоит в применении так называемого налога на неосновательные доходы от благоприятной конъюнктуры. Сумма налога в наших условиях может равняться реальному годовому обороту, который был у компании в год ее приватизации, и чтобы учесть средства, разворачиваемые тогдашними директорами через подставные компании, надо умножить объем производства на рыночные цены, не обманываясь абсолютно непригодной отчетностью по российским стандартам.

Я знаю, как это сделать, мне, как и многим другим, пришлось разгрести горы криминальных схем, обрушивших экономику в 1993–1995 годах. Этот параметр четко отражает состояние российских компаний именно в период их разгосударствления с учетом всех параметров, определявших тогда их капитализацию: мировых цен на сырье, качества управления, уровня политических рисков в России того времени и т. п.

Иными словами: каждый, кто хочет снять с повестки дня вопрос о легитимности (справедливости) своей крупной промышленной собственности, должен заплатить в федеральный бюджет России либо целевые специальные фонды (например, фонд стимулирования рождаемости, из которого будут выплачиваться пособия на новорожденных) налог в размере оборота компании в год ее приватизации. С момента выплаты собственник получает от государства и общества бессрочную «охранную грамоту» – его собственность считается законной и честной.

Легитимация должна явиться результатом осмысленного пакта между государством и собственниками, крупным бизнесом. Бизнес, который собирается жить и работать в России долго, должен пойти на такой пакт, руководствуясь непреложным принципом: лучше отдать сегодня часть, чем завтра – все. Схема единовременного налога и простота его расчета делают легитимационную процедуру прозрачной, исключают коррупцию и избирательное применение нормативных актов в этом процессе.

По моим предварительным подсчетам, качество которых ограничено условиями общей камеры и краснокаменской зоны, легитимация приватизации принесет \$30–35 млрд в течение трех-четырёх лет.

Открыть шлюзы

Мои критики говорят: в стране нет кадров, чтобы проводить масштабные преобразования. В процессе реформ все будет или провалено, или разворовано.

Категорически не согласен. Представители нынешней правящей элиты судят обо всех и обо всем по себе. У меня есть опыт построения крупнейшей российской корпорации – ЮКОСа. И если эта компания из позднесоветского развала поднялась до уровня мирового гиганта с \$40-миллиардной капитализацией, то в первую очередь благодаря кадровой политике.

Во всех областях мы выбирали:

- а) лучших;
- б) там, где это возможно, – молодых (до 35 лет).

Если бы мы, как сегодняшний Кремль, делали упор на умение соискателей рабочих мест преданно заглядывать в глаза и носить за начальником портфель, то ЮКОСа уже давно бы не существовало.

Необходимо лишь сформулировать правильные критерии отбора кадров, а талантов в России всегда было, есть и будет в избытке! Кремль отбирает людей по феодальному критерию 100-процентной лояльности и управляемости, потому и получает полную неэффективность своей и без этого архаичной «вертикали». Дееспособный человек не может быть на 100% управляемым – это удел лишь заведомых бездарностей и корыстолюбцев. Если открыть шлюзы вертикальной социальной мобильности, пригласить самых умных, образованных, а значит, амбициозных – никаких проблем с профессионалами у нас не будет. Меня умиляет околоремлевское рассуждение на тему кадров: вот, нет у нас специалистов, страдаем, гибнем, но никого в свой круг все равно не пустим, сдохнем, но профессионалов извне нашего кухонного кружка не пригласим! Что ж – результат для сравнения налицо. С одной стороны, ЮКОС 1995–2003 годов, с другой стороны, сегодняшний Кремль.

Так что – не бойтесь. Кадры есть и будут. Мы привлечем новые поколения к реальному сотрудничеству, и эти поколения построят Россию будущего. И у самих себя эти люди будущего воровать не станут.

Если же все время бояться, что «вот-вот украдут», никакое движение вперед, никакие инвестиции, никакое развитие становятся в принципе невозможными.

Модернизация как спасение

Нынешняя политическая элита России ищет себе спасения в отказе от модернизации и попытках, как говорилось в добром анекдоте брежневских времен, раскачивать гниющий в тупике вагон, делая вид, что мы как будто куда-то едем. «Это что за остановка – Бологое или Поповка?» С платформы, правда, ничего не говорят – народ безмолвствует.

Я не спорю: для многих бюрократов и пожинателей природно-статусной ренты такая модель жизни хороша. На ближайшие три-четыре года, пока не прозвонит будильник, приглашая к отбытию из страны на пляжи еще не доеденных цунами Мальдивских островов.

Но для России необходим реальный модернизационный проект. Без такового страна в новом столетии просто не выживет. Не сможет ответить на объективные исторические вызовы. Контуры этого проекта уже видны. Неподдалеку, там, за левым поворотом.

Михаил Ходорковский, частное лицо, ЯГ 14/10
(«КоммерсантЪ», 11.11.2005)

Михаил Ходорковский

Левый поворот – 3

Глобальная perestroika

Победа Барака Обамы на выборах президента США – это не просто очередная смена власти в одной отдельно взятой стране, пусть и сверхдержаве. Мы стоим на пороге смены парадигмы мирового развития. Заканчивается эпоха, которой положили начало Рональд Рейган и Маргарет Тэтчер три десятилетия назад. Безусловно относя себя к части общества с либеральными взглядами, вижу: впереди – левый поворот.

Случайность и необходимость

В последнее время я получаю все больше вопросов от самых разных людей: считаю ли я, что Кремль взял на вооружение идеологию моих статей «Левый поворот» и «Левый поворот – 2»? Авторы затрагивают и «приоритетные национальные проекты», и «полевание» официальной риторики, и даже пресловутую «программу-2020» (некоторые тезисы которой действительно возникли в «Левом повороте – 2» три года назад).

Поскольку традиционной реакцией нашей властной бюрократии на мои мысли все равно является карцер, то попытаюсь ответить через газету «Ведомости». Заранее благодарю тех, кто помог мне в подготовке новой статьи.

Действительно, за минувшие три года определенные изменения в российской внутренней политике стали заметными. Хотя и не исчерпывающими. Однако дело здесь, конечно, не во мне. А в том, что власть объективно не могла игнорировать логику левого поворота как системы объективных требований, каковые реальность предъявляет

к правящей элите. Действительно, сырьевой бум породил отчетливый запрос на преодоление вопиющего разрыва между демонстративным элитным потреблением и обычной для современной России удручающей бедностью. А вопрос ответственности элит и необходимости долгосрочного планирования стал актуален с точки зрения самого выживания государства.

Кремль – так совпало, что после выхода в свет двух «Левых поворотов», – предпринял определенные шаги в социально-экономической сфере, которые нельзя было не приветствовать независимо от общего отношения к сегодняшней российской власти. Хотя важно понимать, что эти шаги были не следствием глубокого осмысления властью новой стратегии развития России, но суммой разнонаправленных и противоречивых реакций Кремля на внешние вызовы, важнейшим из которых была угроза социальной нестабильности, особенно после серии весьма красноречивых «цветных революций» на постсоветском пространстве.

Кризисные явления в российской экономике сегодня показывают, что сама по себе «реактивная модель», предполагающая логику властного поведения по старой русской поговорке «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится», долго работать не может. Выявлять системобразующие проблемы и источники вероятных кризисов нужно заранее, задолго до того, как эти проблемы стали критическими для страны. Иными словами, нужно понимать, где мы есть, куда ведет нас историческая дорога, что будет за несколькими ближайшими поворотами этой дороги и как мы намерены сегодня нейтрализовать проблемы, которые дадут о себе знать в полной мере лишь завтра, а то и послезавтра.

Собственно, о том и были мои трехлетней давности «Левые повороты». К удивлению некоторых, основные прогнозы и оценки, сформулированные в тех статьях, кажется, оправдываются.

А сегодня на пороге левого поворота оказался уже весь мир. Свидетельством чему служит триумф Обамы, а порукой – глобальный финансовый кризис. Который, вопреки избыточному (и, вероятно, вполне искреннему) оптимизму многих наших крупных чиновников, стал и вполне нашим, российским кризисом. В острой и тяжелой форме, хотя пока и в достаточно узком банковско-фондовом сегменте, как и следовало ожидать. Настаиваю на такой оценке, несмотря на известные мне процессы, начавшиеся в социальной сфере и в отраслях реального сектора – металлургии, строительстве, автомобилестроении и т. д. Это еще пусть грозные, но пока лишь предвестники рецессии.

Расползется ли кризис по экономике вширь и вглубь в краткосрочной перспективе, зависит от грамотности финансовых властей. А вот среднесрочные и долгосрочные последствия лежат за пределами их полномочий.

Кризис: источники и составные части

Многие крупные политики, эксперты, бизнесмены сходятся в оценках основных причин глобального кризиса. Эти причины таковы:

– резкое нарастание неэффективности систем государственного регулирования в последние 10 лет; особенно стал очевидным «великий разрыв» между глобальным характером основных экономических процессов в моноцентричном мире и локальным характером регуляторных систем, которые в итоге оказались неустойчивы и уязвимы перед потрясениями, выходящими за пределы национально-государственных пространств; в глобальной экономике и механизмы регулирования должны быть глобальными, но таковыми они на сегодняшний день не являются;

– пропасть между понятиями «ответственность» и «право принятия решений», которая возникла еще полтора десятилетия назад и с тех пор только разрасталась, пока в нее не свалились первые жертвы кризиса; в неолиберальной экономике решения принимались все больше наднациональными и транснациональными структурами (в первую очередь корпорациями, но также и Международным валютным фондом, и Всемирным банком), конечная же ответственность за социальные последствия решения досталась национальным правительствам и налогоплательщикам;

– диктат портфельных инвесторов в глобальной экономической системе; мы привыкли смотреть на мир глазами инвестора, оценивая самые разные процессы, проблемы и риски исключительно с точки зрения «как это повлияет на финансовые рынки», которые по природе своей близоруки и истеричны (т. е. легко прыгают от восторженной влюбленности к глубочайшему отвращению, зачастую безо всякого изучения сути дела); в результате за фасадом здания процветавших (долгое время) рынков вызревали трещины, которые в 2008 г. начали откровенно расползаться;

– социальная и национальная безответственность «корпорации менеджеров», моральная эрозия в среде людей, принимающих ключевые экономические решения; за минувшие 25 лет менеджеры стали фактически обособленной кастой, не зависящей ни от общества, ни даже от результатов своей управленческой де-

тельности; горизонт корпоративного планирования для таких менеджеров сократился едва ли не до месяцев – действительно, зачем долгосрочное планирование, если твой личный успех определяется только статусом, местом в менеджерской корпорации и внешним впечатлением от тебя и твоего квартального отчета, но не объективными экономико-социальными результатами твоей деятельности и уж тем более не средне- и долгосрочными их последствиями?

– не критическое отношение элит к результатам воплощения экономических теорий; точно так же, как в 1970-е гг. вожди Советского Союза проспали грядущий кризис, в конечном счете уничтоживший СССР, так в начале 2000-х теоретики и практики неolibеральной модели, восторжествовавшей в 1980-е и 1990-е, решили, что эта модель неисчерпаема и, несмотря на отдельные неприятности, системный кризис ей не грозит; тем самым были проигнорированы фундаментальные законы не только экономики (например, цикличность развития), но и диалектики (развитие опирается: любая теория или модель в определенный исторический момент изживает себя, чтобы со всей неизбежностью уступить дорогу побежденной вчера предшественнице, но уже на новом историческом уровне);

– ставка на безудержную эксплуатацию доступных и простых природных ресурсов, в первую очередь углеводородов; этот подход привел также к скачку цен на энергоносители, радикальному перетоку капитала в направлении стран – экспортеров нефти и газа и непропорциональному росту удельного веса чисто сырьевых (т. е. неинновационных, системно слабых и критически зависимых от внешних факторов) экономик в мировом хозяйстве.

Мир ныне столкнулся отчасти с теми же проблемами, что Франклин Рузвельт в Америке конца 1920-х гг. Разумеется, есть и принципиальные различия. Мир времен Рузвельта представлял собою совокупность региональных проектов, и Америка тех времен в полном согласии с доктриной Монро распространяла свое решающее влияние на Западное полушарие, но не более того. Сегодняшний мир – глобальный, и потому он стал заложником проблем Уолл-стрит. Любое малейшее движение и даже намерение американской власти порождает огромную волну последствий практически везде, кроме, может быть, абсолютно изолированных стран вроде Северной Кореи. Это подтверждает, что ни многополярным, ни тем более бесполярным мир не стал: он по-прежнему монополярный

и американоцентричный. Несмотря на все проблемы и трудности в экономической, политической, военной и интеллектуальной сферах, которые есть сегодня у Америки.

Самообман, в частности в вопросе о современном экономическом миропорядке, опасен, так как диктует неверные решения, а желаемое изменение, чтобы стать действительным, требует серьезнейших и долговременных усилий и затрат.

Ответом на глобальный кризис неизбежно станет глобальная перестройка. Будем называть ее снова, как 20 лет назад, в английской транскрипции – *perestroika*, так как именно этот исторически российский термин более понятен и легче объясним. Не случайно финансовый кризис, обострившийся в сентябре нынешнего года, сразу привел к скачку популярности Барака Обамы, который для избирателей в США во многом олицетворяет на сознательном и бессознательном уровнях идею *perestroika* (*Change we need*) и в некоторой степени может восприниматься как современный американский аналог нашего Михаила Горбачева образца середины 1980-х.

Мы имеем полное моральное и экспертное право констатировать, что 30 лет доминирования либертарианских идей подошли к концу. Да, в начале 1980-х к власти в США и Великобритании пришли лидеры – я имею в виду Рональда Рейгана и Маргарет Тэтчер, – которые увидели, что «реальный социализм» становится вопиюще неконкурентоспособным и экономически, и политически, и социально. А значит, биполярный мир не вечен и холодную войну можно выиграть. Причем с опорой на старый добрый либерализм. Поскольку социал-демократия не могла в то время столь же отчетливо и недвусмысленно противопоставить себя коммунизму, в котором она видела немало продуктивного и позитивного. К тому же тогдашние европейские и американские левые исходили в основном из того, что коммунистический лагерь вечен и борьба с ним не должна предполагать жесткой ориентации на победу.

Сейчас в мире складывается обратная ситуация. Прожив счастливо более четверти века, рейганомика себя в данный исторический момент исчерпала. К порогу современности подошел неосоциализм. В ближайшем будущем Кейнс будет более востребован, чем Фридман и Хайек. Осязаемые руки государств и межгосударственных альянсов – более, чем невидимая рука рынка.

Левый поворот, но уже не узконациональный и не региональный, а глобальный, станет ответом мира на вызов кризиса, а точнее – накопленных за предыдущие два с половиной десятилетия проблем.

12 тезисов перестройки

Что ждет нас в стартовую эпоху мировой perestroika?

- 1.** Качественное усиление роли государств как регуляторов в экономике (но не как субъектов и тем более не в качестве инструментов передела собственности и финансовых потоков; последнее и есть современная российская коррупционная модель, создающая иллюзию увеличения роли государства в ситуации, когда государственные институты становятся орудиями удовлетворения сугубо частных интересов, как это было и в деле ЮКОСа).
- 2.** Приведение регулятивных систем в соответствие с требованиями глобальной экономики и равновесия ключевых ее субъектов. Национальные правительства не только усилят контроль над своими каноническими территориями, но и вынуждены будут более жестко координировать действия между собой, фактически положив начало «мировому экономическому правительству».
- 3.** Возрождение ценностей солидарности как альтернативы экономическому эгоизму и неуправляемой конкуренции. Оно коснется не только рыночных субъектов, но также целых стран и регионов. Новый уровень сотрудничества Европы и Китая ради преодоления кризиса – это уже первый тому пример.
- 4.** Введение более жестких требований к собственникам и менеджерам корпораций со стороны государства и общества. Возвращение в менеджмент некоторых традиций, которые можно назвать «неопатриархальными»: мораль, личная ответственность за результаты деятельности корпораций перед государством и обществом, семейная преемственность, долгосрочное планирование, жесткие критерии оценки результативности корпоративного управления, причем с точки зрения не только акционеров, но и внешней по отношению к корпоративному миру среды.
- 5.** Новая система управления финансовыми рынками и регулирования этих рынков, которая сместит баланс их деятельности в сторону общественно необходимой цели – поддержки развития реальной экономики. Иная цель, которая вышла на первый план в последние годы, – возможность быстрого обогащения самих операторов финансового рынка – станет второстепенной.
- 6.** Ограничение роста материального потребления «золотого миллиарда», который за последние 15 лет стал просто безудержным. Возвращение ценностей самоограничения, отказ от постоянного потребительского бума как экономической и жизненной философии развитых стран.

7. Ускоренная разработка и внедрение конкретных технологий сокращения потребления невозобновимых природных ресурсов. Среди таких технологий особое место займет альтернативная энергетика, предполагающая отказ от приоритетной ставки потребителей сырья на сырую нефть и природный газ. Очевидно, что и национальные правительства, и межгосударственные органы управления, и корпорации должны будут относиться к природе и ее ресурсам гораздо более ответственно, чем это было принято в условиях торжествующей рейганомики и непрерывного фондового ралли.

8. Частичное восстановление в правах ценностей и стандартов индустриальной эпохи в противовес приобретенному какую-то гротескную самооценку разрастанию виртуального сектора. Восстановление некоторых позиций и преимуществ реального в его соревновании с виртуальным. Усиление фактического контроля государств над крупнейшими корпорациями, включая законодательное регулирование и даже частичную национализацию. Неизбежное вследствие этого снижение рыночной эффективности и гибкости таких структур. Создание тем самым новых возможностей для малого и среднего бизнеса, а значит, базы для будущего правого поворота.

9. Определенные ограничения на порядок движения капиталов, товаров и рабочей силы между крупными экономическими зонами (регионами), предотвращающие возможность внезапных катастрофических колебаний. Я полагаю, что борьба с нелегальной иммиграцией, которая в России почему-то стала синонимом радикального национализма, в ближайшие годы усилится в разных частях мира – хотя бы в силу роста безработицы на территории «золотого миллиарда» и готовности многих жителей развитых стран вновь вернуться на непрестижные рабочие места.

10. Рост внимания национальных правительств и межгосударственных регуляторов к созданию эффективных социальных «подушек безопасности». Которые, в свою очередь, способны устранить наиболее острые дисбалансы в благосостоянии людей и целых народов, становящиеся все более опасными для мира в целом. При этом проблема потомственного иждивенчества и люмпенизации иждивенцев будет стоять в полный рост и требовать своего решения уже на этапе проектирования необходимых мер.

11. Рост удельного веса человеческого фактора и интеллекта в экономике, которая уже не сможет эксплуатировать различные объективные тренды без субъективного, творческого и критического подхода к ним. На первое место среди предпосылок экономического развития

объективно выходит человеческая способность к творческому труду, а значит, политические и социальные условия, позволяющие эту способность реализовывать.

12. Уход на задний план логики приоритета коммерческой прибыли, пресловутого экономического эгоизма. Переход государств и (в меньшей степени) крупных корпораций к разработке и финансированию стратегических проектов, которые могут быть неприбыльными финансово даже в среднесрочной перспективе, зато выгодными социально, а значит, долгосрочно целесообразными.

Каким будет место России в условиях новой perestroika? Ответ должна дать правящая элита. Если она подтвердит свою готовность нести ответственность за необходимое и неизбежное реформирование страны.

Оправдание либерализма

Значит ли это, что кризис приведет к краху и забвению либерализма в мире? Безусловно, нет.

В начале 1980-х гг. неолиберализм оказался качественно более эффективен, чем комплекс социалистических идей и практик. Торжество либерализма повлекло за собой тектонические геополитические и геоэкономические изменения и, например, позволило Фрэнсису Фукуяме сформулировать свое известное пророчество о либеральном «конце истории» и «последнем глобальном человеке».

Сейчас, на исходе первого десятилетия XXI в., победителем станет неосоциализм. Но это уже не будет тоталитарный социализм ялтинского мира – многим в себе он обязан тому самому неолиберализму Рейгана и Тэтчер. Дальнейшая глобализация будет несколько замедлена, но не остановится. «Золотому миллиарду» придется отказаться от надежд на еще большее улучшение своего потребительского статуса, но высокие стандарты потребления, сложившиеся в конце прошлого века, останутся в целом нормой. Тяга к политической свободе и открытой конкуренции личностей и идей не исчезнет. Прогноз Фукуямы формально не оправдался, но его оценки были во многом верны, и это нельзя не признать, входя в период всемирного левого поворота.

И на следующем витке истории – вероятно, через 12–15 лет – после того, как неосоциализм расчистит завалы глобального кризиса и гармонизирует мировую экономику, начнется новый этап наступления либерализма. За левым поворотом снова настанет правый. Но это уже повестка завтрашнего дня.

Автор – заключенный, бывший владелец НК ЮКОС
(«Ведомости», 07.11.2008)

Михаил Ходорковский Россия в ожидании суда

Президент Медведев, кажется, совершенно не против либерализации. Но в то же время не хочет, чтобы любые «оттепельные» мероприятия хотя бы в минимальной степени представляли угрозу его власти. Тем более – угрожали основам его президентской легитимности, среди которых прямая преемственность по отношению к предыдущему российскому президенту Владимиру Путину. Дмитрий Медведев умеет не только говорить, но и делать кое-какие правильные вещи. Например, помилование 12 осужденных после нескольких лет полного бюрократического паралича самого механизма помилования. Увольнение начальника Московского ГУВД Владимира Пронина после восьми с половиной лет, когда считалось, что бюрократия не просто не должна, а не вправе реагировать на общественное мнение. Долгожданное освобождение Светланы Бахминой. Да, формально это решение принимал не Кремль, а суд. Но при Путине этого не произошло.

Дмитрий Медведев произносит совершенно верные слова и о судебной реформе. Хотя слова иногда расходятся с непосредственными действиями. Например, инициатива о назначении председателя Конституционного суда Советом федерации по представлению президента страны едва ли действительно гарантирует независимость этого судебного органа. Скорее это часть многоходовой комбинации, характерной для стиля нынешнего президентства. Предсказывать, а тем более пытаться объяснить истинный смысл подобных шагов не является задачей данной статьи. Полагаю необходимым поговорить о стратегии.

Значение судебной реформы для будущего страны нельзя недооценивать. Автор этих строк убежден: никакая демократизация, никакая либерализация в России в принципе невозможны без **превентивной** судебной реформы. Потому что эффективная защита прав и свобод граждан реальна только в той стране, где граждане могут пожаловаться на ущемление своих прав и свобод в полностью независимую от исполнительной и законодательной власти инстанцию – суд. И рассчитывать на непредвзятый вердикт.

Никакие законы, никакие решения власти, пусть даже самые либеральные и «оттепельные», не будут работать, если в стране нет независимого суда, который может остановить нарушения или неправильное применение законов и других властных актов.

Исторические проблемы с демократией в России возникли во многом потому, что у нас в Средние века и Новое время так и не сложился институт суда, который давал бы равные шансы хозяину и слуге, сильному и слабому, государству и его подданному. Договоры между царской, а потом императорской короной и всеми остальными субъ-

ектами (боярами, дворянами, крепостными, холопами) действовали заведомо только в одну сторону. Государство могло отказаться от своих обязательств в любой момент. И пожаловаться на власть, а тем более получить защиту в независимой инстанции было заведомо невозможно.

Так было на протяжении почти всей отечественной истории, хотя в ней был 60-летний период в конце XIX – начале XX века, когда судебная реформа императора Александра II Освободителя привнесла в российские реалии и суд присяжных, и присяжную адвокатуру, и честную профессиональную прокуратуру, а вместе с ними – Правосудие, прославившее страну. Но, к сожалению, в силу устойчивых противоположных традиций, переживших сначала Российскую империю, а затем и Советский Союз, эта реформа встретила ожесточенное сопротивление, а сама эра Правосудия оказалась недолгой.

Потому я считаю, что судебная реформа в современной России должна предшествовать политической. Любые новации, связаны ли они с расширением прав парламента, повышением статуса политических партий, снижением электорального барьера, возвращением к выборности Совета федерации, смягчением законодательных требований к некоммерческим организациям, могут превратиться в фикцию, если и пока в стране нет независимого суда, не подчиненного ни «телефонному праву», ни логике коррупции.

В 90-е годы прошлого века у нас уже была попытка создать такой суд. Признаемся честно самим себе: она провалилась! Скорее всего, потому, что большая часть элиты на самом деле, как и в XIX веке, не хотела полностью независимой «третьей власти». Чиновники, как и прежде, оставались заинтересованы в том, чтобы судьи выполняли их прямые или косвенные указания. Многие бизнесмены – в возможности гарантировать определенный исход судебных разбирательств с помощью взяток. Сегодня у нас есть судебная система, которая на 2/3 представляет собой особый департамент исполнительной власти, на 1/3 – конгломерат специальных подразделений крупных и средних корпораций.

Конечно, нельзя не признать, что честные судьи, подчиняющиеся только закону, есть и в сегодняшней России. Но их немного. Они – исключение, которое подтверждает правило. Есть и честные, справедливые судебные решения. Но они, увы, возможны лишь по делам, в которых нет административно-коррупционного воздействия на суд.

Модернизация судейского корпуса, качественное изменение его состава – важнейшее условие построения независимой судебной си-

стемы. Однако эта модернизация будет долгой и трудной. И она может стать результатом, но не предпосылкой судебной реформы. Потому что заменить тысячи судей в короткий срок невозможно. А при отсутствии необходимой существенно новой политико-правовой среды ротация состава «третьей власти» сама по себе к радикальным переменам не приведет.

Приоритетные шаги в направлении радикального реформирования российского судопроизводства должны предполагать, на мой взгляд, возрождение независимости каждого судьи и судейского сообщества в целом. В начале этого десятилетия, когда Кремль начинал путинскую судебную реформу, приведшую в конечном счете к тотальному торжеству «басманного правосудия», нам говорили, что очень важно избежать превращения судейского корпуса в «закрытую касту», свободную от внешних влияний. Сегодня очевидно: мы должны добиваться, чтобы судьи стали профессиональной корпорацией, независимой от внешних воздействий, административных или коррупционных. Той самой «кастой», если угодно. Формирование судейской корпоративности, пусть даже это слово многим не нравится, есть непреложное условие создания – быть может, впервые по-настоящему за всю российскую историю – независимого суда.

Не случайно Бангалорские принципы поведения судей специально оговаривают, что «независимость судебных органов является предпосылкой обеспечения правопорядка и основной гарантией справедливого разрешения дела в суде. Следовательно, судья должен отстаивать и претворять в жизнь принцип независимости судебных органов в его индивидуальном и институциональном аспектах».

Бангалорские принципы поведения судей были разработаны судейской группой по вопросу об укреплении честности и неподкупности судебных органов, действующей под эгидой ООН, на совещании в индийском Бангалоре. Утверждены на международном совещании судей в Гааге в ноябре 2002 года. Одобрены резолюцией Экономического и социального совета ООН N 2006/23 от 27 июля 2006 года. Считаются «международными рекомендациями и стандартами в сфере правосудия» (формулировка Конституционного суда РФ). Документ провозглашает ряд ценностей, которыми должен руководствоваться в своих действиях судья: независимость, объективность, честность и неподкупность, соблюдение этических норм, равенство, компетентность и старательность. В частности, в Бангалорских принципах отмечается: «Судья не только исключает любые не соответствующие должности взаимоотношения либо воздействие со стороны исполнительной и законодательной ветвей власти, но и делает это так, чтобы это было очевидно даже стороннему наблюдателю».

Что необходимо сделать прежде всего?

1. Передать ряд важных вопросов функционирования и развития судебной системы самому судейскому сообществу.

Для этого надо придать нынешнему Совету судей – по сути, совещательному форуму – статус саморегулируемой общественной организации, которая будет среди прочего:

- самостоятельно формировать половину состава Конституционного, Верховного и Высшего арбитражного судов;

- наделена исключительным правом лишать судей их статуса (вероятно, на основании рекомендаций квалификационных коллегий).

Президент в таком случае будет вносить в Совет федерации только половину кандидатов на посты судей трех высших судов страны. Это, бесспорно, качественно снизит зависимость третьей ветви власти от первых двух.

Напомню, что Рекомендацией Совета Европы государствам-членам Совета Европы о независимости, эффективности и роли судей предписывается: «Орган, принимающий решения об отборе и продвижении судей, должен быть независимым от правительства и администрации. Для обеспечения его независимости правила должны, например, предусматривать отбор судей судейским корпусом и самостоятельность принятия решений этим органом о его правилах процедуры».

Рекомендация N R (94) 12 комитета министров государствам-членам Совета Европы о независимости, эффективности и роли судей принята комитетом министров Совета Европы 13 октября 1994 года. В Рекомендации отмечается, что в тех странах, где «положения конституции, законодательных актов или традиции допускают назначение судей правительством, должны существовать гарантии прозрачности и практической независимости процедур назначения судей».

Важнейшие решения должны, очевидно, приниматься на ежегодном съезде Совета судей России, а второстепенные – на пленуме правления организации, который может проводиться ежеквартально.

Сам Совет судей может формироваться один раз в четыре года на съезде судей России, делегатов на который будут направлять три высших и все региональные суды – как общей юрисдикции, так и арбитражные.

Судей, которые работают «на земле» в судах общей юрисдикции, в отличие от судей высших инстанций должны будут выбирать закрытым голосованием из числа членов общественной организации, объединяющей лиц, претендующих на профессиональные выступления

в судах, то есть из прокуроров и адвокатов. При этом профессиональная организация судебных адвокатов и прокуроров должна быть единой. Хорошей базой для ее создания может стать секция Российского союза юристов.

В любом случае избираемый метод подбора судей должен «гарантировать от назначения судей по неправомерным мотивам», как об этом говорится в Основных принципах независимости судебных органов, принятых на Конгрессе ООН в Милане в 1985 году.

Основные принципы независимости судебных органов приняты на VII Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в Милане 26 августа – 6 сентября 1985 года. Одобрены резолюциями Генеральной ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 года N 40/32 и от 13 декабря 1985 года N 40/136. В документе указывается на необходимость законодательного закрепления принципа независимости судебной власти, отмечается невозможность отмены законно вынесенного судебного решения, признается недопустимость создания чрезвычайных судов. Государствам-членам ООН рекомендовано принимать во внимание настоящие принципы в рамках национального законодательства и практики, а также доводить принципы до сведения судей, адвокатов, государственных служащих и общественности.

2. Повысить изначальные требования к судьям.

Всякий юрист должен понять: судейская мантия – вершина его карьеры. В правовом сообществе нет никого более авторитетного и уважаемого, чем судья. Для этого необходимо, в свою очередь, исключить проникновение в судейский корпус случайных людей и всевозможных аппаратных либо коммерческих «порученцев».

Чтобы решить эти задачи, важно уточнить возрастной и образовательный ценз: федеральным судьей в России может стать лишь гражданин РФ не моложе 35 и не старше 70 лет, имеющий высшее юридическое образование (полученное в вузе с аккредитацией Совета судей), а также не менее 5 лет прокурорского или адвокатского стажа работы именно в судах.

Для членов Конституционного, Верховного и Высшего арбитражного судов: не моложе 40 лет, обязательное наличие ученой степени в области юриспруденции, не менее 10 лет стажа работы в суде (в роли судьи, прокурора, адвоката). Причем для прокуроров и адвокатов – работа по обе стороны барьера. Часть этой нормы уже действует.

Модернизация судейского корпуса вовсе не обязательно означает его омоложение. Сегодня, как показывает опыт, именно судьи старо-

го, «советского» замеса часто оказываются наиболее независимыми в своих решениях, поскольку их так и не поглотила машина коррупции. Молодые же нередко заражены коррупционной бациллой уже к моменту назначения на судейский пост. Или просто представляют интересы определенных лоббистских групп, работая не на Закон, а строго на своих покровителей.

3. Восстановить принцип несменяемости судей.

Статус судьи должен предоставляться пожизненно. Принимать решение о лишении судьи его статуса может только независимая организация судейского сообщества – Совет судей России – на основании рекомендаций квалификационных коллегий.

4. Ввести частичную (ограниченную) неприкосновенность судей.

Необходимо законодательно закрепить, что судья может быть привлечен к уголовной ответственности только с согласия суда вышестоящей инстанции, а для судей Конституционного, Верховного и Высшего арбитражного судов – с согласия Совета судей России.

5. Освободить исполнительную власть от бремени назначения глав судов.

Установить выборность председателей и зампредов судов всех уровней самими судьями, включая, разумеется, Конституционный, Верховный и Высший арбитражный.

Только в таком случае председатель суда сможет стать выразителем интересов профессионального сообщества и гарантом независимости коллег, оказавших ему доверие стать первым среди равных, а не агентом влияния исполнительной власти или взяточдателей.

6. Ввести порядок, согласно которому дела распределяются между судьями по жребию – конечно, с учетом неизбежной специализации, о которой уже давно говорят.

Антикоррупционный потенциал подобной меры очевиден. Кроме того, будет качественно снижена административная зависимость судей от глав судов, чьи функции сегодня де-факто выходят далеко за рамки чисто организационных.

7. Наконец, самое, пожалуй, важное. Расширить сферу компетенции суда присяжных, добиваясь в идеале его распространения на большинство категорий дел, где нет досудебного согласия в той или иной форме.

Институт суда присяжных за последние годы не раз подвергался жесткой критике. Причем далеко не только из рядов сторонников еди-

ной вертикали власти. Громкие критические голоса звучали и из либерального лагеря. Основной аргумент критиков: присяжные нередко выносят оправдательные приговоры, игнорируя правовую сторону дела и руководствуясь исключительно эмоциями, а также общественным мнением.

Что ж, в ходе всех процессов, завершившихся неоднозначным (с гугубо юридической точки зрения) оправдательным приговором присяжных, сторона обвинения имела ничуть не меньше (а чаще всего больше) возможностей апеллировать к общественному мнению, чем обвиняемые. Почему обвинители этими возможностями не воспользовались или общество им не поверило – другой вопрос. Не говоря уже о том, что именно в судах присяжных часто становилось совершенно очевидным катастрофически (иногда до абсурда) низкое качество работы следствия и государственного обвинения.

Так или иначе, за время своего существования российский суд присяжных показал: он может быть барьером на пути автоматической штамповки утверждения судебной властью обвинительных приговоров. В этом качестве присяжные были в целом эффективны. И уровень коррупции среди присяжных оказался весьма низок (по сравнению с профессиональными судьями, увы).

Все перечисленные меры потребуют внесения изменений в Конституцию России, в законы, регламентирующие основы судебной системы и судоустройство, в процессуальное законодательство.

Полагаю, воли президента страны вполне достаточно, чтобы все поправки, включая конституционные, – такие, какие предложены, или иные – были приняты парламентом за несколько месяцев. Примеры тому есть. И если президенту Медведеву удастся добиться возрождения в России независимой судебной власти, он войдет в историю президентом-освободителем. Независимо от того, удастся ли ему реформировать первую и вторую власть.

Не являясь практикующим юристом и стоя «с другой стороны барьера», могу позволить себе быть более радикальным во взглядах. Считаю, что радикальный взгляд, даже если он окажется маргинальным, есть стимул к размышлению и дискуссии по этой важнейшей проблеме нашей страны.

Пока Россия не дожидется независимого суда, она не дожидется и свободы, которая, как говорится, «лучше, чем несвобода».

(«Коммерсантъ Власть», 15.06.2009)

Михаил Ходорковский Поколение М

Многие мои товарищи считают, что комментировать известную статью президента Дмитрия Медведева «Россия, вперед!», тем более полемизировать с ней – бессмысленно. Согласно этой точке зрения публично заявленная Медведевым попытка апелляции к интеллектуально и творчески активной части общества – фарс и блеф и глава государства всего лишь играет классическую роль «добрého полицейского» в спектакле под названием «Российская тандемократия». Это все делается, чтобы одна часть населения РФ по-прежнему любила Путина, а другая, не пересекающаяся с первой, полюбила Медведева или, по крайней мере, поверила ему.

Что ж – может быть, это и так. Или отчасти так. Доказательств обратно у меня нет. Тем более что в президентской статье со столь призывным и амбициозным заглавием есть некоторые фрагменты, которые отнюдь не свидетельствуют о начале (если вспомнить перестроечную терминологию) «нового политического мышления». Например, автор «России, вперед!» считает, что независимость суда выражается «в самостоятельном понимании того, что нужно государству». (Возможно, речь идет о том, что судья не должен «зависать» в предвкушении звонка из Кремля, а мог бы и сам догадаться, какого решения ждет от него начальство.) Хотя вообще-то современная правовая теория предполагает, что суд должен подчиняться только закону, а не государству. И уж тем более не корпусу бюрократов-временщиков, которые в современной России присвоили себе эксклюзивное право именоваться тем самым «государством».

Удручает та часть президентской статьи, которая посвящена обоснованию возможности начать модернизацию в России без отказа от авторитарной системы. И дело здесь не только – а возможно, и не столько – в том, что авторитаризм в его нынешнем российском виде не отвечает многим ключевым гуманитарным требованиям, привычным для любой страны, желающей считать себя современной и европейской (если мне не изменяет память, Кремль, что бы он ни делал для сокращения пространства демократии, никогда официально не объявлял, что «мы – Азия-с». Речь всегда шла о Европе, пусть даже «Другой Европе»). А в том, что пресловутая «вертикаль власти» вопиюще неэффективна. И мы это уже видим на примере того, как работает – точнее, не работает – существующая бюрократическая машина в последние годы. Столь большим, сложным и неоднородным пространством, как Россия, нельзя управлять с помощью архаичных механизмов, которые не достигают планируемых результатов уже даже и в пределах Садового кольца. Тем более – в условиях пусть управляемого, но кризиса, которым всегда является модернизация.

Не будучи переполнен иллюзиями, тем не менее считаю целесообразным вступить в дискуссию по предложенному вопросу, тем более что некоторые фрагменты и пассажи статьи «Россия, вперед!» меня вполне устраивают: например, недвусмысленное признание, что никакая модернизация не может оправдывать огромные человеческие жертвы, приносимые на ее алтарь (примеры – Петр I, Сталин); достаточно верная констатация современного состояния российской экономики; прямое заявление, что коррумпированные чиновники и коррумпировавшие их бизнесмены будут против модернизации, так как паразитическая «экономика трубы» их полностью устраивает.

Я, разумеется, не претендую на то, чтобы подготовить свою версию будущего президентского послания. Потому пока считал бы правильным поставить перед Дмитрием Медведевым только один вопрос, который кажется мне очень важным: если политическое решение о модернизации в сегодняшней России будет принято, то кто будет осуществлять эту модернизацию?

Коррумпированная часть бюрократии и примыкающие к ней бизнес-группы – уже понятно, что нет. Это Медведев признал.

Силовая элита – тоже нет. Она предназначена охранять, но не создавать. Все попытки совмещения этих несовместимых задач не шли на пользу ни функции охраны, ни функции созидания.

Абсолютно понятно: модернизацией не может заниматься один лидер, пусть даже самый сильный, если ему не на кого опереться. Модернизацию не могут осуществить одиночки. Это дело непосильно для сотен и пусть даже тысяч его союзников из бюрократического лагеря.

На мой взгляд, для осуществления настоящей модернизации необходим целый социальный слой – полноценный модернизационный класс. Для которого модернизация страны есть не фиктивная кампания, спущенная сверху, а вопрос выживания, самооформления в собственной стране и, если угодно, вопрос постепенного прихода к власти. Суммируя и обобщая исторический опыт различных модернизаций, можно утверждать, что численность модернизационного класса должна составлять не менее 3% трудоспособного населения. То есть в нашем случае – не менее 2 млн человек.

Составить основу модернизационного класса могут, в частности:

– профессиональные инноваторы, в том числе владельцы и менеджеры небольших и средних частных компаний, созданных с нуля, с осязаемыми результатами работы в инновационной сфере;

– ученые и инженеры 1960–1970-х гг. рождения, получившие образование в СССР, работающие по специальности в России и не окончательно потерявшие надежду реализоваться на Родине;

– ученые и инженеры, покинувшие Россию в постсоветский период и реализовавшиеся на Западе: некоторая их часть может вернуться, если они поверят в призыв Медведева и увидят для себя на Родине качественно новые возможности;

– молодые специалисты с высоким творческим потенциалом, делающие сейчас нелегкий выбор: уехать и реализоваться «там» либо поверить Медведеву и остаться «здесь»;

– достаточно широкие слои гуманитарной интеллигенции, не добытой гламуром и играми в «суверенную демократию», в том числе и первых – настоящие преподаватели и журналисты.

Модернизаторами России могут быть люди только созидательного, а не паразитически-распределительного типа мышления. К сожалению, в последние годы элиты и властная машина способствовали в основном возвышению последних и удалению первых.

Эту общность, способную стать коллективным модернизационным субъектом, назовем условно поколением модернизации – «поколением М».

Если Медведев действительно хочет дать шанс таким – именно таким – людям, то модернизация может не обернуться профанацией. Но это значит также, что президента ждут очень сложные решения. Ведь «поколению М» надо дать расчистить поле, серьезно потеснив крепко вцепившихся в свои места представителей упомянутого тандема «коррупцированная бюрократия – паразитический капитал». Способен ли президент поддержать такие шаги? Он предложил нам спрашивать – вот давайте и спросим. А пока нет ответа на этот вопрос, трудно говорить о модернизации всерьез.

И еще. Представители «поколения М» по определению не любят «вертикаль власти». Им, наряду с вертикальной мобильностью, органически нужны работающие институты демократического государства и эффективное гражданское общество. А этого мы не получим без политических реформ. Нельзя призвать «поколение М» и сформировать тем самым субъект модернизации, отказав ему при этом в реальной модернизации политического устройства России.

Это первое, что я считал бы правильным сказать президенту Медведеву по поводу его программной статьи. Об остальном, возможно, скажу позже.

Автор – гражданин РФ, СИЗО 99/1, г. Москва
(«Ведомости», 21.10.2009)

Михаил
Ходорковский

Диалоги

Разговор писателя Григория Чхартишвили (Б. Акунин) с Михаилом Ходорковским*

Когда редакция предложила мне взять интервью у любого человека, который был бы мне интересен, я сразу сказал: «Интересней всего мне было бы поговорить с Михаилом Ходорковским». Мне не дает покоя судьба бывшего самого богатого человека России. И вовсе не потому, что он самый богатый. Всякий раз, когда кто-то пробует заступиться за Ходорковского и его товарищей, обязательно раздаётся упрек: мол, у нас в стране много людей, которых держат за решеткой несправедливо. О них не пишут в газетах, их не опекает команда высококлассных адвокатов. Что ж вы, господа, так разнервничались именно из-за этого олигарха?

Объясняю, почему я так разнервничался. Именно на деле ЮКОСа мы потеряли независимость суда – институт, без которого не может существовать демократическое общество. Значит, к этой точке и нужно вернуться. Если восстановить справедливость и законность в деле Ходорковского, это поможет и всем остальным жертвам нашей охромевшей Фемиды.

По понятным причинам диалог проходил в эпистолярной форме. Он приводится без каких-либо сокращений.

* Впервые напечатано в журнале «Esquire», № 10, 2008.

Григорий Чхартишвили. Михаил Борисович, я отношусь к числу тех, кому Ваша судьба не дает покоя. И нас таких довольно много. Однако общаетесь Вы с нами редко. Если и появляется интервью, то в какой-нибудь «Financial Times». Почему? Неужели привлечь внимание мировой общественности для Вас важнее, чем быть услышанным на родине?

Михаил Ходорковский. Для реального диалога нужен понимающий, заинтересованный собеседник. Таких из наших журналистов «не случилось». Почему? Может, не хотят издатели, может – самцензура. А «западники» – с ними я тоже общаюсь нечасто. Я не хочу много публиковаться на Западе, да и по многим вопросам хочется ругаться, а зачем моя ругань западному читателю? Чтобы еще раз в душе осудить Россию? Мне это неприятно и, главное, бессмысленно, Россию менять должны мы здесь. По-другому не бывает. Но здесь – другие проблемы. «Новая газета»? Там многие читатели – единомышленники, и убеждать их в чем-то по самому широкому кругу вопросов – глупо, они сами все знают. А в тех вопросах, где я с ними не согласен, мои желчные письма, будучи опубликованными, играют на руку разной сволочи, которая радостно начинает вопить либо «вот они, либералы, такие гады, их даже Ходорковский ругает», либо «Ходорковский пытается вымолить помилование, ругая оппозицию». Поэтому письма пишу, но не разрешаю публиковать. Другие же издания... Вот когда совершенно неожиданно для меня мне позволили дать интервью «Financial Times» (за что секретарь суда, по-моему, пострадала), в зале сидели и представители двух наших изданий – интересные ребята, мы с ними обсуждали интересовавшие их вопросы, в том числе перспективы Читинской области (один из журналистов представлял читинскую газету). Говорили долго, нам дали почти два часа. «Financial Times» опубликовала все, что я сказал их журналисту (видимо, из соображений этики он ничего, что я говорил нашим, не взял). Наши журналисты отмолчались. Издания же с удовольствием перепечатали материал «Financial Times». Понятно, почему так, но я никогда бы не пошел на то, чтобы дать интервью «Financial Times» и отказать присутствующим нашим. Что же касается режима – да, пока я был в лагере, после каждой статьи меня сажали в ШИЗО. Может, так совпадало. Но на это мне наплевать. Отболялся. Правда, после «Financial Times» этого не произошло. Возможно, поумнели? Или времена изменились? Ну это я от избытка оптимизма.

Г.Ч. Самое тяжелое впечатление от случившегося – то, как проходил суд. Вот давайте и начнем с суда и судей. Мне кажется, что в России сегодня наступила эпоха личной ответственности человека за свои поступки. Выбор – участвовать в подлости или нет – есть у каждого. Во времена Большого Трора судья и прокурор штамповали обвинительные приговоры из страха за собственную жизнь. Во времена Брежнева, отказавшись осудить диссидента, они рисковали бы сами угодить в тюрьму или психушку. Сейчас речь идет всего лишь о карьере. Можно снять мантию и уйти в адвокатуру. А значит, выбор не столь уж драматичен, и никаких оправданий для подлости нет. Дело ЮКОСа – самая стыдная страница в истории постсоветского суда. Оно, безусловно, попадет в учебники истории. Попадут не только имена осужденных, но и имена «первых учеников» из судейско-прокурорского цеха, как это случилось с незабвенной судьей Савельевой, шельмовавшей тунеядца Иосифа Бродского. Что Вы думаете об исполнителях, которые вели следствие, представляли обвинение, выносили приговор? Я был на Вашем процессе, на процессе Александра и все взглядывался в их лица. Что у них там внутри происходит? Для меня загадка, почему они не думают о том, что пройдет не так много времени и собственные дети будут их стесняться? Что это за люди такие специальные, как они устроены?

М.Х. Когда говорят о том, как изменилась Россия с советских времен, я вспоминаю суд. Глупо будет звучать, но суд стал для меня возможностью увидеть и переоценить моих коллег, моих сограждан. Вы хотите услышать о прокуроре Шохине, о судье Колесниковой? Это мелкие чиновники, которых никогда не поставили бы в такой процесс, если бы против них не было убойного компромата. Про Колесникову написала «Новая газета», она «висела» на жалобе, лежавшей без ответа в Генеральной прокуратуре в течение всего процесса. По аналогичной жалобе ее коллеги получили по 12 лет (квартирный вопрос). Не мне судить, насколько это правда, но, думаю, Колесниковой лучше меня было известно, что правда в такой ситуации значения не имеет. Что касается Шохина, то и его проблемы понятны. То, что он решил не выступать против начальства, а творчески врать в суде (о чем я там заявлял), к сожалению, это неизбежное следствие системы круговой поруки, в которой он существует. Сейчас ее пытаются чуть-чуть разрушить, и внутри прокуратуры много людей, кто хотел бы быть независимым и может таковым быть благодаря своему образованию, востребованности, отсутствию компромата. Много, но не все. Сегодняшняя номенкла-

тура базируется на наличии компромата, т. е. возможности уничтожить «взбрыкнувшего». Хорошо ли это? Да, конечно, отвратительно. Идет продвижение вверх самых «запачканных», проецирующих «вниз» и в общество свои искаженные моральные принципы. Но что о них говорить? Жалкие, несчастные люди, которым будет в старости страшно умирать. Меня в суде поразило другое. Обвинение допросило более полутора тысяч человек. Многих с угрозами сделать обвиняемыми (некоторых сделали). Отобрали для суда чуть больше 80. И эти люди, которые вполне обоснованно опасались за свою судьбу, не взяли грех на душу. Никто, я подчеркиваю, никто не дал показаний против нас с Платоном. А некоторые даже решились выступить в нашу защиту. Это свидетели обвинения, отобранные из тех, кто мог считать себя нами обиженными. Не могу не вспомнить бывшего директора «Апатита» Анатолия Позднякова, бывшего губернатора Мурманской области Евгения Комарова, да многих, десятки людей, которые, находясь под сильнейшим давлением, отказались идти против совести. К слову, среди них были и сотрудники прокуратуры, которые отказались врать по приказу своего начальства (не знаю, стоит ли напоминать сейчас их фамилии). Мы все-таки живем в совсем другой стране. Да, сволочей еще хватает, но граждан, настоящих граждан уже больше, и идет дальнейший процесс превращения толпы в сообщество граждан. Величайшая ошибка Путина в том, что он, вольно или невольно, притормозил этот процесс, процесс становления гражданского общества. Сейчас есть надежды на возобновление этого процесса, что делает меня счастливым. Может, мои слова и глупо звучат.

Г.Ч. А почему Вы вообще согласились участвовать в суде, в этой заведомой профанации правосудия? Не правильнее ли было с самого начала объявить: «Делайте со мной что хотите, я в объективность вашего суда не верю и подыгрывать вам не собираюсь»? Или у Вас были какие-то иллюзии?

М.Х. Будете смеяться, я оказался достаточно наивным человеком. То есть у меня не было сомнений, что прокуратура сможет долго держать меня в тюрьме, но я почти до конца не верил, что суд сможет вынести обвинительный приговор без доказательств и, главное, вопреки очевидным фактам, да еще в открытом процессе. Я считал, что суд – это все-таки суд, он, может, и будет подыгрывать обвинителям, но он не может прямо нарушать закон... Оказалось, еще как может. Нет, сначала все было достаточно прилично, но в начале 2005 г. кого-то куда-то вызвали, и здесь я понял – с этими говорить

не о чем. Но осталась общественность, инвесторы, мои коллеги, сотрудники компании, и я был обязан им объяснить, что они работали не в преступной группе, а в нормальной компании, которая попала в жернова не просто по политическим мотивам, а, главное, по обвинению в преступлениях, которых не было. И, судя по тому, что всех сотрудников ЮКОСа с удовольствием берут на работу и у нас, и за рубежом, – мне это удалось.

Г.Ч. Отмотаем время назад. К моменту, когда власть приняла окончательное решение: сажать. За минувшие годы с кем я только не говорил на эту тему. Всех занимало и до сих пор занимает, в чем была истинная причина личной войны Путина против Вас. Версии мне доводилось выслушивать самые разные. Примечательно, что никто, ни один человек из тех, с кем я это обсуждал, не воспринимал всерьез версию официальную: ЮКОС-де незаконно захватывал чужую собственность, злостно уклонялся от налогов, за это их всех, негодяев, и посадили. Во-первых, сам ЮКОС был зацапан у всех на глазах, безо всякого стеснения. Во-вторых, многие слышали, что ЮКОС платил налогов в казну больше, чем платит сегодня слопавшая его «Роснефть», притом что нефть за это время раза в четыре подорожала. «Ходорковского посадили не за это» – таков был общий глас. Я сейчас перечислю Вам бытующие версии, а Вы скажете, какая из них ближе к истине. Максимально близкая к официальной теория случившегося (назовем ее Версия 1) выглядит примерно так. Все олигархи 1990-х нажили богатство несправедливым путем. Они получили доступ к недрам от государства и поэтому должны были соблюдать определенные конвенции в отношениях с властью. Ходорковский же, накопив миллиарды, эту негласную договоренность нарушил и повел себя как независимая общественно-политическая сила. Его пример могли подхватить другие миллиардеры, и Россия вновь оказалась бы в смутной поре «семибанкирщины». Да, Путин применил к Ходорковскому незаконные и нечестные методы, но иначе поступить было нельзя. Олигархов требовалось припугнуть и приструнить. Версию 2, романтическую, мне поведала одна Прекрасно Осведомленная Дама. Якобы на встрече Путина с олигархами Вы один посмели явиться без галстука, в водолазке, и Гарант, очень чувствительный к знакам внешнего почтения, будто бы сказал: «К Бушу он, поди, галстук бы надел». И затаил смертельную обиду. Та же дама сказала: «И вообще Он терпеть не может высоких мужчин». (Последнее – явная чушь. Тогда уж надо сажать Михаила Прохорова.) Версия 3 (поведана мне одним Государствен-

ным Человеком). Компетентные органы доложили президенту, что Ходорковский планирует инвестировать миллиарды в «оранжевый» сценарий. Ради общественного спокойствия президент принял тяжкое, но единственно верное решение. Версия 4 – моя собственная. Легко могу себе представить, что 40-летний человек, когда-то поставивший перед собой честолюбивую задачу стать самым успешным предпринимателем новой российской экономики, в какой-то момент вдруг осознал, что, грубо говоря, «не в деньгах счастье». Ну стал я самым богатым, а что дальше? Сил много, полжизни еще впереди, и хочется сделать нечто по-настоящему масштабное: например, помочь России наконец стать цивилизованной, конкурентоспособной страной. И этот напор кого-то здорово встревожил. Какая из версий ближе к истине? Что на самом деле произошло?

М.Х. Изначально, вероятно, власть просто хотела иметь компромат на влиятельные бизнес-группы, но потом появились более радикальные планы. Надо сказать, разговор с президентом о правилах игры имел место. Во время этого разговора (в 2000 г.) Путин сказал, что он ожидает, что крупнейшие компании не будут использоваться для решения политических задач. И мы все (я в том числе) заявили, что поддерживаем эту позицию. Бизнес-структуры должны быть вне политики, т. к. от них зависит обеспечение населения критически важными товарами и услугами. Надо заметить, это обязательство ЮКОС выполнял до конца, хотя Генеральная прокуратура сделала все, чтобы сорвать поставки (включая арест производственного имущества и счетов). Речь о том, чтобы предприниматели не участвовали в политике в личном качестве или через лоббирование, никогда не шла. Собственно, до 2003 г. и администрация президента, и правительство знали от нас самих, кому мы помогаем, какие вопросы лоббируем. Все изменилось в 2003 г. Можно строить догадки, почему – то ли из-за приближения выборов, то ли из-за информационной политики близких «к телу» представителей силового крыла, то ли просто завершилось киплинговское «водяное перемирие». Так или иначе, тренд изменился резко и безо всяких предварительных обсуждений. Надо откровенно сказать, что к этому моменту и в моей позиции произошли определенные изменения, которые накапливались в течение 2001–2002 гг. Главное, что логика развития международного бизнеса потребовала раскрыть инвесторам всю конфиденциальную финансовую информацию, потребовала максимальной предсказуемости бизнес-среды, т. е. законодательного закрепления всех важнейших аспектов деятельности компаний. В общем, современный

бизнес потребовал современных общественных отношений, и мы стали их последовательно добиваться. Не «вообще», а касательно нашей конкретной отрасли. Нам удалось протолкнуть в закон о трубопроводном транспорте – так называемый «равный доступ к трубе», т. е. квоты, которые раньше «творчески» ежеквартально утверждались чиновниками, получили четкое законодательное закрепление. Мы смогли провести законодательное закрепление шкалы таможенных пошлин – это было еще одно место «массового кормления» – и еще несколько аналогичных антикоррупционных поправок в законодательство. Причем поправки проводились не «кулуарно», а через открытые парламентские слушания. Однажды на открытом совещании у премьер-министра Михаила Касьянова мне даже пришлось предложить четырем министрам конкретно раскрыть механизм их интереса в сохранении прежних порядков. Они публично отказались, и возражения были сняты. То есть, хочу сказать, драка была настоящая. Конечно, методы, по сравнению с сегодняшними, были вегетарианские, но недовольных хватало. Однако на место одних коррупционеров тут же пытались встать другие. Я понял, что без политической поддержки на самом верху ничего не получится. И вопрос о коррупции было решено поставить у президента. Тему поддержали Волошин и, будете удивлены, Медведев, который, будучи тогда заместителем главы администрации президента, готовил совещание с Союзом предпринимателей и промышленников. Видимо, вопрос назрел не только у РСПП. Совещание получилось громкое. Это было 19 февраля 2003 г. Тогда я говорил о гигантском коррупционном рынке в стране – 30 млрд долларов, то есть 10% ВВП. (Между прочим, в начале 2008 г. заместитель генерального прокурора называет цифру 240 млрд долларов – то есть уже 20% ВВП.) Вскоре после этого, в марте, начался «наезд». И тут уж всякое лыко пошло в строку. Например, крупные компании всегда помогали на выборах депутатам от своих территорий, партиям (и по обязательной разрядке, и на свое усмотрение). Я, вследствие процесса раскрытия информации в компании, решил прекратить непубличную поддержку, сделать ее открытой и персональной. То есть не «втихую», а публично поддержал СПС и «Яблоко», и не из денег компании, а из своих, личных, предварительно заплатив налоги. Причем некоторые другие мои коллеги так же открыто поддержали тех, кто им политически был ближе. Это вполне цивилизованная практика, и вначале многие чиновники ее сочли правильной. Однако после февраля 2003-го было дано другое истолкование – «подготовка к захвату власти».

)

Диалоги

Г.Ч. Кем дано? Персонально кем? Понятно, что это не могло произойти без санкции Путина, но кто был инициатором? Какой там у них под ковром был расклад сил?

М.Х. Была довольно большая группа людей в Кремле, считавших преследование ЮКОСа ошибкой. Они пытались что-то сделать, но оказались непоняты. В конце лета ситуация стала совсем напряженной. Я понимал, что идет очень серьезное противостояние в Кремле между реально существующими, а совсем не выдуманскими, группировками за влияние во время второго срока президентства Путина. Состав этих группировок постоянно меняется, и их можно только условно называть силовой и либеральной, но видение развития страны у них сильно различается. Одни, условно называемые либералами, видят цель в построении достаточно демократического, открытого общества. Я бы их, скорее, отнес к «сторонникам игры по правилам», хотя и это будет не точно. Они, конечно, тоже видят себя во власти, но готовы бороться за эту власть политическими методами. Это люди успешные, и поэтому готовые к реальной конкуренции. Для них деньги бывают средством, но никогда – целью госслужбы, т. к. они убеждены, и справедливо, что всегда легко заработают больше, чем им нужно. Другая группировка – «силовики», опять же точнее – «адепты игры без правил». Таких действительно много в силовых органах, но отнюдь не большинство. Да и в «несиловых» кругах их много. Это люди неуверенные, компенсирующие доступом к насилию свою неуверенность. Именно из-за неуверенности в своих перспективах власть, а еще больше – деньги для них определенный фетиш. Неуверенность в собственной конкурентоспособности порождает и использование антидемократических, силовых методов политической и бизнес-борьбы. Неуверенность в собственных силах, неверие в свой народ порождает и стремление «изолироваться» от внешнего мира, не допустить людей к реальному волеизъявлению и т. д. Все это было ясно уже в 2002 г., и я с открытыми глазами поднялся «из окопа» тогда, на февральском совещании у президента. Летом еще не было очевидно, что мы проиграем, но то, что кризис близок, и то, что барьеров у наших оппонентов нет, было понятно. Не знаю, стоит ли называть фамилии, но «та сторона» – это Сечин и куча чиновников «второго эшелона» (т. е. поддерживающих его не только из убеждений, но и в надежде на служебное продвижение или из-за имеющегося на них компромата). Это и Заостровцев, и Бирюков, и многие другие. К слову, Устинов и Патрушев до последнего момента держали нейтралитет.

Это правда. На «этой» стороне, очевидно, были Волошин, Медведев, Касьянов, Чубайс, Илларионов, Дворкович, даже Греф – до определенного момента.

Г.Ч. Наверняка был рубеж, на котором Вы поняли, что они не останутся перед арестом. Делались ли Вам намеки, что Вам лучше унести ноги? Почему Вы не уехали? Был ли какой-то явственный порог, какая-то точка невозврата, когда Вы решили: пусть сажают, не уеду.

М.Х. Я мог уехать, но после ареста Платона счел это предательством.

В конце лета съездил, попрощался на всякий случай со своими коллегами, которые уже были за рубежом, и вернулся в Россию.

Г.Ч. И в связи с этим вопрос, который очень не хочется задавать. Но он волнует многих, поэтому все-таки спрошу. Были минуты, когда Вы пожалели, что не уехали?

М.Х. А здесь – шизофрения. Одна моя половина жалела еще тогда, когда уезжала, что должен буду вернуться, и жалеет об этом каждый день, проходящий вдали от семьи, от дома. А другая половина – она отвечает за чувство долга, мыслит в категориях порядочности и предательства и не дает существовать спокойно. Может, критерии у меня дурацкие. Может, надо быть гибче. Даже наверное. Но мне уже 45, и они как-то сформировались. Переступить через себя, наверное, смог бы, а вот как жить, переступив, – не знаю. Так что честных ответов два. Да, жалею каждый день. Нет, не жалею, потому что, уехав, не смог бы жить.

Г.Ч. Расскажите, пожалуйста, про это подробнее. Это очень важно. С коллегами за рубежом Вы, стало быть, попрощались. А с семьей? Я здесь вторгаюсь на территорию, где посторонним делать нечего, но это вопрос, которому посвящена половина моих книжек. У настоящего мужчины есть две зоны ответственности: Большой Мир (дело, которое он делает; идея или вера, которой служит; общество, страна, искусство – неважно что) и Малый Мир (семья, близкие). Самый тяжкий конфликт, который здесь может возникнуть, – необходимость сделать выбор между первым и вторым. Немыслимо предать Большой Мир, потому что, как Вы очень точно сказали, станет невозможно жить. Но ведь тогда приносишь в жертву Малый Мир, без которого жизнь утрачивает всякую радость. Бьешь по людям, которые тебе дороже всего остального человечества вместе взятого. Один мой знакомый по Вашему поводу сказал: «Детям лучше гордиться отсутствующим отцом, чем стыдиться присутствующего». Так-то оно так, но жуть берет. И, главное, где найти силы, чтобы решиться?

М.Х. Мы с женой вместе больше 20 лет, и прошли через очень многое. Я не знаю, сколько раз она со мной мысленно просталась, но, по крайней мере, дважды – во время событий 1991 и 1993 гг., я, уходя, чтобы защищать свой Большой Мир, так, как я его понимал, оставлял ей винтовку и патроны, чтобы она могла защитить наш Малый. Это в прямом смысле, не иносказательно. Знаю, она бы стреляла до конца. Хотя это очень трудно сегодня представить. А, может, и нетрудно. . . Жену я спросил: «Может, уедешь от греха?» Ведь уже и обыски были у соседей, и к Насте в школу приходили. Она сказала «нет». Родители? Для них честь всегда была дороже жизни. Своей – точно, а, возможно, и моей. Так что здесь у меня сомнений не было. Многие из моих коллег решили уехать, и это тоже было правильно – зачем плодить заложников? И вот после маршрута Израиль–США–Англия я вернулся в Россию. Сейчас иные говорят, что я понадеялся на чьи-то гарантии. Это не так. Все мои друзья и знакомые предлагали остаться там, получить гражданство США, но с пониманием отнеслись к моему решению вернуться. Думаю, если бы я остался, они бы мне, конечно, помогли решить все проблемы, но, боюсь, что уважать бы перестали. Очень надеюсь, что и мои дети, с детского сада хорошо знающие, что «папа в тюрьме», вырастут, понимая, почему было нельзя по-другому. Жена обещает, что она сможет им это объяснить. К октябрю 2003 года стало ясно – мы проиграли этот раунд. Масштабы и формы мести оппонентов, конечно, нами недооценивались. Никто не думал, что будет разрушена компания, что полностью подавят судебную систему, что заткнут независимые СМИ. Все это было довольно трудно себе представить. Но что я буду в тюрьме, что у меня компанию отберут, это я понимал и тогда. И здесь, поскольку решение не уезжать уже было принято, я решил первый раз в жизни поехать по регионам с лекцией, которую неоднократно до этого читал на мероприятиях «Открытой России». Лекция о демократии. Я успел проехать семь или восемь регионов по пять-шесть выступлений в каждом. Призывал голосовать за СПС и «Яблоко». В основном выступления проходили в больших студенческих аудиториях по 500–700 человек. Будете, вероятно, удивлены, но проходили с успехом. И, самое интересное, – меня пригласили выступить в воинскую часть, там было училище. Думал – вынесут. Но нет, около трех часов выступал, отвечал на вопросы. Воспринимали хорошо. Возможно, выступление в военном училище стало последней каплей.

Сразу после этого в офис пришла повестка на допрос. Потом был форум правозащитников и полет в Иркутск для очередного выступления. Полет, откуда я вернулся на спецсамолете ФСБ под конвоем. Не люблю рвать нервы и драматизировать ситуацию. Жена и родители, конечно, смотрели телевизор, но мы не обсуждали, «что будет». Незачем. Все всё понимали и делали, что должно. Это был очередной бой, из которого я мог не вернуться.

- И до сих пор не вернулся. Мои понимали, что будет тяжело, но, конечно, на практике, вышло еще тяжелее. Клевета каждый день по всем телеканалам. Разрушен весь круг общения. Первая встреча через решетку... В общем, весь 2004 год я просто молился, чтобы они выдержали. Если бы еще в семье сломалось, было бы совсем мерзко. Вообще, до тюрьмы я до конца этого не понимал, а теперь понял. Если бы с моими что-нибудь случилось, я бы наделал глупостей. Но они не сломались. Может, еще и из-за огромной поддержки хороших людей, из-за отношения, которое проявили к детям и в школе, и в детском саду, из-за писем, из-за незнакомых людей на улице. Все-таки я люблю мою страну, мою Москву. Вроде, огромный безразличный муравейник, а сколько душевности... Знаете, я внутренне был уверен в людях, и они оказались даже лучше, чем я думал. А семья... Конечно, все непросто, но я очень счастлив, что они есть. Помните песню: «Мне было довольно, что от гвоздя остался маленький след». Так вот – у меня не след от гвоздя. Мои всегда со мной. И еще. Более 20 лет назад я расстался с первой женой. Сын уже большой, окончил университет, работает. И он, и она, и ее мама пишут все эти годы, поддерживают меня, моих родителей. Все-таки мне везет на хороших людей.

Г.Ч. В декабре 2004 г. Вы писали: «И я уже осознал, что собственность, а особенно крупная собственность, сама по себе отнюдь не делает человека свободным. Будучи совладельцем ЮКОСа, мне приходилось тратить огромные силы на защиту этой собственности. И приходилось ограничивать себя во всем, что могло бы этой собственности повредить. И вот я перешел в другое качество. Я становлюсь обычным человеком (с экономической точки зрения – представителем обеспеченной части среднего класса), для которого главное – не обладание, а бытие. Борьба не за имущество, а за самого себя, за право быть самим собой». Знаете, из Ваших ответов у меня складывается ощущение, что, сидя в тюрьме, Вы чувствуете себя гораздо свободней, чем «узники» Кремля и Бело-

го дома, которые связаны по рукам и ногам, всего боятся, прячут • от публики свои доходы. Вы уникальный человек: сначала больше всех заработали, потом больше всех потеряли, и вроде бы об этом не жалеете. Это так?

М.Х. Я с детства хотел стать директором завода. Не космонавтом, не военным, а директором. И эта мечта прошла со мной всю школу, институт, с этой мечтой я вышел в «большой мир». Прошло совсем мало времени, и мечта реализовалась. Центр научно-технического творчества молодежи, банк, недолгая работа в правительстве, потом – приватизация. Приватизация для меня означала не деньги, а возможность исполнить мечту. Детскую мечту. «Ависма», «Апатит», и вот – ЮКОС. Гигантское предприятие, к встрече с которым я готовился всю предыдущую жизнь. Оно потребовало всего моего образования, всего накопленного опыта. Работал запоем, по 14 часов, не вылезал из командировок, объезжал трудовые коллективы на гигантской территории в сотни тысяч квадратных километров. Деньги... что такое деньги? Когда я работал в банке в 1993 г., у меня их было больше, чем в 1999 г. в ЮКОСе, и уж гораздо больше, чем мне было нужно для личных потребностей. Вы не представляете, какой это восторг, когда проекты с бумаги переходят в металл, в тысячи целеустремленно движущихся машин, в гигантские сооружения, в ожившую мечту...

А потом приходит усталость, и ты осознаешь весь груз обрушившейся на тебя ответственности – за чьи-то надежды, за сотни тысяч судеб, за неизбежные несчастья, которые не смог предотвратить. И здесь понимаешь: это уже не ты воплощаешь свою мечту в жизнь, а ожившая мечта хватает твою судьбу в свои руки. Ты говоришь то, что должен, твоё время распланировано на месяцы и годы, ты общаешься с теми, кто нужен «воплощенной мечте». Ты её раб. Оглядываешься вокруг и видишь: мечта сама по себе, а жизнь идет параллельно, и то, что тебе казалось важным, не просто неважно, но и мешает чему-то гораздо более важному, что ты мог бы, да что там мог бы – должен был сделать!

Первый раз меня «тряхнуло» после дефолта, когда я понял: строю на песке. Главное – не железо, а люди, причем не наш, пусть много-тысячный, коллектив, а вся страна. Но тогда особенно задумываться было некогда, нужно было спасать ситуацию, бороться за выживание компании. Знаете, очень помогли люди, коллеги. Вы можете себе представить: курс упал, рубль обесценился, но и со сбытом проблема – новые цены на бензин, никто еще не платит. Что делать?

Я выступаю перед представителями трудовых коллективов (несколько сот человек) и прошу проголосовать за сокращение зарплаты. И люди голосуют, едут по своим коллективам убеждать, что это правильно. Я еду тоже – на «вахты», туда, где должно было быть все-
го сложнее. А рабочие соглашаются. Понимают! Может, это стало той каплей, которая помогла компании выжить. А потом, в 2000 г., когда все стало хорошо, неуютные мысли опять вернулись. Так началась «Открытая Россия» – организация, созданная для того, чтобы помогать тем, кто нуждается в помощи. В 2002 г. я объявил на совете директоров, что до 2008 г. уйду из компании. Раньше – трудно, но дольше этого срока я не останусь рабом воплощенной мною мечты. Деньги, положение – все это важно, когда то, что ты делаешь, не расходится с твоим внутренним пониманием правильности. Когда же расходится – возникает ощущение несвободы. Но вырваться на свободу мешает сила привычки. Так и становишься рабом вещей, системы, положения, собственности. Убежден: единственно правильный поступок – бросить все это и идти дальше. Мы с женой, когда ощущали, что «тонем в вещах», просто брали самое необходимое и переезжали. У нас не было своей квартиры, постоянного дома, но мы были счастливы своей независимостью. И, надеюсь, детей удалось воспитать так же. Я верю: самое важное и нужное человек несет в своей душе. Пять лет тюрьмы – тоже постоянные переезды, многочисленные ограничения. С собой мало что потащишь. Жалко бросать накопленные книги, терять записи. Но они со мной, в голове. Остальное – ерунда. В этом смысле тюрьма делает человека свободным.

Г.Ч. Теперь хочу коснуться другого Вашего высказывания, которое вызвало много вопросов. «Теперь только Вера», – написали Вы, высказываясь на тему морали и справедливости. «Проблема сегодняшней российской либеральной общественности в том, что главный аргумент за либеральные ценности лежит в плоскости Веры: «человек рожден со стремлением к свободе и счастью», а русские либералы – неверующие по историческим причинам, не воспринимают аргумент Веры всерьез». Что Вы имели в виду? Это слишком существенное заявление, чтобы оставаться недостаточно внятным.

М.Х. Почему демократия лучше диктатуры? Почему свобода лучше несвободы? Почему плохо врать и совершать подлости? Почему надо любить ближнего? Почему надо защищать Родину, спасать другого человека, жертвуя своей жизнью? Ведь «потом» ничего не будет! А может, будет? Что такое мораль? Откуда она взялась?

В ней нет логики. Логика можно придумать и под такую мораль, и под сякую. Подлецы часто успешнее приличных людей, но вот счастливее ли? Если бы были счастливее, то мы жили бы среди сплошных подлецов. В мире торжествовали бы сила и подлость. А ведь это совсем не так. Сила проигрывает мужеству, подлость – честности, ненависть – любви. Не сразу, но всегда, в конце концов. И мир становится лучше. Почему? Нам, нашей цивилизации, 2 тысячи лет, человечеству – миллионы. Мы такие, какие мы есть. Общество, которое будет ближе к тому, что человек есть на самом деле, будет счастливее и успешнее. Наука постепенно открывает человека, но познаваем ли человек, или он, как мир, бесконечен? Не знаю. Знаю, что пока мы – тайна для логики и науки. Но в конце учебника есть ответ. Откуда? Не знаю. Опыт показывает – ответ верный. Я верю – человек внутренне стремится к свободе, к любви, к правде, и только на этом пути он может быть счастлив. Где доказательства? Их у меня нет. То есть я могу порассуждать, но это будет демагогией. Есть сто «за» и сто «против».

Так каким будет человек, освобожденный от внешнего давления? Алчным зверем или венцом творения? Если зверем, то надо строить клетки-государства, чтобы помешать людям уничтожить самих себя. Если венцом творения, тогда ничто созданное человеком (государство, корпорация, общество) не сможет быть выше созданного Богом человека. Я верю в человека. Это и есть Вера с большой буквы. Простите за определенную несвязность мыслей. Тема такая, что решил просто изложить свои эмоции.

Г.Ч. Вера с большой буквы? А еще Вы писали в одной из статей: «Благодарен Богу, что, в отличие от моих гонителей, я понял, что зарабатывание больших денег – далеко не единственный (и, возможно, далеко не главный) смысл трудов человеческих». Означает ли это, что в тюрьме Вы обратились к религии?

М.Х. Я, в общем, и до тюрьмы был не совсем атеистом. Бог, фатум, судьба, предназначение – мы почти все верим во что-то, что выше нас. Да и странно было бы не верить, живя в огромном, непознанном мире, сами себя толком не зная, считать, что все вокруг – продукт случайного стечения обстоятельств. Можно верить, что Бога нет, можно верить, что он есть. Вера доказательств не требует, как известно. Но если Бога нет, а вся наша жизнь – это секунда на пути из праха в прах, то зачем все? Зачем наши мечты, стремления, страдания? Зачем знать? Зачем любить? Зачем жить, в конце концов? Я не могу поверить, что все просто так. Не могу и не хочу. Мне не-

безразлично, что будет после меня, потому что я тоже буду. Потому что кто-то был до меня, и будет после. И это не бессмысленно. Это не просто так. Мы живем не для того, чтобы только загрязнять воду и воздух. Мы все существуем для чего-то большего. Для чего – не знаю, и никогда не узнаю. Каждый из нас в отдельности – для счастья. А все вместе? Я верю, что есть Великая Цель у человечества, которую мне не дано постичь. Люди называли эту цель Богом. Когда мы ей служим – мы счастливы, когда уходим в сторону – нас встречает Пустота. Пустота, которую не может заполнить ничто материальное. Она делает жизнь пустой, а смерть страшной.

Г.Ч. Находясь в заключении, Вы опубликовали несколько статей, некоторые из которых вызвали род переполоха среди людей, считавших Вас своим единомышленником. Прежде чем перейти к этой теме, хочу спросить вот о чем. Вы уже объяснили, почему так редко даете интервью. А статьи – это другое? Они пишутся из-за отсутствия собеседника или же монологический режим общения Вам все же ближе диалогического?

М.Х. Знаете, я никогда не увлекался писательством. Читать любил, но писать... За меня сочинения-то в школе чаще любимые девочки изготавливали. Разговаривать с людьми, выступать – да, это была часть моей обычной работы руководителя крупной организации. Общение с прессой, выступления перед трудовыми коллективами, перед инвесторами. Их за год не десятки – сотни. Когда стал заниматься общественной деятельностью – еще добавилось. Надо сказать, что перед любой аудиторией я всегда чувствовал себя абсолютно комфортно. Вру – митинги никогда не любил. Я должен видеть глаза в последнем ряду – иначе теряю контакт с аудиторией. И вот тюрьма, общение с сокамерниками и адвокатами. Никаких проблем, но их интересуют только очень специфические вопросы, которые лично меня волнуют мало, как это ни смешно. С этими людьми я вынужден говорить не о том, что интересно мне, а о том, что нужно им. В случае адвокатов – пускай, нужно мне, но с узкоюридической точки зрения. Вот поэтому я начал писать. Постепенно научился выражать свои мысли на бумаге. Это хуже, чем выступать вживую перед аудиторией. Но лучше, чем ничего. Сейчас у меня накопилось уже много текстов, но я вынужден думать о том, «как слово мое отзовется». Понятно, отзовется в политической и культурной элите, а не в «широких слоях», которые подобных вещей пока не читают. Ведь пояснить свою позицию, поспорить с оппонентами, которые меня неправильно поймут, я чисто технически не смогу. Стало быть, написанное мною может быть пре-

вратно истолковано и черт-те как использовано. Когда я начинаю писать, то не знаю, что получится – текст идет сам собой. Не имея собеседника, я разговариваю с собой, спорю с собой, поясняю себе. Такая «творческая шизофрения».

Г.Ч. Ну тогда давайте поспорим о Ваших статьях. Если б не тюремная решетка, которая для человека приличного исключает резкость полемики, Вам наверняка здорово досталось бы от разных достойных людей. Я тоже по ряду пунктов решительно с Вами не согласен. Поговорим без скидки на тюрьму? Она, проклятая, никуда не делась, но ведь для идей решеток не бывает.

М.Х. Ура, спасибо! Нет ничего лучше хорошего оппонента.

Г.Ч. Во-первых, насчет пресловутого кризиса либерализма. Мне горько, что Вы присоединились к хору тех, кто поносит это направление мысли. Могильщиков либерализма в сегодняшней России и без Вас хватает. Вы совершенно правы, когда пишете, что либералы перестроечного призыва оказались несостоятельны – «слишком сильно обросли мерседесами, дачами, виллами, ночными клубами, золотыми кредитными картами». Но зачем же на этом основании делать уничижительные обобщения, говоря, что отечественному либерализму свойственна «закрепленная на генетическом уровне сервильность. Готовность забыть про конституцию ради очередной порции севрюжины с хреном. Таким был русский либерал, таким он и остался», – пишете Вы. Это сказано про Чаадаева? Про Герцена и Короленко? Про Сахарова, который для меня является беспримесным образцом либерала? Либерализм – это не господство «бабла над злом». Он вообще «не про деньги», он про чувство собственного достоинства. Я уже не могу слышать ругань в адрес «проклятых девяностых». Где бы мы все сегодня были без девяностых? Нечего отказываться от либерализма только из-за того, что часть либералов (не лучшая, а просто самая шустрая) взялась за гуж и оказалась не дюжа. Это означает лишь, что демократия нам достанется не сверху, а естественным, то есть трудным путем – «от корней», снизу. «Старые правые» должны поскорей уйти, они бесповоротно дискредитированы. Им на смену придут «новые правые», которым и предстоит строить гражданское общество снизу вверх, а не сверху вниз. Строить по тем же самым извечным либеральным лекалам: уважение прав личности, терпимость, некрикливое мужество, патриотизм без ксенофобии. Выражаясь на языке родных подворотен, все это сводится к формуле «не гнаться перед сильным и не дожимать слабого». Не согласны? Возражайте.

М.Х. Во-первых, давайте не говорить про множество действительно очень хороших людей с либеральными или совсем не либеральными взглядами. Вы мне Герцена, я Вам Пушкина с его «соглашением» с Бенкендорфом и Николаем, с прославлением царя. Вы мне Чаадаева – я Вам декабристов (может, кроме Лунина). Вы мне Короленко, я Вам – Королёва: не либерал, но очень неплохой человек. Поэтому давайте говорить о массе людей, придерживающихся либеральных взглядов, причем не столько в экономике, что отдельная тема, а в политике. Либерал – человек, отстаивающий приоритет личности над обществом, государством и всеми прочими изобретениями человечества. Права человека – вот, на мой взгляд, главная либеральная идея.

Либералов, судя по количеству жалоб в Страсбургский суд, у нас полстраны (шучу). Но и без шуток, таких немало сейчас, и немало было всегда. Но вот что странно: приходя к власти, к финансовому успеху, очень многие либералы забывают о своем либеральном прошлом. Конечно, не все, но... Что еще неприятнее для меня лично – российские либералы и до, и после революции не хотели или не умели подавить личные амбиции ради общей цели. Это здорово принижает либеральную идею и, главное, снижает ее успешность в нашей стране. Необходимо отметить, что западное либеральное сообщество гораздо более эффективно в этом отношении. Там осмысленно жертвуют частью своей личной свободы для достижения общих целей. И достигают их. А мы либо «я сам по себе и самый умный, и все, кто со мной не согласен – почти враги», либо «я либерал, пока не успешен, а если успех пришел, то уж «вниз» – никакого либерализма». Во-вторых (если Вы еще помните, что все предыдущее было «во-первых»), когда я писал эту статью в марте 2004 г., я был здорово расстроен результатами парламентских выборов и допустил несколько чрезмерных обобщений, к коим, как правило, не склонен. Говорил же, поминая либералов, во многом о себе. А вообще-то сам я не особенный либерал, в том смысле, который обычно вкладывают в это понятие. Я сторонник сильного государства в России, и у меня есть целый ряд аргументов. Я сторонник активной промышленной политики, социального государства. В общем – скандинавской модели. Россия – огромная страна с тяжелыми климатическими условиями, с очень непростым геополитическим окружением. Слабое государство просто не будет способно разобраться со всеми чрезвычайными ситуациями. О значении климатических условий: США имеют более либераль-

ную экономику, чем Канада, где природа гораздо суровой. Другое дело – сильное государство, чтобы не выродиться в очередное тоталитарное безобразие, должно не только быть сбалансировано сильным гражданским обществом, но и обладать безукоризненно работающей системой сдержек и противовесов: разделение властей, общественный контроль, сильная оппозиция. Иными словами, сильное государство должно быть сверхправовым, если так можно выразиться. Новые либералы, или, точнее, демократы, несомненно придут (термин «новые правые» мне не нравится, «правые-левые» – это из другой оперы). Ими будут наши дети. Только что мы им скажем? Мы, детки, оставили вам это безобразие, потому что струсил? Копили на машину, которая ржавеет внизу? На квартиру, из которой нас выгоняет чиновник? Или не струсил, а просто не смогли договориться друг с другом из-за повышенных «эстетических требований»? Если нам нужна демократия, за нее надо драться всем вместе – и левым, и правым, и либералам, и государственнымникам. Вместе, ради себя и детей, против авторитаризма и коррупции, за правовое государство и демократические институты. А потом, в настоящем парламенте, на экранах независимого телевидения, в независимом суде поспорим, какие должны быть налоги, национализировать или приватизировать сырьевые отрасли, должна ли быть платная медицина и т. д. Абсолютно нормальный спор. С чего надо начинать? С построения гражданского общества снизу? Невредно, но очень медленно. Сейчас существует иная возможность, жесткая, однако не перекладывающая ответственность на будущие поколения. Я имею в виду борьбу с коррупцией, и, как ключевое звено этой борьбы, – независимый суд. Убежден, борьба с коррупцией в России – это борьба за демократию. Именно поэтому независимый, некоррупцированный суд – вопрос вопросов для современной России. Это задача сегодняшнего дня. Объединив усилия всей лево-право-либерально-государственнической интеллигенции, мы могли бы добиться совместного успеха. Я абсолютно не согласен с призывами к либеральной, демократической ответственности не сотрудничать с властью. Это – путь слабых. Путь сильных – на любом месте отстаивать демократические ценности, права человека, бороться с коррупцией, определяемой эвфемизмом «административный ресурс», и не поддаваться искушениям. Пусть власть, пока она власть, сама выбирает, с кем ей пойти, зная при этом, что мы принесем во власть не только свои знания, но и свои идеалы.

Г.Ч. В двух Ваших статьях по поводу неизбежности левого поворота многое, конечно, справедливо, но общая идея кажется мне ошибочной и поверхностной. Или же я (а вместе со мной очень многие) понял ее неправильно. Такое ощущение, что Вы перепутали название и сущность. Те, кто у нас называют себя коммунистами и социалистами, вовсе ими не являются. Зюганов и компания никакие не левые, это никчемные и недееспособные осколки старого режима. Как Вы можете всерьез рассчитывать на то, что эти бестолковые обкомовцы (толковые-то все давно воцерковились и пристроились к бизнесу) способны биться за социальную справедливость? Точно так же, как нам необходимы «новые правые», необходимы нам и «новые левые». Они обязательно появятся, причем скоро. Из забастовочно-стачечного движения, из настоящих, а не потемкинских профсоюзов. Вот с ними и нужно будет выстраивать нормальный баланс силовых полей, искать золотую середину между «право» и «лево». Неужели Вы до сих пор верите в будущность КПРФ?

М.Х. Если воспринимать КПРФ как «все поделить» и лично тов. Зюганова, то, несомненно, перспектив у этих двух символов немного. Но мы же не внешние наблюдатели. Если посмотреть вглубь – какие еще люди есть в этой партии, какие ценности они исповедуют, каких целей они планируют достичь и какими методами, то легко заметить: на самом деле КПРФ давно уже не ВКП(б) и не КПСС. КПРФ, по сути, сегодня является нормальной социал-демократической партией, которая, в силу абсолютно понятных причин проявляет не более чем символическое почтение по отношению к теням прошлого. Не сотрудничать с приличными людьми только потому, что они сохраняют верность опорочившим себя символам? Глупо и не по-людски. Эта партия взяла на себя ответственность за социальную адаптацию миллионов стариков. Стариков, чья лучшая часть жизни прошла под коммунистическими лозунгами, в которые эти люди верили и верят. Отнять у них воспоминания, пусть ошибочные, пусть не соответствующие исторической правде, – это отнять у них прожитую жизнь. Еще раз скажу: глупо и жестоко. Им и так нелегко. Они ведь, на самом-то деле, все понимают. А не сотрудничать с людьми, разделяющими демократические убеждения, но имеющими иные взгляды (не такие уж иные) на управление экономикой, на размер и качество социальных услуг в нынешней ситуации, когда главным вопросом является становление демократических институтов – есть политическая ошибка, о чем я и говорил в своем «Левом повороте». Разделение

«левые – правые» нам сейчас навязано, это ошибочное разделение. Точнее, старое разделение «левые – правые» уже не работает. И левые, и правые существуют, но водораздел между ними проходит не там, где 100, 50 и даже 20 лет назад. Ныне он не является антагонистическим. Связка «коммунистическая» в названии КПРФ вводит в заблуждение. Многие нынешние члены этой партии, да и партия в целом, выступают за демократию, за права человека, против авторитаризма и коррумпированной бюрократии. В этой борьбе мы – союзники. Есть ли у левого движения в России перспективы? Сомнений не вызывает. Будет ли новое левое движение произрастать из КПРФ или из «стачечных комитетов»? Во многом зависит от власти. Возможно и так, и эдак. Важно не отказываться от сотрудничества с теми людьми, которые придерживаются приемлемых для нас ценностей. Сегодня многие из них – в КПРФ. Что же касается возможностей совместной работы на выборах – это очень ситуативный вопрос, и его надо обсуждать с социологами. В моей статье таких рекомендаций не было, а то, что было – констатация факта роста «левого запроса» у населения и пожелание к либеральным силам отреагировать на этот запрос. Как? Я не политолог и не социолог. Можно предположить, что для СПС «левый крен» невозможен, в то же время для «Яблока» он абсолютно ограничен. Но это мои домыслы по вопросу, в котором я себя специалистом не ощущаю. Абсолютно уверен лишь в одном. Когда демократические институты утвердятся, главной задачей станет оптимальное соотношение между интересами промышленного роста и интересами социальными. Не сомневаюсь, что в России смещение в сторону «общественных фондов перераспределения» должно быть значительным. Вот почему я говорю о скандинавской модели.

Г.Ч. Вот еще одно Ваше суждение, которое представляется мне сущностно неверным, хотя оно у нас очень распространено и всячески продвигается прокремлевскими теоретиками. Вы пишете в статье «Собственность и свобода»: «Российский народ привык относиться к государству как к высшей силе, которая дает надежду и веру. Эту силу нельзя взять на работу – для начала к ней надо перестать относиться как к высшей силе. А как учит нас российская история, утрата особого, сверхрационального уважения к государству неизбежно и неизменно приводит нашу страну к хаосу, бунту, революции». По-моему, это абсолютно не так. (Тут мы с Вами отчасти продолжаем и пародируем спор Белинского с Гоголем о народе, но, видимо, спор этот вечен). Наш

народ не относится к государству с надеждой и верой. Совсем напротив: с подозрительностью и недоверием. Нормальный ответ на государственное принуждение – хитрость, уловка, обход закона. Именно потому, что государство не воспринимается как нечто свое. Вот где самая главная беда и проблема российской государственности. Люди знают генетической памятью и собственным опытом, что государство – враг, который все время норовит напридумывать неудобных законов, обмануть, обобрать, искалечить сыновей в армии. Так было при царях, при генсеках. Так и осталось. В демократических странах государство воспринимается как несколько занудная, но благожелательная сила, обеспечивающая защиту и поддержку. Примерно такое же отношение там к полицейским. Их девиз «Служить и охранять» звучит по-собачьи, но это хороший девиз. Девиз нашего государства, и в особенности милиции (которая в массовом сознании и воспринимается как государство): «Прижимать и обирать». Какая, к черту, «высшая сила», о чем вы?

М.Х. Очень интересная проблема! Я уже однажды писал, что российское государство со времен татаро-монгольского нашествия, а точнее – еще раньше, с момента начала «похода на восток», выступает по отношению к населению как оккупант к покоренному народу. Не ощущая ответственности, не нуждаясь в общественном договоре, собирая не налоги, а дань, за которую не считает нужным отчитываться. В общем, господствует, а не служит. К этому есть ряд исторических причин.

Те местности, где этих причин было меньше, более «внутренне демократичны». В основном речь идет о Северо-Западной Руси (Литовско-Русском княжестве). В остальных регионах – увы. И только сейчас, по мере расширения процессов глобальной интеграции, ситуация начинает медленно меняться. Конечно, не ощущая власть как «свою», люди старались всячески уклониться от гнета и поборов. Власть же, со своей стороны, после-

довательно ограничивала возможности населения по самоорганизации. Результат – народ внешне смирился, привык, демонстрируя покорность, держать дулю в кармане. И здесь мы с Вами понимаем ситуацию одинаково. Однако, находясь в крайне тяжелых природно-климатических условиях, под давлением внешних сил (агрессоров), не имея форм самоорганизации, российский народ привык обращаться за помощью к той самой власти, которую «своей» не считает! Возник определенный вид «стокгольмского синдрома» между захватчиком и заложником. Несомненно, в современном мире необходим и возможен переход от «оккупационного» типа взаимоотношений к нормальному, основанному на общественном договоре. Но «коллективное бессознательное» очень инерционно. Если мы разрушим отношение к государству как к «высшей силе», не успев создать и закрепить в сознании людей веру в демократические институты, мы получим русский бунт, «бессмысленный и беспощадный». Может быть, не в крайних его формах, а, может, и в крайних. Поэтому я убежден: задача, стоящая перед сегодняшней властью и демократическим сообществом, крайне сложна: вырастить демократические институты и веру в них, не разрушая изначально веру в государство как в «высшую силу». Из-за этого куча проблем и постоянное откатывание назад. Можно попробовать действовать «очертя голову», но тут есть большой риск развала страны. Однако парадокс действительно существует: каждый чиновник в отдельности доверия не вызывает, а государство в целом – сакральный символ.

Г.Ч. Спасибо за ответы. Тут есть, над чем подумать и о чем доспорить. У нас в стране немало писателей и деятелей культуры, которые хотят Вас поддержать и для кого важно знать Ваше мнение. Уверен, что они продолжают этот диалог и будут вести его до тех пор, пока все мы, гражданское общество, не добьемся Вашего освобождения. Выдержки Вам и здоровья.

Диалог о мироустройстве –
в письмах писателя
Бориса Стругацкого
и заключенного
Михаила
Ходорковского

Переписка Бориса Стругацкого и Михаила Ходорковского, которую «Новой» с согласия авторов писем опубликовать их в нашей газете передал адвокат Юрий Шмидт, – культурное событие несомненной значимости.

Это диалог одного из самых известных в мире писателей-гуманистов и главного политзаключенного современной России. Который, что символично, родился в июне 1963-го, когда была написана самая знаменитая повесть Стругацких «Трудно быть богом».

В апреле 2008 года Ходорковский поздравил Бориса Натановича (неизменно его поддерживавшего и во время процесса, и после него) с 75-летием и написал: «Ваши книги – мои друзья с ранней юности и до сегодняшнего дня. Очень надеюсь, что их будет еще больше, так как друзей много не бывает». «Высокая честь и награда судьбы для писателя – иметь такого читателя, как Вы», – ответит Стругацкий. А затем, как рассказывает Юрий Шмидт, во время разговора с ним в кабинете Читинской прокуратуры Ходорковский скажет, что хотел бы написать Борису Натановичу и поделиться своими размышлениями о происходящем в стране и в мире.

Осенью 2008-го Ходорковский напишет первое письмо, Стругацкий ответит – и начнется неспешный, но очень важный разговор. Важный не только для собеседников – для всех, кого волнуют вопросы жизнеустройства.

«Я стал пытаться заглянуть за горизонт», – скажет Ходорковский. И вся их беседа, которую мы сейчас публикуем, – это, с одной стороны, попытка «заглянуть за горизонт», предугадать Будущее, а с другой стороны – попытаться понять, как изменить Настоящее, которое очень во многом собеседников категорически не устраивает.

Борис Вишневский,
обозреватель «Новой»

Письмо первое

Ходорковский – Стругацкому

Уважаемый Борис Натанович!

Я давний почитатель Вашего таланта и мелкий завистник.

Завидую я не Вашему умению создавать замечательные художественные произведения, т. к. это лежит далеко за пределами моих способностей. Дальней звезде ведь невозможно завидовать? Меня гораздо больше поражает Ваше умение предугадывать будущее, осмысливать проблемы, которые еще только на горизонте.

Я сам, без ложной скромности, могу неплохо прогнозировать в своей области на 5 и даже 10 лет вперед. Причем именно на уровне интуиции. Но это – свойство всех успешных состоявшихся руководителей. Однако сейчас, по известным причинам будучи оторванным от привычной работы, я стал пытаться «заглянуть за горизонт» – на 20, 30, 40 лет вперед. И наткнулся на ряд проблем (вопросов), решение которых для меня неочевидно, как, впрочем, и сама постановка этих проблем (проблемы ли они вообще).

Буду очень благодарен, если Вы оцените мое видение и выскажете свое критическое и альтернативное мнение.

Остаюсь с глубоким уважением.

Экология, альтернативная энергетика

Мне кажется, что эта проблема сегодня лишь подает о себе знать «мягко и нежно», но в среднесрочной перспективе она станет самой важной для нашей цивилизации. При этом решение ее невозможно без изменения навязанной всем нам за последние 100 лет потребительской парадигмы, которая приравнивала в человеческом представлении рост качества жизни к увеличению объемов потребления материальных благ.

Несомненно, уровень потребления сейчас на земном шаре крайне неравномерен, и огромные, явно излишние затраты соседствуют с элементарным голодом.

Понятно, такая неравномерность будет побуждать «недопотребляющие» страны (народы) стараться изменить свое положение. В то же

время и в «перепотребляющих» гонка за все большими объемами потребления не останавливается, т. к. главным символом успеха остается рост потребления (часто демонстративного).

Очевидно, Земля, даже при сегодняшней численности населения, не сможет обеспечить всех людей по нынешним стандартам потребления развитых стран. Достаточно сказать, что энергопотребление на одного жителя США в 5 раз превышает аналогичный показатель для Китая. Это с учетом гораздо более энергосберегающих технологий.

То есть при нынешнем уровне развития техники земной шар в принципе не в состоянии обеспечить даже только население Китая (забудем на секунду про Индию и т. д.) одним из важнейших ресурсов – энергией – по стандартам энергопотребления нынешних Соединенных Штатов.

Разрешить эту проблему (одну из многих в экологическо-сырьевой области), конечно, невозможно с помощью медленно убывающих источников углеводородов. Такого их количества попросту нет. Конечно, термоядерная энергия не имеет аналогичных ограничений, но там, несомненно, будут ограничения другие, да и в ближайшие 30–50 лет рассчитывать на переход этой технологии в разряд широко используемых не приходится.

Частично проблема решается широким развитием альтернативной энергетики (солнечной, геотермальной и т. д.). Однако реалистичный взгляд на подобные возможности заставляет ограничивать свои мечты 2–3% увеличением (замещением) нынешнего уровня потребления ежегодно, что позволяет решить проблему постепенного выбытия традиционных углеводородных источников, но не обеспечивать многократный рост мирового спроса.

Вывод, на мой взгляд, ясен: даже из этого частного примера следует – если нет обоснованных надежд на открытие совершенно новых, экологически безопасных возможностей для удовлетворения некоторых материальных человеческих потребностей – эти потребности должны быть ограничены или изменены!

Понятно, что никто и никогда не согласится, чтобы было насильственно зафиксировано нынешнее положение, когда часть населения земного шара имеет стандарты потребления, многократно превышающие стандарты потребления других людей. Не менее очевидно, что снижение стандартов потребления без социальных и политических катаклизмов невозможно.

Что же делать?

Интересный пример подают Скандинавские страны, не просто ограничивая свое потребление имеющимися у них возможностями (в частности, Швеция к 2020 году обещала отказаться от импорта углеводов), но и предлагая смену самой потребительской парадигмы, просуществовавшей почти 100 лет. Оказывается, можно разорвать жесткую связь между уровнем потребления и качеством жизни.

Приведу пример: новую модель автомобиля на стоянке под окном они успешно предлагают считать менее привлекательной, чем велосипед и сосновый бор вместо автомобильной площадки.

Возможно ли для нынешнего человечества в целом такое изменение? Изменение постепенное и обдуманное. Или мы обречены на жесточайшую цепочку кризисов, разрушающих нынешнюю цивилизацию?

А, может, есть какой-то третий путь?

Письмо второе

Стругацкий – Ходорковскому

Уважаемый Михаил Борисович!

По моему глубокому убеждению, способность писателей-фантастов «предугадывать», «вычислять» и тем более «изобретать» будущее сильно преувеличена энтузиастами и поклонниками жанра. Опыт показывает, что ничего этого писатели-фантасты не умеют и все их «попадания» – это либо банальности, либо случайности. Предсказать можно дух, ауру, атмосферу будущего (как это удалось Уэллсу или, скажем, Замятину), но не более того. Конкретности непредсказуемы. Будущее – результат взаимодействия и взаимовлияния такого количества факторов и событий (в самом широком смысле этого слова), что никакие сколько-нибудь убедительные (убеждающие) расчеты вариантов дилетантами попросту невозможны в принципе.

Утешаться приходится лишь тем обстоятельством, что прогнозистам-профессионалам эта задача тоже, похоже, не под силу, а писатели-фантасты из них (вдобавок) совсем уж никакие.

АБС (Аркадий и Борис Стругацкие. – Прим. авт.) всю жизнь интересовались будущим, постоянно размышляли о нем, в каком-то смысле даже в нем жили, но никогда и не пытались его предсказывать. А тем более – конструировать. Они сооружали миры, в которых им хотелось

бы жить. Или миры, в которых они не согласились бы очутиться ни за какие коврижки. Но никогда они даже не пытались предложить модель мира, каким он ДОЛЖЕН быть, и уж тем более – каким он БУДЕТ в действительности.

Кое-что при этом получилось у нас произвольно и помимо первоначальных намерений. Мы написали мир «Хищных вещей века», воображая, что конструируем антиутопию, но через пяток лет поняли, что этот мир далеко не худший из возможных (и вполне реальных), а теперь же я вижу, что это есть еще и мир наиболее вероятного будущего, – какого хотят миллиарды и к какому мы обязательно придем. . .

Пришли бы, если бы не те тревожные обстоятельства, о которых Вы пишете. Энергетический кризис. Экологический кризис. Я согласен с Вами полностью и абсолютно: никакой более важной проблемы перед человечеством сейчас не стоит. И Ваше ощущение грозного тупика мне очень понятно. Я и сам со страхом и беспомощно рассуждаю об этом – как минимум, наверное, последние 15 лет.

Более того, я не уверен, что речь идет о «краткосрочной», как Вы пишете, перспективе. Боюсь, первые грозные признаки конца «цивилизации потребления» проявятся уже в ближайшие 10–15 лет, когда окончательно станет ясно, что запасы углеводородов на исходе, а альтернативных источников энергии как не было, так и нет. Тогда-то мы и узрим сумрачный Лик Будущего (простите за похоронный пафос – очень трудно было удержаться).

Нет, ничего КАТАСТРОФИЧЕСКОГО (в распространенном смысле этого заезженного термина) не произойдет. Человечество не погибнет. И массового голодомора даже, скорее всего, не случится. Рухнет именно (и только) нынешняя цивилизация, со всеми ее онёрами – процветанием «сытого миллиарда», превалированием демократических ценностей, общепринятым гуманизмом как основой нравственности, со всей «парадигмой потребления» (о которой Вы пишете). Наступит эра повсеместного авторитаризма, карточно-талонной системы, мобилизационных экономик. В одночасье Земля окажется по степени энергопотребления в XIX веке («веке пара и электричества», когда пара много, а электричества – не очень). И, наверное, наступит снова время локальных войн – за нефтяные поля и пресную воду.

Замечательно, впрочем, что две трети человечества ничего этого не заметит: уровень и качество жизни ни в Африке, ни в значительной части Южной Америки или Большой Азии практически не изменится. Это будет не трагедия Земли. Это будет трагедия «сытого миллиарда».

То, что Вы пишете о шведских попытках изменения «потребительской парадигмы», любопытно и даже трогательно, но этот путь представляется мне совершенно экзотическим. Не уверен, что у шведов получится что-нибудь, о чем стоило бы говорить, и уж совершенно уверен, что это не путь ни для Штатов, ни для, скажем, Англии, ни тем более для нас. Нет, добровольные попытки приспособиться к новому образу жизни, по-моему, совершенно бесперспективны. Мы будем пользоваться всем букетом благ на всю катушку – до тех пор, пока нам не объявят, что бак бензина стоит половину нашей зарплаты, но и тогда мы еще поедем напоследок от души, прежде чем пересядем на велосипед. (Нет у меня и не было никогда ни одного знакомого автомобиля, который стоял бы на приколе из-за того только, что цена бензина у нас, как в Штатах, а зарплаты, как в Буркина-Фасо.)

Спаси нас от этой участи может только термояд. (В природе есть и еще какие-то могучие источники энергии: мы видим, как «работают» они в ядрах некоторых галактик, но никто не знает и даже, по-моему, предположить не умеет, что это за источники и что это за энергия.) А с термоядом – явный многолетний затор. Мне иногда даже приходит в голову, что на самом деле он давно уже запущен, но это обстоятельство тщательно скрывается, – какими-то умниками-политиками в ожидании начала энергетического кризиса, когда обладатель действующего термояда окажется «властителем мира». Фантазии, конечно, но я заметил, что последние несколько лет о термояде совершенно перестали писать и говорить (в точности так же, как это произошло в конце сороковых с проблемой деления урана). Если же даже отвлечься от конспирологических измышлений, то все равно:

дело, видимо, с термоядом – дрянь. Не получается. И вскорости не получится. А надо как раз, чтобы вскорости: времени нет.

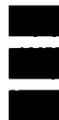
Об экологии я не говорю. Здесь время пока еще есть. Лет на сто природы еще хватит. А потом, слава богу, подавляющее большинство загрязнений обратимо. Была бы энергия. Снова – энергия. Все та же энергия.

Не знаю, следует ли мне считать себя пессимистом. С одной стороны, нарисованная выше картина малоприятна и, видимо, неизбежна. Но с другой стороны, человечество в любом случае «обречено на выживание». Это слишком мощная, слишком стабильная, слишком устойчивая структура, чтобы опасаться ее необратимого разрушения. И в этом я оптимист. Извините за выражение, ибо известно, что оптимист – это просто плохо информированный пессимист. (А Марк Твен сказал еще круче: «Двадцатый век отличается от девятнадцатого тем, что в девятнадцатом слова «оптимист» и «дурак» не были синонимами». Это было сказано, кажется, как раз в 1908 году. Что же мы должны говорить сегодня, в 2008-м?)

Так или иначе, но я смирился с мрачным прогнозом. Может быть, потому, что до этих времен не доживу. А может быть, то, что происходит с нашей страной сегодня, беспокоит меня больше, чем грядущий энергетический кризис. Уж очень это тошно: снова возвращаться в поганый мир, который, казалось, остался в прошлом навсегда. Воистину, социальный оптимизм наказуем. Что характерно.

Дорогой Михаил Борисович! Как приятно было поговорить с Вами. Надеюсь, это наш с Вами не последний разговор. Здоровья Вам, терпения и удачи!

(«Новая газета», 20.04.2009)

Письмо третье

Ходорковский – Стругацкому

Уважаемый Борис Натанович!

Большое спасибо за письмо. Думаю, что понял почти все, сказанное Вами. Правда, имея опыт чтения Ваших книг, перечитывал несколько раз с перерывами.

Не убежден, что никому из писателей-фантастов не удастся предсказывать будущее. Вам с братом это не раз удавалось. И когда вы «создавали миры, в которых хотелось бы жить, или миры, в которых не согласились бы очутиться ни за какие коврижки» – вы не раз предугадывали реальное будущее. Потом, оказавшись в этом будущем, мы имели возможность убедиться в вашей прозорливости.

Совершенно согласен с Вами в том, что энергетический и экологический кризисы – две главные угрозы для человечества. Они не тождественны, но тесно связаны, хотя лишь немногим это сегодня понятно. Человечество сегодня пытается жить слишком быстро, оно не успевает остановиться, чтобы осмыслить кричащие проблемы будущего. И с тем, что человечество не погибнет, согласен – если иметь в виду человека как биологический вид, а не совокупность различных цивилизаций, существующих на Земле.

Вы пишете, что «термомод не получается, а альтернативы нет»? Да нет, получается и термомод, и альтернатива (солнечные батареи с КПД более 40% и т. д.), только это очень дорого (точнее – капиталоемко). Это, по сути, еще один полномасштабный «манхэттенский проект». Ежегодные затраты на него будут сопоставимы с оборонным бюджетом страны уровня США. Вряд ли в ближайшее время это смогут себе позволить.

Поспору с Вашими словами о том, что если случится энергетическая катастрофа, то большинство людей (кроме стран «золотого миллиарда») ее не заметит. К сожалению, почти все заметят – нынешний экономический кризис это уже демонстрирует. Глобализация зашла слишком далеко, происходящее в одной его части отражается на других. Хотя, конечно, Вы правы, катастрофу заметят не все, не сразу и в разной степени.

И, наконец, Ваше самое пугающее меня предвидение: мир станет менее гуманистичным и более авторитарным. И вообще – противно возвращаться в, казалось, навсегда ушедший кошмар.

Мне тоже – противно. Но социальный оптимизм, о котором Вы пишете, меня не покидает.

Очень, очень надеюсь, что Ваше предвидение носит сравнительно краткосрочный характер, что сумрак сейчас наиболее непрогляден, а дальше – пусть и в течение 10–20 лет – но мы обязательно будем двигаться к рассвету.

Мы – это Россия. Мир – возможно, сегодня еще находится не в нижней точке траектории спада, хотя неоконсерваторы очень «старались». Надеюсь, что у них тем не менее кризисная ситуация будет менее ярко выражена, чем у нас.

А, может быть, у нас в какой-то момент будет даже лучше, чем у них, а?

Очень хочется верить во что-нибудь хорошее.

Уважаемый Борис Натанович, дополнительно посылаю заметку на тему баланса между свободой и безопасностью. Ваше письмо в некоторой части уже дало ответ, но вопрос сейчас далеко не праздный. И для России, и для Запада.

Еще раз большое спасибо за ответ.

С уважением.

Свобода и безопасность

За последние годы (10–15 лет) мы все стали свидетелями пересмотра устоявшихся взглядов на эту проблему в странах Запада (если, конечно, их можно назвать устоявшимися).

Не вдаваясь в перечисление происходивших изменений (они известны и очевидны), было бы важно, на мой взгляд, понять, где и каким образом может быть установлен новый водораздел между правами личности и безопасностью общества, между правами нации на самоопределение и правами государства на сохранение своей территориальной целостности и т. д.

Изменения диктуются объективными причинами:

– рост численности людей, создающей дополнительные риски и психологическое напряжение;

– повышение уровня образования населения и, соответственно, совершенствование их умения наносить ущерб окружающим (следствием чего стала относительная доступность оружия массового поражения);

– значительная взаимозависимость экономик и глобализация производственных процессов, повышающая их уязвимость (например, глобальные перевозки нефти) враждебному воздействию малых групп.

Можно продолжать и продолжать.

Как избежать нарастающих опасностей? Традиционно предлагаемый выход – ограничение личной свободы, диктуемое необходимостью усиления безопасности.

Бывают ситуации, когда это действительно необходимо – потому, что иначе нельзя обеспечить главное из прав человека, а именно право на жизнь. Но очень важно, кто и как будет оценивать: насколько можно ограничить свободу и насколько при этом усилится безопасность. И для кого.

Очевидно, что кроме объективных предпосылок необходимости изменений в понятии личной свободы существуют субъективные интересы бюрократии, толкающие в том же направлении. Причем велика вероятность, что и часть «объективных предпосылок» сформирована руками той же группы влияния, чтобы получить предлог для ограничения свободы.

Это историческая классика жанра: закручивание гаек, снижение гибкости системы, взрыв, анархия, построение чего-то нового на обломках. Так в нашей и не только в нашей истории много раз было. Вот только в глобализованной экономике взрыв может быть планетарный, и помочь будет никому.

Что делать? Где и как остановиться? Может ли Россия сыграть какую-то позитивную роль, с учетом некоторых плюсов догоняющего развития?

Письмо четвертое

Стругацкий – Ходорковскому

Дорогой Михаил Борисович!

Не могу сказать, чтобы меня так уж волновало переустройство мира в связи с перспективой утраты (привычной) безопасности и нарастания уязвимости социальных систем. По сути, ничего принципиально нового и неизведанного мы впереди не наблюдаем: либо войны (причем исключительно и только локальные – глобальные не рассматриваются, ибо эквивалентны прекращению цивилизации), либо предвоенное и межвоенное существование, в том числе и вполне лихорадочное (в условиях горячечного обострения терроризма).

И к первому, и ко второму состоянию наша цивилизация вполне готова («Проходили!»), и я совсем не вижу необходимости в том, чтобы был «установлен новый водораздел между правами личности и безопасно-

стью общества, между правами нации на самоопределение и правами государства на сохранение своей суверенности и т. д.». Разумеется, построение этого «нового водораздела», новой системы «свобода-безопасность» происходить будет, и, несомненно, в разных странах по-разному – с учетом господствующего менталитета «правообразующего» большинства, в соответствии с Равнодействующей миллионов воле и в генеральном направлении этой Равнодействующей. Например, в России это будет: беспрекословное подчинение воле начальства, абсолютный отказ от собственного участия в создании системы «свобода-безопасность», изначальное трогательное убеждение в том, что чем больше свободы, тем меньше безопасности. У нас, как известно, безопасность обеспечивает городской (ненавистный, вороватый, продажный, но – единственно надежный, ибо «НАЗНАЧЕН!»). Мы знаем цену милиции, мы ненавидим милицию, но, когда припрет, мы кричим «милиция!» – не «граждане!», кричим, не «ребята!» и не «Наши!» какие-нибудь, а – «милиция!», потому что именно и только милиция обязана нас охранять (в соответствии с указаниями начальства). А все прочие – не обязаны!

Я неважно представляю себе среднего «западника». Разве что по хорошим книгам? Думаю, российский постфеодальный менталитет присущ ему все-таки в меньшей степени. И начальство в его глазах совсем не обязательно смотрится как некий эталон правообладания. Наверное, с таким гражданином хлопот у начальства будет больше и установить более или менее крутой режим безопасности окажется непросто. Однако никаких принципиальных трудностей я не вижу и на Западе.

Я вообще не стал бы преувеличивать многообразие социальных преобразований, вызванных необходимостью установления новой системы «свобода-безопасность». У меня такое впечатление, что ничего фундаментального нового в социуме происходить вообще не будет. Мы просто приспособимся к новому образу жизни – когда то здесь, то там взрывают некое (никому не известное) кафе или захватывают вдруг в заложники школу... ужасно, конечно, омерзительно, доколе продлится это поганство!.. – но ежедневные дела так неотложны, а эпицентр событий так далек... и потом все это уже было и как-то, худо-бедно, но обошлось: спецназ разобрался... или ОМОН? Да, жертвы – это ужасно, но ведь и это все уже было: в Беслане, кажется, были сотни жертв...

Это покорное бормотание делается нашей самой привычной реакцией на ЛЮБЫЕ ужасы терроризма, включая, увы, и неизбежный

(в конце концов) теракт на АЭС. Мы привыкаем (и легко!) к самым продолжительным локальным войнам; мы привыкли к ежедневным голодным смертям в Африке; мы привыкли к авиакатастрофам и к тому, что уличный трафик убивает народу больше, чем серьезная война; очередной Чернобыль способен еще пока нас немного расшевелить, но сколько их еще понадобится на нашу голову – два-три? – чтобы и они приучили нас оставаться в общем равнодушными?

Наверное, человечество иначе не умеет. Наверное, оно слишком велико. Наверное, оно слишком загружено повседневными своими делами, чтобы оставить еще хотя бы малый кусочек души своей на что-то «постороннее», «непрактичное», на то, что «ни съесть, ни выпить, ни поцеловать» – на сострадание, на сопереживание, на милосердие.

И при этом оно терпеливо, оно дьявольски терпеливо! Этого качества у него не отнимешь. Оно привычно перемальвает любые неприятности, обрушившиеся на любую (но не слишком заметную!) часть себя, – будь то мор, голод или акция международного терроризма. Социопсихологи, может быть, скажут, какая именно доля этого непроторного тела должна оказаться раздраженной, задетой, уязвленной, чтобы тело беспокойно зашевелилось, наконец почувствовало неудобство, испытало бы потребность в восстановлении утраченного статус-кво.

И боюсь, это не «плохо», и не «хорошо», это – ТАК. У нас нет в запасе другого человечества – только такое: готовое, если понадобится, умереть за своего ребенка, да что там за ребенка – за сорокачасовую рабочую неделю готовое умереть, – но решительно не способное палец о палец ударить ради «дальнего своего».

Легко представить себе страны, которые с удовольствием воспользуются «законным» правом на ужесточение режима и сделают это быстро, умело и притом с молчаливого согласия своего населения. И так же просто представить себе государства, которые попытаются свести «меры безопасности» к минимуму или даже вообще обойдутся без них.

Что же касается нашей России с «ее догоняющим развитием» – вряд ли она скажет какое-либо новое слово в этих процессах. Россия сейчас снова (в который уже раз!) на перепутье, беременна очередной бифуркацией, и такой пустяк, как ужесточение «мер безопасности»

(абсолютно обыкновенное для нас действие, совершаемое практически неосознанно, автоматически, почти инстинктивно), не может играть сколько-нибудь существенную роль в ее политической жизни.

После столетнего перерыва происходит у нас признание власть имущими права за «быдлом» иметь пусть малый, но все-таки вполне определенный кусочек благ, являющихся совершенно естественными и общедоступными для самих власть имущих. Понадобились поколения и тотальные психологические ломки, чтобы некие очевидности стали (снова?) частью сознания высокомерного и обособленного слоя обладателей властью. Например: «Существует право на личное жилище». Есть, оказывается, право зарабатывать и право тратить. Право менять работу и право выбирать, куда потратить заработанное. Есть, представьте себе, право покидать страну и возвращаться в нее, когда заблагорассудится.. Все эти «очевидности» реализовались в сознании власть имущих мира сего совсем недавно – век, ну два назад. А у нас в России (после опустошающей чумы сталинизма) они еще только вызревают, они – достояние в лучшем случае лишь половины правящей элиты, в то время как другая половина пока еще не решила: а не проще ли, не правильнее ли организовать все так, как это было при Сталине или хотя бы как при Андропове?

Властвуют нами все-таки – аскеты или гедонисты?

Подвластен им все-таки – народ или коллектив?

Однажды эти вопросы уже решала Россия – в самом конце 20-х. Тогда победили аскеты – носители чистой беспримесной ледяной власти с нечеловеческим лицом. Они и сегодня – не сильнее, может быть, но свирепее, напористее, и надежда только на то, что времена все-таки другие и пресловутый лозунг «Обогащайтесь!» незримо, но почти осязаемо реет над политическими ристалищами.

Извините, если найдете, что я не ответил на Ваш вопрос, если я вообще написал о чем-то слишком уж своем, но что прикажете делать, если именно это «раздвоение истории» волнует меня сегодня больше, чем что-либо другое?

Здоровья Вам и выдержки!

(«Новая газета», 22.04.2009)

Часть III. Об аскетах, гедонистах и обиженных подростках, находящихся у власти

Ходорковский – Стругацкому

Уважаемый Борис Натанович!

Большое спасибо за письмо и ответ на вопрос о Вашем отношении к проблеме свобода/безопасность. Я понял, что Вы ее воспринимаете как не столь существенную по меркам современной реальности, полагая общество способным «проглотить» любые меры по ограничению свободы, и без традиционных ссылок на необходимость обеспечения безопасности. И уж точно – без какого-либо сопоставления степени предполагаемых угроз и жесткости реализуемых мер по ограничению личной и общественной свободы.

Надеюсь все же, что Ваш пессимизм оправдан не до конца и общество все же не настолько покорно. Не настолько беспрекословно готово подчиняться воле начальства и не настолько «трогательно убеждено в том, что чем больше свободы, тем меньше безопасности».

Тем не менее не могу не признать – перспектива прихода к власти, как Вы пишете, «носителей чистой беспримесной ледяной власти с нечеловеческим лицом», – пугает. Тем более что это вряд ли возможно без разрушения страны. К этому выводу меня приводят достаточно простые экономические соображения.

А на Ваш вопрос о том, аскеты или гедонисты нами правят, отвечаю (хорошо зная многих из них!), что мы все-таки имеем дело с напуганными гедонистами. Им хочется жить по-настоящему хорошо, а не так, как членам ЦК КПСС, боявшимся у себя дома кондиционер поставить – «разговоры пойдут!». Причем что такое «жить хорошо», они знают прекрасно – спасибо глобализации. И они прекрасно понимают, что жить хорошо «там» им удастся только в том случае, если не слишком хулиганить «здесь», – потому что мир в последнее время уж очень прозрачный, ничего серьезного не скроешь. А жить хорошо «здесь» при до предела «закрученных гайках» внутри страны попросту невозможно – потому что усердно создаваемый миф «осажденной крепости» веселой жизни не способствует. Особенно если говорить о более или менее широком круге элиты и об их детях.

«Аскетическая» альтернатива, на мой взгляд, маловероятна по двум взаимосвязанным причинам.

Во-первых, она убивает постиндустриальную экономику, а вслед за ней – перспективы экономического роста, конкуренто- и оборо-

носпособности страны с такой большой территорией, как Россия. И с такими беспокойными соседями, как у нее сейчас. А во-вторых, эта альтернатива требует понятной обществу и приемлемой большинством общества идеологии мобилизующего типа. Коммунизм старого, советского образца для этой цели, очевидно, не подходит – он если еще и не мертв, то уж точно не имеет никакой массовой перспективы. Что остается? Только национализм. Настоящий, а не игрушечный национализм, имеющий вполне очевидные корни с очень плохой историей.

Понятно, что благополучие страны наших аскетов и гедонистов беспокоит, скажем так, не в первую очередь. Но резкое ухудшение положения в России неизбежно повлекло бы тяжелые последствия для их собственных интересов. И поскольку возможности сырьевого роста исчерпаны, а индустриальная перспектива развития для России жестко ограничивается Китаем, Индией и прочими «азиатскими тиграми», конкуренции с которыми мы в этом варианте не выдержим, то выбор прост: либо мы строим постиндустриальную экономику, либо происходит стагнация на сравнительно невысоком экономическом уровне.

Этот невысокий экономический уровень ставит нас в сильно неравноправное положение не только с Китаем, Европейским союзом и США, но и в перспективе с Ираном и Турцией. И даже – хотя сейчас это для многих может прозвучать смешно, в силу охватившего ее экономического кризиса, – с Украиной. Последнее для аскетов наиболее опасно. Мало что так эффективно разрушает мифы государственной пропаганды, как благополучие ближайших соседей и «родственников».

Хотя, замечу, и Китай – не подарок. Сталинская «мобилизационная модернизация» сейчас для России абсолютно невозможна. Ее источник – массовая миграция рабочей силы из деревень в города с соответствующим ростом производительности труда. Именно это, к слову, и есть нынешний «мотор» китайской экономики. А у нас он уже отработал семьдесят лет назад.

В общем, аскеты, желающие «чистой, ледяной власти», даже если бы они каким-то образом появились в нынешней России и получили эту самую власть, были бы, на мой взгляд, все равно вынуждены считаться с новыми мировыми реалиями. А если не стали бы считаться, то США, Евросоюз и Китай скоординированными действиями и руководствуясь разными, но совпадающими в данной точке интересами, перевели бы Россию в «третий эшелон» стран мира, что абсолютно неприемлемо ни для самих аскетов, ни для нашего населения. (О технологии «перевода» подробности опущу, но прецеденты такого «скоординированно-

го поведения» в истории уже были.) Таким образом, на мой взгляд, для аскетов поддержание высокого технологического уровня есть сегодня важнейшее условие удержания их власти в России.

Ну, а про гедонистов и так все понятно. Чтобы удерживать власть, им надо жить здесь. Жить здесь, не обеспечивая высоких темпов экономического роста, можно только путем перехода к тоталитаризму. Таких ресурсов у них нет и в помине, ни политических, ни психологических. Да, люди научились существовать в условиях полного безразличия к государству, в условиях чисто формальной демонстрации лояльности, не подкрепленной реальной преданностью. К тому же тоталитаризм в большой европейской стране XXI века делает жизнь сильно некомфортной и, более того, бесперспективной даже на весьма коротком историческом отрезке времени. Опять же прецеденты были.

Полагаю, что изложенное понимают многие, поэтому сценарий «Вялая Россия» и считается наиболее актуальным в среде экспертов.

К счастью, далеко не все люди, даже в бюрократической среде, безразличны к судьбе своей страны. И поэтому я вижу своей задачей пытаться сделать «выпуклым», очевидным простой факт – без серьезного эволюционирования нынешний политический режим полуавторитарного типа бесперспективен для страны. Он неизбежно порождает классический застой и очередное историческое отставание, которое в нынешнем глобализирующемся мире угрожает самому существованию страны.

Уверен, защита от этой угрозы нового типа – не полицейщина, а только либерализация, ведущая к успеху постиндустриального проекта.

Еще хочу заметить, что меня пугает не только «политическая несвобода», которая сегодня в России нарастает, но и чеболизация, являющаяся ее следствием.

Еще в 1996–1997 годах я подробно изучил опыт корейской и японской экономик. Я сделал это с помощью лучших международных консультантов, пытаясь выстроить структуру «Роспрома» – своего российского «чеболя», и пришел к выводу, что в глобальной экономике этот путь стратегически неэффективен. После чего жестко избавился от всех подразделений компании, лежащих за пределами выбранной отрасли.

За минувшие 10–11 лет сделанный мною тогда вывод не претерпел изменений. Более того, опыт развитых экономик это еще более подтвердил.

Я думаю, что последствия нынешней ошибочной структурной политики мы обязательно испытаем в ближайшие 7–10 лет. И они будут тяжелыми. Для страны, для общества, для подавляющего большинства граждан.

Зачем я все это говорю? Я пытаюсь объяснить, где вижу реальный «проблемный интервал»: полуавторитаризм, чеболизация, торможение темпов экономического роста на уровне абсолютно недостаточных 1–2%. Вот это – ключевые опасности и ключевые проблемы, которые надо решать.

А вот фашизм и сталинизм мне кажутся не настолько реальными угрозами, чтобы всерьез тратить на них силы. Более того, я считаю, что навязывание пропагандой этих малореальных угроз – отвлекающий маневр окол властной тусовки для продвижения идеи полуавторитаризма как «меньшего зла».

Несомненно, совсем не замечать существующих в России националистов и силовых отморозков нельзя, но и придавать им неадекватно большое значение опасно – можно «зевнуть» реальную угрозу. А именно – полуавторитарный застой на 15–20 лет с последствиями в виде разрушения страны.

Вот такие у меня «непричесанные мысли».

Буду рад получить от Вас замечания и (или) «целеуказания».

С глубоким уважением.

Стругацкий – Ходорковскому

Дорогой Михаил Борисович!

Большое спасибо за интересное и содержательное письмо.

Я пессимист, это верно. Но Вы – безусловный и неукротимый оптимист. Вы уверены, что власти предрержащие управляются своим *ratio*, что они размышляют, что они следуют логике. Безусловно, они логичны, но – по-своему. Их логика опирается на совершенно другую, не знакомую нам с Вами парадигму. Они, разумеется, знают словосочетания «благо народа», «процветание страны», они сами охотно эти словосочетания употребляют, но вкладывают в них свой, особенный, сугубо личный смысл.

Они совершенно точно знают, что благо народа – это прежде всего ИХ личное благо, а их благо – это жесткая всеконтролирующая власть. Помимо этой власти и без этой власти народ пропадет, превратится в стадо неуправляемых и в конечном счете несчастных животных. Будет смута, а ничего хуже смуты они представить себе не в состоянии.

«Процветание» же «страны» есть прежде всего мощная ее милитаризация («у России всего два союзника – армия и флот», и доблестные ор-

ганы, добавляем мы сегодня), ибо вне милитаризации мы ничто и звать никак, нас любая Грузия скушает, не говоря уж об Америке («скушать» – любимый глагол т. Сталина, когда речь шла о внешней политике).

Упадет уровень жизни – не страшно, зато власть тверда и управляемость неукоснительна. Социальные волнения – не страшно, есть ОМОН и спецназ, голодный до наведения порядка. И есть безотказные СМИ, всегда готовые объяснить демонстрации преступным заговором мафиозных структур, или происками отбросов нашей суверенной демократии, или даже бессовестной агрессией мировой закулисы, которая спит и видит.

Ничего нет и не может быть в стране страшного, если вертикаль власти нерушима и рейтинги главных лиц высоки.

Кто сказал, что «для аскетов поддержание высокого технологического уровня есть сегодня важнейшее условие удержания их власти в России»? Ничего подобного. Таким важнейшим условием является укрепление, укрепление и снова укрепление властной вертикали (армия, флот, органы, СМИ).

Кто сказал, что «тоталитаризм в большой европейской стране XXI века делает жизнь сильно некомфортной и, более того, бесперспективной даже на весьма коротком историческом отрезке времени»? Это, может быть, верно для простого обывателя и для обывателя интеллигентствующего, но комфорту носителя власти тоталитаризм отнюдь не помеха (если он не переходит разумные границы, превращаясь в Большой террор).

Грустно это, но они даже распада страны не очень боятся – при условии, что над руинами им удастся сохранить монопольную и непререкаемую власть. Они не боятся НИЧЕГО, кроме потери власти. Они мозг и душа нации. Тело нации может погибать от дистрофии, идти фурункулами, задыхаться в дурной социальной атмосфере – пока функционируют мозг и дух, организм живет.

Есть единственная возможность прекратить этот «пир духа» – раскол внутри элиты, шизофрения власти. Должен появиться новый Горбачев (а может быть, сразу – Ельцин), человек в авторитете, которому не нравится управлять холопами, которому одной только Власти мало – ему нужна будет вдобавок еще и Слава. Откуда берутся такие, бог весть, но они регулярно (хотя и редко) в России появляются. Не знаю, способствует ли появлению такой кометы экономический кризис, но и исключать подобное не могу. Так что – ждем-с.

Как видите, некий оптимизм («со слезами на глазах») свойственен и мне.

Поздравляю Вас с Новым годом и от всей души желаю Вам здоровья, удачи, успехов, а в первую очередь – свободы!

Ходорковский – Стругацкому

Уважаемый Борис Натанович!

Поздравляю Вас с выходом киноверсии «Обитаемого острова». Фильм появился весьма своевременно, и он гораздо ближе к смыслу повести, чем «Чародеи» к «Понедельнику», который «начинается в субботу». Не слушайте брюзжания по этому поводу – оно лишь подтверждает актуальность темы. Сходство описанного в повести и происходящего сейчас в России несомненно, несмотря на отсутствие излучателей.

Возвращаясь к обсуждавшейся нами теме, отмечу: если я, по вашему, «безусловный и неукротимый оптимист», то Вы – не пессимист, а скептик в кубе. Я к власти отношусь, конечно, скептически, но Вы...

Возможно, в определенных условиях те представители элиты, которым, как Вы говорите, «не нравится управлять холопами» и которым «одной только Власти мало – нужна вдобавок еще и Слава», могут выйти на первый план. Или даже те, кому достаточно Власти, могут стать теми, кому нужна еще и Слава. Но пока до этого далеко: поверьте, я многих из них неплохо знаю. У них есть «барьеры» и «берега». Что тем не менее оставляет глубоко верной Вашу мысль о возможности положительных перемен в стране исключительно «сверху» при определенном «расколе» элиты. Трижды согласен. Поэтому я (как и Вы, насколько я знаю) поддерживаю вхождение «либералов» во власть, поиск компромиссов, как в случае с «Правым делом». За что подвергаюсь нелицеприятной критике, но свою позицию сохраняю.

Надеюсь, Ваше мнение заставит некоторых наших «непримиримых» по-другому взглянуть на эту проблему. Хотя и непримиримые тоже должны быть – иначе наше общество станет еще более сервильным.

А про «оптимизм со слезами на глазах» замечу: если Вы его сохранили в советское время, то сейчас он уместен и подавно, ведь ситуация гораздо мягче той, прежней. И с точки зрения доступа к информации (здесь просто несравнимые с прошлым возможности), и с точки зрения противостояния с Западом, которое при всей антизападной риторике властей все-таки значительно меньше, чем в советские времена.

Я убежден: никто в сегодняшней российской власти добровольно не стремится к положению изгоя. Это просто злые, обиженные подростки, которые могут быть опасны, но скорее всего, вырастая, станут более-менее нормальными людьми. Конечно, станут не все, но в массе как политический слой – точно станут. Чтобы этого не произошло, чтобы они остались опасными и во «взрослом» состоянии – нужен Большой террор, повязавший весь правящий слой кровью и гарантирующий устранение колеблющихся.

Сомневаюсь, что ныне это возможно. Армии нужны головы и технологии, населению – современные товары и сравнимый с соседями уровень жизни, элите – признание и уважение за границей. Скажете, это мелочи? Но именно они, по-моему, серьезно меняют мотивацию элиты.

Всего Вам наилучшего.

Стругацкий – Ходорковскому

Дорогой Михаил Борисович!

Я задержался с ответом, потому что мне казалось, что Вам сейчас не до нашей переписки. Меня убедили, что это не так, и я возвращаюсь к нашим баранам – на этот раз в попытке показать, что я не совсем безнадежен и вижу в будущем не одну только «тьму власти».

В своем последнем письме Вы пишете: «Армии нужны головы и технологии, населению – современные товары и сравнимый с соседями уровень жизни, элите – признание и уважение за границей. Скажете, это мелочи? Но именно они, по-моему, серьезно меняют мотивацию элиты».

◦ Эти слова да Богу в уши, как говаривала наша мама. Если бы все было так просто, нынешний режим мог бы установиться еще при товарище Брежнев. Но видимо, всего этого – голов, технологий, товаров, признания – мало. Чего-то не хватает еще для «изменения мотивации элиты». Или, напротив, довлеет что-то лишнее? Груз застарелой державности? Геополитических амбиций? Или то самое «человеческое, слишком человеческое», которое неизменно превращает рядового чиновника в лицо ВИП? Наверное, все это вместе. Но так это или иначе, какую партию мы бы ни формировали, получается КПСС, какую бы экономическую конструкцию ни соору-

жали, получается у нас ВПК, и вообще все «получается как всегда»: жестко, казенно, агрессивно – безнадежно огосударствленно.

Иногда мне кажется, что хватило бы всего двух поколений – без инфляции, авторитарности, декларативной агрессивности, – чтобы все встало на свои места и естественный либерально-демократический путь России решительно бы обозначился, но где их взять эти два поколения?

Давеча я прочитал ответы самых разных людей в журнале «Сноб» на вопрос: «Какой Вы видите Россию через десять лет?». Меня поразили общий оптимизм ответов – оптимизм осторожный, но несомненный. И лейтмотив поразили: ничего существенного не произойдет, станет даже немного лучше, никаких катастроф-катаклизмов не будет. «В надежде славы и добра» пребывает это наше поколение. Несмотря ни на что. И вопреки любому пессимизму.

И то сказать: скептик ты или самый заядлый пессимист, а в скольконибудь долгосрочной перспективе ты видишь только путь либерально-демократического развития. Всякий авторитаризм, всякое огосударствление социальной жизни – это обязательно торможение, застой, прекращение прогресса, привычная милитаризация и даже – война (как минимум «холодная»). Это – неизбежное отставание от стран со свободной экономикой, унылое превращение в Верхнюю Вольту с ядерными ракетами. Это «перемежающийся дефицит», это предприятия, не способные стоять на своих ногах, и – конечно же! – это ничем не ограниченное могущество всепроникающей, вездесущей, бесконтрольной бюрократии, как песок заполняющей все сочленения государственного механизма. . . Такое государство прежде всего неконкурентоспособно. И оно вынуждено будет что-то делать с собой – какую-нибудь перестройку организовывать, смену элит производить, вырывать на торную дорогу цивилизации. Один раз мы это уже видели, увидим ли еще?

В любом случае, «вектор истории» с большой степенью вероятности представляется определенным. Так что пессимисты вольны и вполне могут оказываться правы в краткосрочной перспективе, но безнадежно проигрывают в перспективе долгосрочной. Да послужит это им уроком и назиданием! Ибо уныние, как известно, есть один из смертных грехов.

Желаю Вам удачи, Михаил Борисович, терпения и здоровья.

(«Новая газета», 24.04.2009)

Диалоги

Людмила Улицкая – Михаил Ходорковский

Когда в нашей стране поменяли президента, западные журналисты вместо прежнего дежурного вопроса «Нравится ли вам Путин?» стали спрашивать «Что собой представляет Медведев?». Я честно отвечала – не знаю. Впрочем, никто в стране не знал. Человек возник из воздуха. Известно, что юрист.

Скоро узнаем, – отвечала я. – Если Ходорковского отпустят, значит, это самостоятельная политическая фигура. Если нет – лицо фиктивное.

Ходорковского не отпустили. Более того, затеяли еще одно дело, на этот раз уже совершенно высосанное из пальца. А Ходорковский в этих обстоятельствах ведет себя замечательно – с чувством собственного достоинства, бесстрашно и даже, пожалуй, дерзко.

У меня своя личная история: я вообще-то не люблю богатых. У меня обостренное чувство социальной справедливости, мне за богатых бывает стыдно.

Это мой предрассудок, я признаю. У других тоже бывают слабо мотивированные пристрастия: одни не любят евреев, другие таджиков, третьи милиционеров, четвертые – собак породы пит-буль.

Я ни ЮКОСом, ни Ходорковским особенно не интересовалась, пока не обнаружила в разъездах по нашей бескрайней родине, что, куда я ни попадаю, всюду работают программы Ходорковского: в детских домах и колониях, в школах и в университетах. А я, надо сказать, не-

сколько лет тому назад была в Стенфордском университете, придуманном и построенном на деньги одного очень жесткого и даже с подмоченной репутацией капиталиста, мистера Стенфорда. Я эту историю внимательно изучила. Стенфордом восхитилась. И поняла, что нашей стране не хватает таких людей. То есть они – Боткины, Солдатенковы, Щукины, Хлудовы, Третьяковы – были в изобилии в начале XX века, но советская власть их истребила. И вот именно когда я обратила внимание на огромный размах социальной благотворительности Михаила Борисовича Ходорковского, я обрадовалась и подумала: наше дело не так безнадежно.

Вскоре как раз Ходорковского скрутили, компанию его забрали и, кажется, развалили, или во всяком случае «распилили», а от огромной, прекрасно организованной системы благотворительности остался, кажется, один интернат для детей-сирот «Коралово». Его пока еще не удалось развалить и захватить хорошую под ним землю.

Словом, чем дальше, тем мне больше нравился Ходорковский – вплоть до того, что вступила я с ним в опосредованный (через адвокатов) контакт. Задала кое-какие вопросы. Получила ответы, которые меня в большой степени удовлетворили.

Теперь я знаю об обстоятельствах этого дела гораздо больше, чем год тому назад. Все гораздо хуже, чем может показаться с первого взгляда.

Отбросим безусловные аргументы в пользу сегодняшнего дня: в конце концов не расстреляли в подвале Лубянки на третий день после постановления «тройки», не отравили радиоактивным плутонием или ядовитой колбасой, а организовали дорогостоящий процесс. Держали в Читинской области, откуда перевезли на процесс в Москву не в теплушке, а на самолете, а керосин нынче дорог. Платят зарплату судье, прокурорам, охранникам, уборщицам, шоферу, который привозит заключенных Ходорковского и Лебедева на процесс четыре раза в неделю на бронированном чудовище большой, огромной даже стоимости.

Мы, налогоплательщики, оплачиваем это долгоиграющее издевательство над здравым смыслом. Мы, граждане, ничего не можем сделать, чтобы прекратить этот фарс. Мы, родители детей, которым жить в этой стране, ничего не можем сделать, чтобы изменить то, что никому не нравится. Это опасно для будущего.

Я – за Ходорковского и Лебедева. Против абсурда и беззакония. Против бездарности и лжи.

Людмила Улицкая

15.10.08

Уважаемый Михаил Борисович!

Возникла возможность с Вами пообщаться, и я этому очень рада. Семейная моя история такова, что мои деды просидели в сумме больше двадцати лет, друзья-шестидесятники тоже внесли свою лепту в этот котел. Да и тема эта для русской литературы очень существенна – настолько, что в прошлом месяце я даже написала предисловие к книге «По тюрьмам» Эдуарда Лимонова, человека очень разнообразного и малоприемлемого. Так случилось, что я даже для детей сейчас курирую книгу «Преступления и наказания», где опять-таки все про то же – история тюрем, виды наказаний и пр. Потому, если наша встреча действительно состоится – чего бы мне очень хотелось, – то поговорить бы об этом. Вы ведь знаете, что есть две точки зрения: Солженицын считал, что опыт тюрьмы человека закаляет и очень ценен сам по себе, а другой сиделец, менее счастливый, Варлам Шаламов, считал, что опыт тюрьмы в нормальной человеческой жизни непригоден и неприменим вне тюрьмы.

Последние годы жизни Юлия Даниэля мы были дружны, и хотя он не любил говорить об этом времени, но впечатление у меня тогда сложилось, что это очень важное испытание, и для него оно легло не на пустое место, а на его фронтальной опыт. Но, в любом случае, для Вас еще не настало время, когда Вы сможете вспоминать о прошлом, сегодня – это Ваша реальная жизнь. Как Вам удастся с ней справляться? Нет ли ощущения дурного сна? Хотелось бы узнать, как изменилась система ценностей: какие вещи, казавшиеся важными на воле, потеряли смысл в лагере? Образуются ли новые внутренние ходы, какой-то неожиданный опыт?

Это мое письмо – простите! – прикидочное: ведь Вы человек, о котором постоянно говорят и помнят, для одних – борец и острый политический деятель, для других – страшилка, но, в любом случае, Ваша ситуация оказалась бесконечно обсуждаемой, а интерес к Вам не иссякает. В свое время Анна Ахматова сказала о Бродском, когда его сослали: «Какую биографию они делают нашему рыжему». Вам действительно «делают» биографию, и хотелось бы, чтобы об этом можно было говорить в прошлом времени. И это тоже одна из причин, почему бы мне хотелось с Вами встретиться и побеседовать.

С уважением,

Людмила Улицкая

15.10.08

Уважаемая Людмила Евгеньевна!

Большое спасибо за письмо и поддержку. Понял истоки Вашего внимания. Надо отметить, типичные для значительной части нашей интеллигенции. К сожалению, т. к. тюрьма – не самый лучший опыт. В связи с чем мне больше по душе Шаламов, чем Солженицын. Думаю, разница в их позиции связана с тем, что Солженицын считал авторитарный, а значит, тюремный способ управления страной, допустимым. Но, как «гуманист», полагал необходимым опытом управленца опробование розг на собственной спине. Достоин уважения, но не присоединяюсь.

Тюрьма – место антикультуры, антицивилизации. Здесь добро – зло, ложь – правда. Здесь отребье воспитывает отребье, а приличные люди ощущают себя глубоко несчастными, т. к. ничего не могут сделать внутри этой отвратительной системы.

Нет, это чересчур, конечно, могут и делают, но так жутко смотреть, как каждый день спасаются единицы, а тонут десятки человеческих судеб. И как медленно, оборачиваясь и возвращаясь, движутся перемены.

Мой рецепт выживания – учиться понимать и прощать. Чем лучше, глубже понимаешь, надеваешь чужую шкуру, – тем сложнее осуждать и проще прощать.

В результате иногда происходит чудо: сломанный человек распрямляется и, собственно, становится человеком. Тюремные чиновники этого страшно боятся и совсем не понимают – как? почему? А для меня такие случаи – счастье. Мои адвокаты видели, и не один раз.

Конечно, без уверенности в семье, без их поддержки было бы совсем тяжело. Но в этом и беда, и преимущество попадания в тюрьму в зрелом возрасте: семья, друзья, тыл.

Здесь важнейшее условие – самодисциплина. Либо работаешь над собой, либо деградируешь. Среда пытается засосать, растворить. Конечно, бывает депрессия, но ее можно переламывать.

Вообще, чем жестче внешняя обстановка, тем мне лично лучше. Удобнее всего работать в ШИЗО, где появляется ощущение прямого, непосредственного противостояния враждебной силе. В обычных, по здешним меркам, условиях поддерживать мобилизацию тяжелее.

Извините, пишу, что называется, «заметки на полях». Не думая. Завтра – очередной суд.

С удовольствием продолжу диалог. С глубоким уважением,
М.

16.10.08

Дорогой Михаил Борисович!

Спасибо за ответ, написанный накануне суда. Сейчас, в это самое время, идет судебное заседание, и вечером мы узнаем по радио что-нибудь – почти наверняка нерадостное.

Письмо Ваше меня поразило. Отбросило в другую реальность: как будто мы в разных углах мироздания. Но есть одно существенное и общее – осознанное отношение к личному жизненному пути. Место, где это осознание столь плодотворно происходит, в Вашем случае – тюрьма в квадрате. Как еще можно назвать карцер в местах лишения свободы? Ниже не упасть. Одновременно – неожиданная высота духа несломленного и ума, напряженно работающего. Так сидит в ледяной пустыне тибетский монах, растапливая вокруг себя своей теплой задницей или иным нам неизвестным способом полянку, на которой начинают расти травы и цветочки. И вырастают на этой поляне редкие плоды осознания себя и окружающего мира, сострадания, терпения. Вот уж поистине, те ребята наверху (в обоих смыслах!) Вам делают не только известность, разного рода славу – хорошую или дурную, в этой системе координат не имеет значения, – но с Вами происходит процесс, которым мог бы руководить мудрый гуру, духовный учитель, старец какой-нибудь или кто там на это место назначен.

Меня всегда очень увлекал тот поток, в котором находится человек от рождения до смерти. Поток тебя несет, а ты плывешь по течению, предугадывая его повороты, то попадая в середину течения, то делая самостоятельное движение, чтобы несколько изменить направление. И здесь всегда есть начальная точка, когда ты осознаешь свою жизнь вписанной в общий поток и все последующие моменты «переориентировки». Это очень увлекательная история – каждая человеческая судьба. Думаю, что Вы можете сказать больше, чем многие люди, которым жизнь не давала такого экстремального и разнообразного опыта. Вам дали время подумать. Насильственно. Но Вы оказались хорошим учеником. Вот об этом я и хочу поговорить.

Возьмем исходную точку: детство, семья, установки и намерения. Как Вы планировали свою жизнь в то время, когда вообще эта идея возникает?

У меня это произошло очень рано: родители были более или менее ученые. Традиционные «менеэсы», хотя и со степенями. Я и была

нацелена на науку – это была биология, и в моем сознании очень удачно уживались идеи «служения человечеству», удовлетворение тщеславия и ошибочное представление о том, что наука – наиболее свободная область. Естественно, все иллюзии со временем рассыпались. Расскажите, а как Вы мальчиком видели свое будущее? Что было Вашей жизненной программой в юности? Я знаю, конечно, что Вы были в комсомоле, и даже функционировали в том пространстве, которое для меня (я Вас старше на 15 лет) было совершенно неприемлемым. Вероятно, Вы чувствовали себя своим или по крайней мере мимикрировали под «комсомольских деятелей», потом оказались «своим» в среде «олигархов», где тоже своя занятая и привлекательная для народных масс жизнь. Вы явно превысили пределы дозволенного, нарушили некий неписанный закон (сознательно или неосознанно), то есть перешли границу «дозволенного» в том высшем кругу, куда мой глаз не проникает и, честно говоря, никогда и не стремился проникнуть. Вот я как раз и хочу поговорить об этом.

Каждый из нас выбирает для себя свою собственную границу, которую он не переступает. Для примера: моя подруга Наташа Горбаневская вышла на Красную площадь в 1968 году с трехмесячным ребенком и потом получила «психушку». У нее инстинкт самосохранения если не отсутствовал, то явно был ослаблен. Я бы не вышла и без ребенка. Просто от животного страха. Но я не могла проголосовать на собрании в Институте общей генетики, где работала тогда, «за осуждение» и протопала вон из зала под изумленные взгляды сослуживцев в тот момент, когда надо было поднять руку. Это была моя граница. Очень скромная. Заплатила недорого – при первой возможности уволили. Стала в конце концов книжки писать. Где пролегалы Ваши этические границы в юности? Как они менялись со временем?

Я совершенно уверена, что Вы об этом думали, и даже читала некоторые Ваши высказывания на этот счет. Но нам, чтобы разговор наш был плодотворным, надо пройти шаг за шагом к сегодняшнему дню. Кстати, не могу Вам не сказать, что по радио нам сегодня сообщили, что условно-досрочное освобождение Вам не дали.

Суд свое дело знает. Ничего другого и не ожидали. Таким образом, у нас есть некое неопределенное время для разговора на эту отвлеченную, но интересную тему, и мы сможем продолжить наше общение.

С уважением,
Людмила Улицкая

10.11.08.

Уважаемая Людмила Евгеньевна!

Спасибо за письмо и за проявленный интерес.

Мои воспоминания носят совершенно отрывочный (эмоциональный) характер, т. е. то, что эмоционально окрашено, – помню, остальное – почти нет.

Иногда происходит замещение памяти, то есть помню то, что на самом деле рассказывали родители. Тем не менее «отчетливо», с детства хотел стать директором завода. В общем это неудивительно: родители всю жизнь работали на заводе, детский сад – заводской, пионерлагерь – заводской, директор завода – везде главный человек.

Мои мама и папа, как я теперь понимаю, весьма не любили советскую власть, но всячески ограждали меня от своего влияния в этом вопросе, считая, что иначе испортят мне жизнь. И я вырос «правильным» комсомольцем безо всяких сомнений в том, кто друзья и кто – враги.

Выбирая свой путь в жизни, ориентировался не просто на химическое производство, а на оборонное направление, т. к. считал, что самое главное – защита от «внешних врагов».

Комсомольская работа в институте была, конечно, не проявлением политического призвания, а стремлением к лидерству. Собственно, я никогда идеологией не занимался, моя стезя – оргработа.

Стройотряды, заводская рабочая практика – все это очень нравилось именно как возможность самореализации производственника, менеджера.

Когда после института меня распределили в министерство – Госгортехнадзор, – был крайне огорчен, т. к. хотел на завод, и поэтому отпросился в райком комсомола, чтобы не идти на три года в министерство.

Дальше – центры НТТМ, бизнес, защита Белого дома...

Интересно, что секретарь парткома института предлагал мне в 1987 году продолжить «комсомольскую» карьеру и был поражен, когда я выбрал «хозрасчетные штучки».

Что же касается «барьеров», то они для меня заключались в одном: никогда не изменять своей позиции под давлением силы, а не аргументов. У нас был прекрасный ректор Г.А. Ягодин. Он называл меня «мой самый непокорный секретарь» (имелось в виду секретарь фа-

культуретского комитета комсомола). Понятно, что он мог легко меня сломать, но не делал этого, позволяя закалиться характеру. К сожалению, в 1985 году он ушел из института на повышение.

Мне повезло и второй раз. Секретарем нашего свердловского райкома партии была Кислова, а членом бюро – министр промышленности стройматериалов Ельцин Б.Н. Я получил от них настоящий урок мужества, когда их «гнобили», а они не сдавались. Причем, Кислова не сдала Ельцина. Чего ей это стоило – могу себе представить.

К слову, в 1999 году депутатом от Томской области, где я работал, был Лигачев Е.К., который всячески пытался «гнобить» уже меня. Я запретил нашим атаковать его в ответ, т. к. он был уже очень пожилым человеком, хотя сказать было чего «с избытком».

Я считал себя членом команды Ельцина. Одним из очень многих. Именно поэтому пошел защищать Белый дом в 1991 году и мэрию в 1993-м, именно поэтому вошел в неформальный предвыборный штаб в 1995–1996 годах. Это, пожалуй, стало самым опасным мероприятием в моей жизни (почти). Именно из-за Бориса Николаевича я не выступал против Путина, хотя и имел про него свое мнение.

Что же касается «олигархической» тусовки, то я всегда выступал против такого обобщающего понятия. Мы были совершенно разными людьми. Гусинский и Березовский, Бендукидзе и Потанин, я и Прохоров. У нас совершенно разные цели в жизни, восприятие жизни. Скорее, были нефтяники и металлурги, массмедийщики и банкиры. И то, наверное, будет не очень точно.

Думаю, могу определить себя как вольтерьянца, т. е. сторонника свободомыслия, свободы слова. Б.Н. Ельцин в этом плане был моим идеалом, как до него и Г.А. Ягодин. Работа с ними не вызывала у меня внутреннего протеста.

Разгром НТВ (я пытался им помочь деньгами, что мне вменили в первом процессе) стал моим «Рубиконом». Именно разгром команды, а не переход собственности, поймите правильно.

Пока прервусь. Благодарю Вас за письмо. Надеюсь на продолжение общения.

С уважением,

М.

18.11.08

Уважаемый Михаил Борисович!

Письмо Ваше на этот раз меня удивило своей неожиданностью: пол-жизни мы выстраиваем стереотипы, разного рода штампы и клише, потом начинаем в них задыхаться, а годы спустя, когда наработанные стереотипы начинают рушиться, очень радуемся освобождению. Пока что я говорю о своих представлениях. Постепенно, надеюсь, и до Ваших доберемся.

Итак. Ваши родители – добротные шестидесятники хороших кровей – инженеры, производственники, честные, порядочные – ваш папа с гитарой в одной руке и с рюмкой в другой, веселый и живой, мама, готовая всегда и гостей принять, и помочь подруге в трудных обстоятельствах. И их отношения с советской властью понятны: а пошла она... Дети шестидесятников, прочитавшие в девятом классе перепечатанные на машинке «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына и «1984» Оруэлла, брезгливо от власти отшатывались и в лучшем случае писали диссертации, работали врачами или лифтерами либо участвовали в социальном движении, которое впоследствии называлось «диссидентским». Часть этих подросших детей прошла опыт тюрьмы и лагерей в 70–80-х годах, часть эмигрировала на Запад. А Вы как-то убереглись от этого и удачно встроились в тогдашнюю машину, нашли в ней свое место и эффективно работали. Особенно трогает невинность, с которой молодой человек готов пойти хоть в «оборонку», потому что родину надо защищать.

Два десятка лет разницы в возрасте исключают ситуацию, которую легко вообразить, будь мы ровесниками. Когда я с тошнотой отвращения и с туристической путевкой в кармане приходила в комитет комсомола факультета для получения характеристики, то сидели там либо прожженные карьеристы, либо идиоты – и я отвечала на вопрос, кто там у них в Болгарии секретарь ЦК партии. Я туда пошла в 60-е, а Вы там сидели, или в соседнем кабинете, в начале восьмидесятых. Несомненно, Вы принадлежали к кругу людей, с которыми я, мягко говоря, не дружила.

Оказывается – что меня и удивило в Вашем письме, – у кого-то из этих людей в 80-е годы могла быть «позитивная» мотивация. Вы там присутствовали – молодой, талантливый человек, мечтающий стать «директором завода», осмысленно и правильно что-то производить, может, даже оружие для защиты родины. И там, в этом окружении, Вы видели «прогрессистов», как Ельцин, и ретроградов, как Лигачев.

Вы находились внутри системы, и нашли там свое место, и создали команду. Вы пишете, что идеология Вас не интересовала, а имело значение «стремление к лидерству». Но это стремление – приличное определение понятия «карьеризм». Это не ругательство, а определение. Карьера, дело – важнейшая часть жизни нормального мужчины. Сегодня – и женщины тоже. Но, как мне казалось, предлагаемые там, внутри системы, правила игры были таковы, что порядочному человеку их принять было невозможно. А Вы-то были мальчиком из приличной семьи. Как можно было ухитриться вырасти «правоверным» комсомольцем безо всяких сомнений в том, кто друзья и кто – враги? Значит, это было возможно. У меня нет оснований не доверять Вашему анализу. Значит, я была пристрастна в своем полном неприятии всех партийных и полупартийных людей.

В восьмидесятые годы в руководстве страны (да и на всех уровнях, вплоть до бани и детского сада) была уже полностью изжита любая общественная идеология, и оставался только пустой каркас.

Теперь вижу, что я неполно представляла себе картину. Может, и вовсе неверно. Отвращение к советскому строю было во мне столь велико, что я не допускала, что в этой позднекоммунистической среде можно на кого-то ориентироваться, кому-то доверять. Даже кумира найти. Ельцин был для меня одним из партработников, и я страшно заволновалась, когда все мои друзья побежали к Белому дому, а я сидела у себя дома и горевала: почему мне не хочется бежать на эту демонстрацию вместе со всеми?

Через несколько дней сказала: если будет люстрация, как в Германии после поражения нацистского режима, тогда поверю. Был большой энтузиазм, а я не могла его разделить. Люстрации не было: почти все начальники остались прежними, поменявшись креслами, лишь кое-кого изгнав.

Я понимаю, что в Ельцине было обаяние, и размах, и хорошие намерения. Только кончилось плохо – сдал всю страну в руки КГБ. Нашел «чистые руки». И Вы это, какими-то иными словами выразив, тоже, как мне показалось, признаете.

Как Вы сегодня, спустя десятилетие, оцениваете фигуру Ельцина? Если эта переоценка произошла, то когда?

Был момент, когда мне казалось, что реформы Гайдара могут создать эффективную экономику, но он не вытянул. Книга его о падении империи очень интересна, многое объясняет, но задним числом.

Была ли у Вас в то время какая-то концепция переустройства или Вы были вполне удовлетворены теми большими возможностями,

которые тогда открылись перед предпринимателями? Нет сомнений в том, что Вы оказались очень хорошим директором очень большого, на полстраны, завода.

Наконец самый болезненный из всех возможных вопросов. Настолько болезненный, что я готова не получить на него ответа. Вообще снять вопрос. Был момент, когда близкие к Ельцину люди получали в управление или во владение, или в собственность огромные куски в виде «фабрик, заводов, газет, пароходов». Было одно распределение, потом ряд последующих «перераспределений». Часто очень жестких. К этому времени Вы уже стали «директором завода». Где в тот период проходили границы дозволенного для Вас?

Да, относительно вольтерьянства. Старец весь мир взбаламутил своими идеями. А прижитых от прислуги детей велел сдавать в приют. Или это Руссо? Это просто какой-то капитальный закон природы: чем возвышеннее идеи, тем гнусней практика жизни. . .

Вот. Вношу поправку в вопрос: что из идей Вашей молодости, когда Вы мечтали быть «директором завода», вы сохранили? Что утратили? Я, конечно, о системе ценностей речь веду.

Я Ваше имя выделила из ряда олигархов, когда в одной детской колонии, куда меня занесло вместе с подругами-психологами, обнаружила компьютерный класс, на Ваши деньги организованный, а потом еще в разных сферах натыкалась на следы «Открытой России», Вашего детища. Несколько лет спустя, когда Вы уже были арестованы, я попала в лицей «Коралово», познакомилась с Вашими родителями и увидела там невообразимо прекрасно устроенный остров для детей-сирот и полусирот. Ничего похожего я не видела нигде в Европе. Тоже Вашими усилиями построенное дело.

Вы пишете, что для Вас поворотным пунктом в отношениях с властью был разгром НТВ. У каждого человека действительно «свой Рубикон». Но до этого времени Вы как-то выстраивали отношения с властью, все более теряющей чувство приличия. Еще один жесткий вопрос: у Вас было ощущение, что этот процесс можно изменить? Если бы НТВ сохранилось, вы смогли бы наладить подпорченные отношения с Кремлем?

Пресса продажна и послушна властям во всем мире. Вопрос в том, что в разных странах разного размера труба для выхлопа отрицательных эмоций. Неужели Ваш конфликт произошел из-за диаметра не нефтяной, а информационной трубы? Для меня это значило бы, что Вы, будучи прагматиком и практиком, не растратили романтических иллюзий.

Вы простите меня, может, что-то получилось жестко в этом письме. Но «золотой век» кончился. Иллюзии развеялись. Мало времени на размышления. У меня к тому же острее чувство катастрофически «сжимающегося» времени. Хочется напоследок «дойти до самой сути». Впрочем, никому не удавалось. Ну, хоть приблизиться сколько возможно.

И еще есть одна проблема, которую хотелось бы обсудить: человек – его частная жизнь и давление общества. Как сохранять свое достоинство, свои ценности... Как эти ценности меняются? И меняются ли? Когда человек находится в лагере, возникает уникальный опыт, отличный от здешнего. Это я заранее Вас предупреждаю, о чем еще мне хотелось бы с Вами поговорить, если будет такая возможность.

Желаю Вам здоровья, твердости и спокойствия.

С уважением,

Людмила

6

05.06.09.

Уважаемая Людмила Евгеньевна,

был очень рад получить Ваше письмо, воспринимаемое мной как справедливый «подзатыльник».

Мои родители специально сделали так, чтобы я не стал «белой вороной» в том обществе. Сейчас я это понимаю, тогда – нет. Более того – и в школе, и в институте я не видел «белых ворон». Школа была на пролетарской окраине, институт – тоже сугубо «пролетарский» – 70% по путевкам с заводов. Не было у нас диссидентов вообще. В институте особенно – факультет оборонный, и если исключали из комсомола, то автоматически отчисляли. Причем мы считали это справедливым.

Я как секретарь факультетского комитета отказывался исключать из комсомола отчисляемых из института, т. к. был убежден: не всякий комсомолец может быть способен к учебе. А вот обратное на оборонном факультете казалось мне абсолютно справедливым. Ведь мы должны при необходимости отдать жизнь за Родину даже в мирное время, а как это можно потребовать с некоммуниста или некоммуниста? Не шучу, не утрирую. Ровно так и думал.

«Один день Ивана Денисовича» читал, был потрясен, Сталина ненавидел как опорочившего дело Партии в интересах культа соб-

ственной личности. К Брежневу, Черненко относился с юмором и пренебрежением – геронтократы, вредят Партии. Андропова уважал, несмотря на «перегибы на местах». Вам смешно? Хотел бы пошутить. Не выходит.

Я, когда был на практике, не в заводской библиотеке сидел, а гексоген (взрывчатку) лопатой кидал, на пресс-автомате работал (чуть вместе с приятелем на тот свет не отправился по собственной ошибке). На сборах были, мне звание сержанта присвоили и назначили замполитом, а я опять попросился на завод – снаряды старые разбирать. Мы ведь комсомольцы, нам положено идти на самые опасные участки. И разбирал под недоуменными взглядами командовавших офицеров с нашей военной кафедры.

Опять рассмешу: их недоумение не понял, а они ничего не сказали.

К слову, смело гургался с секретарем партбюро. Даже никаких опасений не ощущал. Он сам приходил на комитет комсомола, где было 20 женщин с заводов и двое-трое парней – мы с ним спорили, и комитет голосовал за меня, практически 100%. Парторг жаловался ректору – Ягодину. Девчонки, к слову, мне до сих пор пишут. Одна из них – моя первая жена, другая уже 20 лет – нынешняя. Пишут, правда, не только они, но и другие, писала даже парторг (это начальник секретаря партбюро) Люба Стрельникова.

Не подумайте ничего плохого. Я был в этом плане очень приличным молодым человеком. Шучу.

Что же касается ощущения внешнего врага, то оно было крайне острым, как и ощущение причастности к «девятке» – группе оборонных отраслей.

Я, к слову, уже как советник Силаева принимал участие в последнем заседании ВПК (военно-промышленной комиссии) – «девятка» плюс министерство обороны. Ну, это отдельная тема.

Я никогда не знал секретаря ЦК по обороне – Бакланова, но потом, после 1991 года, взял его к себе из корпоративной солидарности. Ельцин это знал, но ничего мне не сказал.

А в 1996 году оборонщики напрямую Ельцину деньги дать отказались (в кредит Правительству, тогда было такое возможно!), а я попросил – дали под честное слово. Хотя рисковали головой. Частично на их деньги я и купил ЮКОС, потом деньги отдал. Они знали, на что я беру. Некоторые из моих знакомых, которых я считаю хорошими людьми, входили в ЦК КПРФ, некоторые поддерживали ГКЧП (как, к слову, и Бакланов, и Лукьянов, чья дочь сейчас – мой адвокат).

Это я к тому, Людмила Евгеньевна, что с той стороны баррикады люди были совсем не «плоские». «Упертые» в одном и абсолютно порядочные – в другом.

Я, как и они, был солдатом не своей, виртуальной войны. Но мы были честными солдатами. Защищали то, что считали правдой.

Я Вам еще более рискованную вещь скажу. Мы очень серьезно подходили к сотрудничеству с КГБ. Мы – это оборонщики. Они работали на нас и одновременно контролировали нас, но совсем не с точки зрения «политической грамотности», а с точки зрения физической охраны, контршпионажа и т. п. Это были очень серьезные, очень квалифицированные специалисты. Некоторые из них прошли Отечественную войну на нелегальной работе. Их уроки мне очень пригодились в тюрьме, т. к. у них за плечами были и тюрьмы, и концлагеря, и зинданы. Они были очень рады, что их опыт кому-то нужен. Оказалось – еще как нужен!

Были и другие – «НКВДшники». Их не уважали, сторонились и мы, и те специалисты, о которых я говорил.

К слову, никто из них (из специалистов) никогда не попросил у меня денег. Хотя некоторым я помог найти работу после 1991 года. А их коллеги спасли нам жизнь, отказавшись штурмовать Белый дом. Некоторых я знал лично, других – опосредованно.

Вот она – судьба. Вот она – гражданская война. А как потом все «запереплеталось»...

Теперь о лидерстве и карьеризме. Не соглашусь – вещи разные. Карьера, в плохом смысле, – это вверх по ступенькам бюрократической лестницы, подхалимничая и пресмыкаясь. Да, таков путь большинства «успешных людей». Так можно было стать вторым секретарем, заместителем директора завода, начальником управления и даже заместителем министра. Но не «линейным руководителем» – начальником цеха, директором завода. Туда ставили других. Лидеров. И терпели их, т. к. карьеристы на линейных постах «валили» дело. А за дело был спрос.

И Ягодин, и Ельцин терпели меня как «линейного руководителя» абсолютно «в духе партийных традиций».

Это было такое же место для «иных», как наука. Только «иных» в другом смысле: политически правоверных, но «плохо гнущихся».

Если говорить о Борисе Николаевиче, то я не могу быть беспристрастным. Понимаю все его недостатки. Более того, считал в 1999 году, что ему надо уйти. Хотя кандидатуру Путина я не приветствовал, и Путин это знает.

Но Борис Николаевич был фигурой. Глыбой. Настоящий русский царь со всеми плюсами и минусами данной ипостаси. Он сделал много хорошего и много плохого. Чего больше – не мне судить.

Можно ли было Россию глобально изменить сильнее или лучше, чем он? Можно ли было обойтись без «термидора» и нового застоя, без возвращения «товарищей из органов»? Без чеченской войны, без штурма Белого дома? Наверняка можно. Мы не сумели. Не он – все мы. И какое у меня право судить?

Когда мы познакомились, мне было 23. И я хочу сохранить те свои воспоминания. Он уже умер, и это никому не мешает.

В гайдаровские времена идей переустройства страны в целом, как исторического здания, у меня не было, но было видение «переустройства» экономики. Я был сторонником создания и последующей приватизации не отдельных предприятий, а крупных научно-промышленных комплексов по типу «Газпрома» (не всегда таких масштабных, но аналогичных по структуре). Мы в Правительстве называли это активной промышленной политикой (не только создание, но и некое целеполагание, определение задач и приоритетов).

Когда мои идеи пришлись «не ко двору», я ушел, предупредив, что воспользуюсь той дырью, которую они напитают. В том числе и свободно обращаемыми ваучерами. Надо сказать, я сразу говорил, что это плохо кончится, что чешский пример лучше (там «закрытые фонды»), но мне заявили – как всегда – о моем явно корыстном интересе. Правда, не совсем понятно – каком. И я не стал спорить. Не хотите – не надо.

Зато потом – и вот здесь мы можем поговорить о границах дозволенного – я пользовался любой дыркой в законодательстве и всегда лично рассказывал членам Правительства, какой дыркой в их законах и как я буду пользоваться или уже пользуюсь.

Да, это была маленькая месть, возможно – грех тщеславия. Но, надо отметить, они вели себя прилично: судились, перекрывали дырки новыми законами и инструкциями, злились, однако никогда не обвиняли меня в нечестной игре. Это был наш постоянный турнир.

Прав ли я был по большому счету? Не убежден. С одной стороны – объективно поднимал промышленность, с другой – подставлял далеко не самое плохое правительство. С одной стороны – конечно, вкладывал все доступные мне средства в индустрию. Эффективно вкладывал. Сам не шиковал и не давал шиковать другим. Но в то же время не очень думал о людях, о социальной ответственности за пределами моего, пусть очень большого, коллектива.

Что же касается «жесткости» при захвате и перераспределении, то вопрос имеет смешной, неправдоподобный ответ.

В «высшей лиге» играло от силы два десятка игроков. Больше просто не было. А список предприятий, например, для «залоговых аукционов» был 800 позиций. У нас всех вместе сил хватило, по-моему, на 70.

Я сам был вынужден бросить все остальное, чтобы справиться с ЮКОСом. Сидеть в командировках безвылазно, бросить банк, распродать и раздать почти все ранее купленные предприятия. Например, мне до этого принадлежала вся отрасль производства стройматериалов Москвы, ряд металлургических заводов, тот же пресловутый «Апатит».

Это не шутка, это – настоящая работа. И никакие чужие дела меня абсолютно не интересовали. Мы все очень редко реально конкурировали между собой, мы боролись с общим бардаком и разрухой. Бандиты нас тоже практически не атаковали, т. к. им было абсолютно непонятно, что и как можно ухватить в такой гигантской машине. Конечно, бывали «отморозки», бывали риски, но вообще времена в «высшей лиге» были «вегетарианские» по сравнению с нынешним «днем рейдера».

Когда, например, Володя Виноградов («Инкомбанк»), ныне покойный, мешал мне в борьбе за ВНК, я ему предложил отступные, а когда он отказался – задавил суммой залога на аукционе. Что, конечно, обошлось мне недешево.

И это была обычная практика: PR-кампания, лоббирование, деньги. Но не милиция и не криминал. Если бы кто-то был замечен в таком, с ним бы просто перестали иметь дело из соображений безопасности. И быстро бы подставили.

Именно поэтому все поиски Генеральной прокуратуры в последние годы привели к столь неубедительным результатам.

В «высшей лиге», во всяком случае, до прихода туда граждан с «правоохранительным прошлым», барьер стоял там, где его можно было защитить в арбитражном суде (пусть не полностью независимом, но и не контролируемом, как сегодня Басманный). Барьер стоял и на уровне допустимой поддержки со стороны чиновников, которые могли встать на твою сторону из собственных соображений, но понимая, что им свою позицию придется всерьез защищать у Премьера и Президента, но не только, а еще и – страшное дело – в СМИ!

То есть сегодняшний уровень «отморозки», когда люди ощущают полную безответственность при правильности «политической позиции», – нет, такой уровень было трудно себе представить.

У меня был уволенный начальник НГДУ, Фазлутдинов, который, отстаивая незаконность увольнения, дошел до ВС РФ и победил,

получив от меня в качестве компенсации более 40 тысяч долларов (тогда – очень большие деньги). И мое Правовое управление, зная, как оно «попадет» за проигрыш, ничего не смогло сделать.

Пришедшая нам на смену «Роснефть» попросту выкинула его из суда «в шею». Он приходил плакаться к моему адвокату, который вел его дело в компании.

Нет. Искать дырки в законах и пользоваться ими в полной мере или ограниченно – вот где проходил наш барьер. А демонстрация Правительству его ошибок в законодательстве – главное интеллектуальное удовольствие в этой сфере.

Не могу не отметить, что главной причиной смены моих личных жизненных установок в социально-предпринимательской сфере стал кризис 1998 года. До этого момента я рассматривал бизнес как игру. Только игру. Где надо (хочется) победить, но и проигрыш – не проблема. Игру, где сотни тысяч людей приходили утром на работу, чтобы поиграть вместе со мной. А вечером уходили к своим делам и заботам, со мной не связанным.

Это, конечно, очень схематично. Я сталкивался с проблемами и до 1998 года, но это были проблемы, за которые я лично ответственности не нес: я пришел, а так «уже было».

И вот 1998 год. Сначала весело – переживем! А потом – август. Катастрофа. Цена на нефть 8 долларов за баррель, себестоимость – 12 долларов за баррель. И нет денег, чтобы отдать долги, и нет денег на зарплату. А людям реально нечего жрать, и это – моя личная ответственность. А нефть внутри страны никто не покупает, на экспорт труба забита. Никто не платит. Банки-кредиторы грозят заблокировать счета за рубежом. В России банки просто не проводят платежи. Березовский дал мне кредит под 80% годовых в валюте!

Приезжаешь на «вахту» – люди не орут, не бастуют – понимают. Просто в обморок падают от голода. Особенно молодежь, у кого своего хозяйства нет или дети маленькие. А больницы . . . Мы ведь и лекарства покупали, и на лечение отправляли, а здесь – денег нет. И, главное, – эти понимающие лица. Люди, которые просто говорят: «А мы, мол, ничего хорошего и не ждали. Благодарны уже за то, что приехали, разговариваете. Мы потеряем . . . ». Забастовок с августа 1998 года не было вообще.

В результате после преодоления кризиса мои жизненные установки начали меняться. Я не мог больше быть просто «директором». В 2000 году мы создали «Открытую Россию».

Еще раз о взаимоотношениях с Законом. Никогда не считал и не считаю оправданной позицию – «все нарушали». Если нарушал ты – отве-

чай. Моя позиция совершенно в другом: наше законодательство (как, впрочем, и законодательство любой другой страны) оставляет множество «белых пятен», простора для толкований, которые, собственно, и являются предметом деятельности суда (в основном Верховного). Беспредел или, вежливо говоря, «избирательное применение закона», в деле ЮКОСа, заключается в том, что для ЮКОСа применяется отдельное, специальное толкование закона. Такое, которое не применяется (и не может быть применено) к другим субъектам аналогичных правоотношений.

Я считаю, что в целом законы у нас нормальные, не хуже и не лучше, чем в остальных странах, а вот с правоприменением, с судами – катастрофа.

Теперь об идеях и ценностях молодости.

– «Страна – осажденная крепость, поэтому все – для укрепления обороноспособности, кругом враги» – это, конечно, ушло, заменившись пониманием интересов стран и народов, которые не всегда (мягко скажем) совпадают с интересами государств и элит. При этом патриотизм – будете смеяться – по отношению к России остался. Он внутри и, например, мешает говорить о стране гадости, даже когда очень хочется.

– Идея коммунизма, как всеобщего «светлого завтра» ушла, оставив в душе горечь от раскрывшегося обмана. Ведь под красивой мечтой скрывался наглый бюрократический тоталитаризм. Причем сама идея социального государства, обеспечивающего систему заботы общества о своих аутсайдерах (вольных или невольных), о равном шансе для каждого из детей – эта идея живет. Но она стала внутренним дополнительным стержнем только после кризиса 1998 года. До этого – обида и желание доказать, что «могу»...

– А вот общечеловеческие ценности пробивались ко мне долго. Думаю, именно тогда, когда они «пробились», я и восстал. Было это в 2001 году – НТВ, – и восстание было «на коленях». Но именно тогда на РСПП встал вопрос: что «во-первых» – собственность или свобода слова? Ведь долги НТВ «Газпрому» были реальными. И тогда я для себя пришел к выводу: одного без другого не бывает, и дал НТВ 200 миллионов долларов. Что мне потом записали в обвинение.

Я не революционер. И если бы НТВ сохранили, то я, возможно, и к остальным событиям относился бы менее внимательно. В общем, не спешил бы «выделяться», оставляя «политику» более активным «товарищам». Как, впрочем, всегда и поступал. Здесь – не смог. Возникло ощущение удавки на шее.

С этой точки зрения тюрьма – вещь более определенная, менее гнетущая. Хотя, конечно, во всем остальном – сильно не сахар.

И, конечно, такая развязка не была моей целью. Но меня загнали в угол, из которого другого достойного выхода не было. Мудрый человек, вероятно, избежал бы такой альтернативы.

Что касается проекта «культурной антропологии», то не уверен, что в области денег я лучший специалист. Подумаю. Пока, если можно, дайте моим адвокатам ссылки, что посмотреть.

Еще раз спасибо за письмо.

М.

7

24.06.09

Дорогой Михаил Борисович! Более полугода тому я отправила Вам письмо, которое, как сейчас выяснилось, до Вас не дошло. Надеюсь, что это дойдет.

Происходящий процесс – абсолютно кафкианский – несколько затянулся. Я даже призадумалась: эта бездарность – естественная, «как всегда», или какой-то сатанинский замысел, в котором учитывается психологическая усталость общества, которое устает реагировать на события, развивающиеся медленно и слабо, как в плохом театре. Хорошо, что есть два участника, Вы и Платон Лебедев, которые время от времени разрывают этот дурной сон.

При этом постоянное ощущение, что разыгрывается игра живых людей не то с тенями, не то с призраками. Может, куклы? Не люди, а какие-то мыльные пузыри, можно было бы сказать – гоголевские персонажи, если бы не так мучительно бездарно все это было поставлено. Нет, нет, конечно, ясно, что есть намерение затянуть процесс, хотя бы для того, чтобы не выпустить Вас на свободу.

А что Вы, Михаил Борисович, на это скажете: это плохая работа постановщиков спектакля или хитроумный ход, рассчитанный на неизбежную усталость общественного мнения? Надежда, что весь мир забудет об этом процессе? Но – не забудет. Будет фигурировать в учебниках истории страны, как процесс Синявского и Даниэля.

Буквально на днях я была на приеме у генерала Калинина по поводу книг для детских колоний, мы собрали 62 посылки. Первый раз в жизни видела живого генерала этого ведомства. Генерал произвел впечатление живого, образованного и профессионального человека.

Просто вполне хорошее впечатление. Я понимаю, что управление федеральной системы наказаний – не дамская благотворительная организация помощи бездомным кошечкам, но все-таки . . .

А как Вы думаете, Михаил Борисович, этот шквал наказаний, который на Вас обрушивается, жизненно опасных и смехотворных «наездов», которые происходят, – на каком уровне организуется: местного тюремного руководства или самого высшего уровня? Или вообще спускается из другой епархии? Имею в виду Кремль, конечно.

Никак не хотелось бы поставить Вас в более тяжелое положение, чем то, в котором Вы уже находитесь. Поэтому можете не отвечать на этот вопрос.

Когда Дмитрий Медведев стал президентом, за границей все журналисты задавали этот волнующий их вопрос: что я думаю о новом президенте? Что тут отвечать человеку, который имеет роскошь вообще о них не думать – ни о старом, ни о новом? Есть в жизни много вещей поинтереснее. Но отвечала всегда одно и то же: скоро узнаем про нового президента: если Ходорковского отпустят – значит, это другой президент, а если нет, значит – никакого нового президента нет. Вот такая загадка Сфинкса!

А Вы, Михаил Борисович, на своей шкуре, простите, почувствовали, что власть поменялась, или – насколько она не поменялась?

У Вас удивительная судьба, Михаил Борисович: Вы уже прожили несколько разных жизней, и, надеюсь, впереди Вас ждет еще прекрасный кусок жизни – деловой и общественной или частной и закрытой, но в любом случае это будет жизнь осмысленная, творческая. Не могу себе представить Вас на пенсии. Как Вы мыслите свою жизнь после освобождения? Сейчас Вы защищаетесь и делаете это великолепно. Что вы будете делать, когда вернетесь домой?

С месяц тому назад я была в «Коралово», в лицее для сирот, который Вы в свое время организовали. Там новый директор, очень хороший и умный человек, Марина Филипповна и Борис Моисеевич окружены ребятами, и видно, какие у них прекрасные отношения. Отстояли от идиотского налога оставшихся родителей воспитанников, и весь лицей в целом – какая-то воплотившаяся социальная утопия. Следы Вашей благотворительности встречаю часто – именно следы. Разрушено замечательное дело. Я уже не говорю о Вашей компании. Но в данном случае меня интересуют Вы, а не отнятые у Вас деньги.

Что Вы будете делать после освобождения? Не могу себе представить, чтобы Вы не строили планов относительно будущего.

Желаю Вам крепкого здоровья и терпения. Мужества и силы Вам не занимать. Ждем Вас на свободе.

Людмила Улицкая

8

24.06.09

Уважаемая Людмила, большое спасибо за Ваше письмо и очень рад возможности поспорить, хотя Вы меня и жалеете в своих комментариях. Это, к слову, неспортивно: Вы лишаете меня права аргументировать свои очень кратко изложенные утверждения, с которыми Вы, как я понимаю, не согласны.

Если что-то напишете более ругательное, «не для печати», – совсем не обижусь.

Я действительно «государственник», т.е. считаю, что на ближайшие 20–40 лет (дальше я не заглядываю) роль государства в жизни России (российского общества) должна быть больше, чем сегодня. Однако я совсем не за «жесткую руку». Убежден: государство – это хорошо работающие институты, живущие за счет налогоплательщика и в интересах налогоплательщика. Со временем многие из них должны быть заменены общественными структурами. Т.е. прекратить жить за счет налогоплательщика, а стать элементом самоорганизации и гражданского служения. И уж, конечно, я против продолжения «татаро-монгольских» традиций, когда государство есть оккупант, собирающий дань с покорного народа и не обязанный отчитываться за использование этой дани, не интересующийся желаниями граждан и диктующий им правила жизни.

Что же касается глобализации, то я – глобалист. Почитайте мою статью о причинах кризиса. Однако убежден, что национально-территориальное деление себя изживет еще не скоро. И если в области экономики, экологии и т.д. глобализация необходима и позитивна, то в области культуры – очень сомневаюсь.

Я лично хочу жить в моей привычной с детства Москве, а не в Баку или Чайнатауне. Даже если из-за этого мой город недосчитается каких-то доходов. Прошу понять правильно, я не сужу о людях по происхождению или национальности, но если человек приезжает в «мой город», то он должен принимать мои правила, а не навязывать мне свои.

И так думают многие. Комфорт создается культурной средой, совсем не всем нравится Нью-Йорк.

Если я останусь в меньшинстве, значит, уеду искать то место, где люди живут так, как я привык с детства. И это стремление к поиску общества с едиными культурными корнями – стимул очень сильный. Сильнее даже чисто экономического для очень многих людей.

Что касается «честных солдат»... Боюсь, Вы ошибаетесь. С «честным солдатом» мы бы нашли взаимопонимание, т. к. то, что происходит, вредит даже государству. Все гораздо хуже – мы имеем дело с абсолютно развращенной частью бюрократии, которая осмысленно служит не обществу и даже не государству, а своему карману, своим корыстным интересам. В этом проблема: мы живем в государстве циников, у которых нет идеологии, даже «советской».

Боюсь, что и «великая Россия» для большинства – чистый лозунг, от которого бни легко откажутся во имя денег. Попросту уедут в те же США, если получат гарантии безопасности там при риске потерять «непосильно нажитое» здесь.

Теперь про равенство возможностей. Убежден, и сделаю все от меня зависящее, чтобы добиться у нас в России равенства возможностей для каждого ребенка. Идеал недостижим, как и во всем. Но потратить жизнь на приближение к этому идеалу мне не жалко. Я считаю, что «право на шанс» – главное, что мы должны обеспечить всем детям в России. Да и во всем мире. Экология, образование, политические свободы – это средства обеспечить не только некий минимальный уровень жизни и комфорта каждому, не только для того, чтобы повысить средний уровень жизни, но и предоставить каждому ребенку, каждому человеку возможность полностью реализовать себя вне зависимости от того, в какой семье (или стране в конечном итоге) он родился.

За весь мир я отвечать не берусь, но за следующее российское поколение хочу и могу побороться. Убежден, что это не только одна из главных целей, но и главный ресурс общественного развития.

А о том, чем заниматься «после», я думаю редко и отвлеченно. Жизнь покажет. Делать то, что можешь, надо, по-моему, здесь и сейчас, каждый день, как будто он последний. Тогда нет времени бояться. Делать, насколько хватает сил и таланта, чтобы потом «не было мучительно больно», когда вдруг узнаешь, что время кончилось... Если с талантом плоховато, то тогда хоть «примером». Это и пытаюсь.

Еще раз спасибо за письмо.

С уважением,

М. Ходорковский

P.S.: Простите за излишний пафос и неуклюжесть письма. Пишу, сидя в «процессе», отвлекают...

26.06.09

Дорогой Михаил Борисович! Спорт сразу отмечаем. Мы с Вами не соревнуемся в риторическом искусстве. И разговор наш – не для победы какого-то мнения, моего или Вашего. Он – для наведения внутреннего порядка, для проверки собственных позиций. Может, для их перемен. Это любому думающему человеку полезно.

Какая там может быть ругань с моей стороны: даже ваши враги сегодня Вас не ругают – по той причине, что Вы продемонстрировали огромное моральное превосходство.

Мы с Вами вполне совпадаем в оценке нашего государства – никуда не годится. Именно по той причине, что не служит своей стране, а кормится от нее. Породы государственных мужей, пекущихся о благе Отечества, в нашей стране полностью вывелась. До основания. Но когда Вы говорите о том, что «на ближайшие 20–40 лет роль государства в жизни России (российского общества) должна быть больше, чем сегодня», меня оторопь берет. У сегодняшней власти огромные, невиданные полномочия, она делает решительно все, что ей в голову взбредет, и в области экономики, и в области политических отношений с миром. Она распределяет совершенно неподотчетно национальные ресурсы, государственные ценности передает в частные руки и успешно выводит их за границу. Как еще, куда дальше увеличивать роль этого государства? И это говорит человек, который на своей шкуре испытал жестокость государственной мести, недееспособность закона, полное отсутствие логики и здравого смысла в действиях.

Нет, конечно же, вопрос, с моей точки зрения, в другом: как ввести в какие-то разумные берега то, что происходит в стране, как ограничить «беспредел», о котором Вам известно гораздо лучше, чем мне. Что надо сделать, чтобы заработали какие ни есть законы, хорошие или плохие, как ограничить полновластие, самодурство чиновников, от мала до велика, их безграничное корыстолюбие и алчность? Я не знаю.

Вот Вы, Михаил Борисович, считаете себя «государственником». А что это такое, государство? Как вы понимаете его? Оно неразрывно связано с понятием права. Как будем это определять? По Платону, который понимает государство как выражение идеи справедливости при условии, что все у всех общее (то есть запрет на частную собственность), включая жен и детей? По Канту, который полагал,

что государство – соединение множества людей под господством права? По Аристотелю, который понимает государство «как общение, организованное ради общего блага»? Или по Ленину: «Государство – машина для угнетения одного класса другим»?

Когда начинаешь читать эти архаические книги, оказывается, что все ужасно устарело, все неприемлемо по разным причинам, кроме Владимира Соловьева: «Право – некоторый минимум нравственности, равно для всех обязательный». Именно на этом праве и строится государство. Теоретически...

Эти древние давно уже обо всем подумали – их читать интересно (только не подумайте, что я такой уж образованный человек, – это все, как говорила Надежда Яковлевна Мандельштам, «из отрывного календаря»). И еще есть ощущение, что в наше время терминология требует пересмотра, что многие понятия требуют новых определений. Даже такие фундаментальные понятия, как «благо», «добродетель» – и то требуют переосмысления. Трудно порой определить, что такое социализм, коммунизм, либерал, консерватор, где левое, где правое, где вперед, где назад. Попробую переслать Вам замечательный сборник эссе Умберто Эко «Полный назад!», он там проговаривает эти вещи – все-таки один из умнейших людей нашего времени.

Таким образом, Михаил Борисович, Ваше заявление, что Вы – «государственник» (я не ставлю это под сомнение, коли Вы так говорите), – меня совершенно обескураживает. Нельзя быть «государственником в принципе». Это заявление требует пояснений: какого такого государства Вы сторонник? Платоновского? Ленинского, то есть марксовского? Может, нашего? И этого государства роль должна быть еще больше?

Я тоже, как и Вы, считаю, что наше государство плоховато справляется со своими прямыми обязанностями (защита населения от войн и бедности). Хорошо бы, чтобы оно работало получше. Но как Вы представляете переход от того, что мы имеем в реальности, к тому, что Вы рисуете в воображении? Ни Вы, ни я никак не революционеры: революция – гораздо более страшное зло, чем плохое управление. Бедность, всеобщее убожество и отсутствие комфорта – меньшее зло, чем матросы, ломающие стулья во дворце и сжигающие библиотеки, пролетарии, разграбляющие магазины, и отребье, убивающее прохожих в темных переулках. Не говоря уже о гражданской войне, спутнице революций. В этом пункте мы, кажется, сходимся.

Но государство не будет эволюционировать само собой в том направлении, которое кажется желательным и Вам, и мне. Каким это

образом вдруг возникнут эти «хорошо работающие институты, живущие за счет налогоплательщика и в интересах налогоплательщика», да еще со временем заменяемые сами собой на общественные структуры, являющиеся «элементом самоорганизации и гражданского служения?» Новый Ленин нужен? Новый Троцкий? Нет, тут уж мне князь Кропоткин и Герцен милее.

Сходимся мы с Вами еще и в том, что оба, каждый в своей сфере и со своими возможностями, ведем свою линию поведения, делая то, что считаем полезным для нашего общества. Я никак не могу сравнивать мои очень скромные движения с Вашей замечательной, огромной деятельностью, следы которой я и до сих пор наблюдаю, хотя давно уже Вас ограбили и перекрыли Вам кислород. Не будем обольщаться – накормить инвалидов, обеспечить им приличные условия жизни, разобраться с миллионом бездомных детей и сирот, навести порядок в медицинском обслуживании пенсионеров и всех прочих граждан страны, позаботиться о том, чтобы дать образование поколению, которое не хочет читать книги, а жаждет золотой рыбки для удовлетворения своих желаний, – обязано государство, а не благотворители. Но государство само с этим не справляется, а любую инициативу обойтись без него преследует. Особенно горько и трагично это выглядит, когда речь идет об усыновлении детей из детских домов. Без взяток – не проходит. По старым меркам – торговля людьми. . .

Причина понятна: любое вмешательство общественности немедленно высвечивает полнейшую гнилость чиновничьего аппарата. Невозможно уцепить «стрелочника», потому что он делится со своим начальством, и оно его защитит. Самая яркая иллюстрация – дело Буданова: его защищают все, кто стоит выше его по служебному положению, потому что все это – одна компания с одними и теми же принципами и повадками. То есть, я хочу сказать – эту систему исправить невозможно. Опрокинуть невозможно. Заменить невозможно. Это – наша система, всех устраивает. Но что можно? В ее недрах делать своё дело НЕЗАВИСИМО: я знаю людей, которые не берут взятку. Их мало, им трудно, но они есть. Я знаю людей, которые не воруют: их мало, им трудно, но они есть. В отличие от наших «честных солдат», они не обязаны выполнять приказы, потому что не ждут ни прибавки к окладу, ни повышения по службе. Таких людей я встречаю и в Москве, и в провинции: в библиотеках, в детских учреждениях, в музеях и даже среди врачей изредка попадаются такие герои. Только они и могут немного изменить атмосферу в обществе.

Тому безликому злу, которое в нашей стране заводится, как плесень от сырости, можно противостоять только лично. Это опасно. Вызывает подозрение, раздражение, зависть и ненависть. Вы, наверное, не раз слышали: «А, ты хочешь, чтобы тебя считали хорошим? Чтобы тебя любили? Показываешь всем нам, окружающим, какое мы дерьмо?».

Такое у нас общество. Такое у нас государство. Сильное, безнравственное, жестокое. Куда уж больше..

Ну вот, дошли до глобализации и кризиса. Глобализацию никто не придумывал и не продвигал – ее заметили, как замечают явление природы: похолодание или потепление. Она, по моим представлениям, есть процесс, совершенно не подверженный управлению. Конечно, можно ее тормозить, можно продвигать, но она как явление социальной жизни планеты есть факт, сродни природному. Нравится нам это или не нравится, вопрос другой. Можно что-то корректировать. Но джинн уже вылез из бутылки, и народы будут перемещаться по планете, смешиваться, взаимодействовать, и это тяжелый процесс. Есть целый вымирающий континент, Африка, и то, что сегодня происходит в Испании–Италии в связи с нелегальной эмиграцией, остановить очень трудно. Глобализация означает, что ни африканские страны, ни европейские не смогут решить эту проблему «запретительным образом», и искать пути решения можно только совместно. Несколько лет тому назад во Флоренции на площади перед Баптистерием разбили лагерь африканцы. Площадь потонула в моче и в фекалиях.

Но это не глобализация – это извечная борьба культуры и варварства. Наряду с глобализацией идет еще один могучий процесс – варваризации. И он в каком-то смысле и сильнее, и страшнее. Мне тоже не нравится жить в Москве, которая стала похожа на Баку или Чайнатаун, но не из-за большого количества китайцев или азербайджанцев, а потому, что на самом деле она превращается в средоточие варварства, в место, где выталптывается все, похожее на культуру. В моем подъезде нет китайцев или африканцев – это мои соседи вываливают помойные ведра возле мусоропровода, расписывают лифт и стены большими фломастеровыми буквами даже не мата, а названий футбольных команд. Весной, когда тает снег, двор оказывается завален собачьим дерьмом и пустыми бутылками. Китайцы не виноваты, азербайджанцы тоже. Я, как и Вы, разлюбила Москву. Грязный, хамский и опасный город, к тому же уродливый. Последний архитектурный ансамбль на Манежной площади уничтожен стараниями сегодняшних варваров. Начальников города, а не заезжих китайцев и азербайджанцев.

Хотя глобализация – тоже часть культуры, но все-таки у культуры есть свой самостоятельный язык – музыки, изобразительного искусства, литературы. Благодаря глобализации языки быстрее перемешиваются, может быть, даже создается некий новый общий язык, в котором буквами алфавита оказывается музыка «Битлз», закусочная «Макдоналдс», «Майкрософт Ворд», Человек-Паук и китайские упражнения «цигун». Глобализация не требует принесения себе в жертву драгоценностей национальной культуры. Национальная культура следается сама.

Того места, к которому Вы привыкли с детства, уже нет и больше не будет. Ищи – не ищи. Это нашим детям предстоит создавать такие места для жизни, где человеку будет хорошо. И обществ с едиными культурными корнями больше не будет, разве что в Ираке. Всем нам придется делать этот выбор между поликультурным обществом и цельным, традиционным, как в Ираке и Афганистане. Может, есть какие-то иные пути, но я их не знаю. Разве что купить остров?

Говоря о «честных солдатах», я, скорее, имела в виду, что таковых не бывает. Это всего лишь удобная ширма. Мы действительно живем в государстве циников, и беда не в том, что у них нет идеологии; беда в том, что у них нет совести. Вот, современные коммунисты имеют кой-какую идеологию, и у единороссов есть идеология «великой России», а возле кормушки все ведут себя одинаково: расталкивают друг друга рылами и чавкают с аппетитом.

Для равенства возможностей я вместе с Вами готова была бы поработать. Вы уже сегодня сотням детей из интерната «Коралово» дали возможность подняться из очень трудного, даже безнадежного положения. Я этому свидетель.

Напоследок расскажу анекдот: «Умер Эйнштейн и предстал пред Господом. Говорит: вот, я умер, теперь уж все равно. Напиши мне формулу Вселенной.

Господь Бог взял в руки мел и написал. Эйнштейн посмотрел, посмотрел, почесал в затылке и говорит:

– Да ведь здесь ошибка!

– Да, я знаю, – отвечает ему Бог».

Это точно. Мы живем в мире, где существует ошибка. В самом замысле. Возможно, и не одна. Может, Вам казалось в какой-то момент, что ее можно исправить? Я в этом не уверена.

Чтобы завершить наш разговор: Вы, Михаил Борисович, идеалист. Вас в этом не укоряли? Да, да – аналитик, рационалист, ученый и практик великолепный, но при этом – идеалист. Верите в то,

что есть в принципе правильные решения, и что все можно просчитать. А если что идет не так – значит, ошибка в расчете.

А мне кажется – не так. Жизнь – скорее искусство, чем наука. Общих решений вообще нет, есть только частные: на данный момент, на данный случай, применительно к этим конкретным обстоятельствам. И сиюминутное точное движение важнее, чем всеобъемлющая концепция. И все, что Вы сейчас делаете и говорите, убеждает меня в том, что с Вами все в порядке: с умом, с сердцем, с совестью. Поздравляю с днем рождения!

10

01.07.09

Уважаемая Людмила Евгеньевна,

позвольте мне злоупотребить Вашим вниманием и сделать несколько заметок по Вашему последнему письму относительно государства и его роли.

Начну с определения. Мы очень часто путаем себя, используя одинаковые термины и в исторической науке, и при описании современных процессов, которые иногда бывают следствием многовековой эволюции исходных идей.

Наиболее очевидный пример – демократия как способ государственного управления. Сегодня, попытайся мы восстановить институт греческой демократии, – получим тоталитаризм (или авторитаризм в лучшем случае). Ту систему государственных институтов, которую мы называем демократией сегодня, разработали несколько ученых в течение в основном XVIII века.

То же касается и более общего понятия «государство» (более общего в приложении к вопросу госуправления).

Государство – это способ самоорганизации общества, основанный на имущественных взносах его членов (взносах в той или иной форме, включая нераспределенный общий доход). Это определение описывает, естественно, опять же государство с точки зрения функции управления, о которой, собственно, и шла речь.

Может ли государство, например, не обладать специальным аппаратом принуждения? Конечно. Нам известно немало государств, где с этой функцией справлялось само общество.

А может ли государство быть «внешним» по отношению к обществу, т. е. не опираться на желание поддерживать именно такую форму

управления со стороны большинства своих заинтересованных членов? (Инертная часть общества в управлении не участвует.) Нет! Подчеркиваю: сегодня – нет.

Убежден: форма «внешней» организации общества в сегодняшнем представлении государством в прямом смысле слова не является. Это – оккупационный режим, который нестабилен без внешней поддержки.

В России сегодня – государство. Нравится оно нам или нет.

(Сразу отмечу: есть переходные формы, но они живут в пределах одного поколения (20 лет).)

Вот моя точка зрения о государстве как термине (в приложении к вопросу управления).

Теперь о роли российского государства. Очень хотелось бы одинаково трактовать понятия роли и полномочий.

Полномочия, т.е. законные права вмешиваться в общественную и частную жизнь, у нашего государства действительно огромные, слабо регламентированные и имеющие крайне слабые противовесы, а вот роль, т.е. реальное участие в жизни граждан, – неадекватно маленькая.

Когда я говорю «неадекватно», то имею в виду не адекватно состоянию общества, которое пока само (помимо государства) не умеет и не хочет решать многие свои проблемы. Наше общество в этом не одиноко, но тогда роль государства должна быть выше.

В частности: доля ВВП (т.е. общественного богатства), перераспределяемая через государство, у нас ниже большинства развитых стран, и уж точно ниже, чем у наших соседей со сходными климатическими условиями. А это – главный, обобщающий показатель, который находит свое практическое отражение в слабой пенсионной системе, системе здравоохранения, транспортной и коммунальной инфраструктурах и т.д.

Но даже если взять тему промышленности, то и здесь роль государства неоправданно мала.

Конечно, Путин может лично принять решение о фактической национализации или смене собственника на любом предприятии. Он может создать 10 госкорпораций и вложить туда гигантское имущество. Это – полномочия.

А вот влияние их (этих полномочий, реализованных в практические действия) на промышленность страны очень невелико. Она остается сырьевой.

И здесь два выхода: либо «либерализм» и посмотрим, что сделает рынок, либо продуманная промышленная политика.

На деле, естественно, – всегда комбинация. Но я (и в этом смысле я – государственник) считаю, что в нынешних условиях на долю промышленности, работающей в рамках «промышленной политики», должна приходиться значительная часть промпроизводства. Вероятно, 60%.

Что я имею в виду под «промышленной политикой»? Где, когда и сколько должно быть добыто нефти, газа, леса, алмазов и, возможно, еще нескольких стратегических типов сырья. Как? Дело бизнеса. Куда и в какой форме это сырье может быть поставлено. Как и конкретный выбор, в пределах отведенных вариантов – дело бизнеса. Где, сколько и каким образом должно быть произведено электроэнергии, куда она должна быть поставлена (речь идет о стратегических мощностях – примерно 70% производства). Где строить дороги, где развивать города, университеты. И т. п. – на сотне страниц, а подвижный, гибкий план (пятилетний, как ни противно) – на сотнях тысяч страниц (если включить региональный аспект).

Зачем? Опять проблема управления. Чтобы работал рынок, нужно иметь не менее трех, а лучше – четырех независимых поставщиков конкретных услуг (продукции) в каждой точке, где она может быть нужна. В небольшой стране эту проблему может решить внешний рынок. В гигантской по территории России (а здесь важны именно территория и транспортная доступность) роль внешнего рынка ограничена, хотя и существенна.

Структура промышленности и транспорта у нас плохая. Особенно после распада СССР. Ждать, пока рынок воссоздаст недостающее, можно очень долго. Необходимо компенсировать ключевые проблемы структурной промышленной политикой, а потом, по мере восстановления «костей» и «нарастания мяса», выдергивать «титановые спицы» (как при сложном переломе).

Я отстаиваю эту позицию с 1991 года, хотя знаю, что многие либералы, мои друзья, со мной не согласны. Увы, концептуально они ошибаются, а практически сегодня качество государства таково, что оно неспособно справиться с решением этих вопросов. Решать же их надо. Поэтому полномочия государства можно (и нужно) убавить (их чрезмерно много, и они несбалансированны), а вот роль государства, его фактическое участие в экономической и социальной жизни общества, на этом этапе – повесить.

Еще раз извините за то, что отнял у Вас время.

Тему «честных солдат» и прочее, как соотношение расчета и искусства в жизни, с удовольствием и интересом прочитал. Ваша точ-

ка зрения мне кажется неабсолютной, но очень полезной для такого «комсомольца» и «технаря», как я. Спасибо. Буду думать.

С уважением и признательностью,

М. Ходорковский

11

08.07.09

Дорогой Михаил Борисович!

Ваши размышления о государстве и госуправлении выглядят вполне убедительно. Я по образованию биолог, и некоторые принципы, которые работают в природе, я с внутренней готовностью легко переношу на социальные механизмы. Здесь очень много общего, и эволюция в биологическом мире мне представляется самым фундаментальным законом. Нервная система, то есть система управления в высшем смысле, произошла из недифференцированных тканей. Мы не знаем, почему это произошло, – вероятно, в силу внутренней необходимости, не улавливаемой нашим интеллектом. Скажем приблизительно так. Но рассматривая существа на разном уровне эволюции, мы можем понять, как именно шел этот процесс. Каждое существо – памятник определенной ступени. Здесь существенно, что эта «высшая формация», нервная система, в принципе не работает «против» организма. Если бы такое случилось, организм ответил бы немедленной гибелью, и нервная система погибла бы вместе с организмом. Собственно, эта аналогия может быть применена и к системе «государство–общество». Плохо работает государство – погибает общество; погибает, соответственно, и государство.

Биологические процессы абсолютно не имеют «этического» аспекта. Социальные – имеют. Такая странная вещь, как нравственность, не бывает ни классовой, ни групповой – она прикреплена исключительно к личности. Каково бы ни было государственное устройство, управление всегда в руках одного человека или небольшой группы лиц. Уровень их нравственности, как мне представляется, очень многое определяет. Теократическое, монархическое, демократическое или социалистическое государство хороши или плохи, как мне представляется, в зависимости от уровня нравственности его руководителей. В этом смысле хорошая монархия лучше плохой демократии. Лев Ше-

стов сто лет тому назад сказал: «Где нет свободы, там нет хлеба». Где нет нравственности, не может быть никакой социальной – так я позволю себе перефразировать.

Мне с Вами дискутировать трудно – у Вас большой опыт и конкретные знания процесса управления. Но тут на прошлой неделе приехал ко мне приятель – физик-теоретик, живущий тридцать лет в Европе, переводчик многих книг по теории управления, и несколько вечеров мы с ним «терли» все те вопросы, которые Вы в своем письме затрагивали. Я была Вашим самозванным представителем, а он страшно на меня нападал, выстраивал совершенно иную систему доводов. Вы бы с ним побеседовали гораздо более продуктивно, чем я. В результате, втянутая в малознакомый мне круг проблем, я взялась читать толстенный том Джона Ролсона Сола («Ублюдки Вольтера: Диктатура разума на Западе»). Не знаю, дочитаю ли до конца, но такое чувство, что книга эта полемизирует с Вами гораздо лучше, чем я смогла бы.

Признаюсь честно, что многое из того, что Вы написали в последнем письме, вызывает у меня внутренний протест. Признаюсь также, что я целую неделю писала Вам очень старательный ответ по существу – на каждое Ваше высказывание, – а потом поняла, что нет у меня ни достаточной квалификации, ни подлинного интереса к тем темам, которые для Вас столь важны. Вплоть до того, что возникло чувство тоски, знакомое мне со школьных лет, когда нужно было сдать экзамен по обществоведению, или позднее, в университете, по истории партии. Нет, невозможно.

Ведь моя роль по существу сводится сейчас к тому, чтобы дать Вам повод высказать все то, что Вы за последние шесть лет обдумали, чтобы множество людей, чьи глаза устремлены на Вас и чьи души повернуты к Вам – прежде всего к Вам как к человеку, вынужденному платить по крупным общественным счетам своей личной, уникальной, неповторимой жизнью и здоровьем – узнали, за что именно Вы платите.

Я горячо надеюсь, что случится еще в жизни момент, когда мы посидим втроем за чаем – приглашу моего приятеля, с которым мы всю неделю обсуждали Ваши соображения относительно государства, его полномочиях и роли – и вы будете сражаться, а я сидеть в уголке, наблюдать и слушать; это с юности мое любимое занятие – послушать умные споры.

Желаю сил, здоровья, бодрости.

Людмила

Михаил
Ходорковский

Интервью

«Ходорковский дает залп»
Интервью журналу
«Financial Times»

Как долго вы будете продолжать голодовку?

Как я уже говорил, я буду продолжать голодовку, пока не решится вопрос с независимой экспертизой состояния здоровья [Василия Алексаняна] и может ли он проходить лечение в следственном изоляторе. И по результатам этой экспертизы должны быть приняты какие-то меры. Так я говорю. И насколько мне известно, уполномоченный по правам человека [Владимир] Лукин предъявил прокурору те же требования.

Вы прекратили сухую голодовку и стали принимать воду из-за улучшения условий содержания Алексаняна?

Он сказал, что они улучшились, а мы можем судить только по тому, что он сказал. Только по тому, что он сказал прессе, что условия его заключения радикально улучшились.

Каково состояние вашего здоровья?

Со мной все в порядке. Думаю, что я полностью готов к длительной бюрократической процедуре, пока они проверяют здоровье Алексаняна. Но до тех пор, пока наши бюрократы затягивают процедуру, я готов продолжать.

Почему вы решили, что нет другого выбора, кроме голодовки?

А что еще можно сделать? Алексанян сам заявил, что руководитель следственной группы требовал от него ложных свидетельств против меня и напрямую увязал лжесвидетельство с разрешением ему лечиться. Алексанян отказался, и они не обеспечивают ему лечения. Он объявил об этом в российском суде. Что я мог сделать в этой ситуации?

В каких условиях вас содержат? Сколько человек в вашей камере?

По российским законам, если человек объявляет голодовку, его изолируют. До этого со мной в камере было еще два или три человека. На самом деле у меня нет никаких проблем с условиями содержания. Для нашей страны это норма.

Но репутация этого СИЗО очень плохая.

Я не могу это обсуждать. Но мои условия стандартные, они отвечают обычным нормам в России.

Что думает о голодовке ваша семья?

Важно, как чувствуют себя мои родители, остальное неважно. Больше всего я думаю о родителях. Жена меня понимает, так что она не задает вопросы, что я делаю. Она уже многое пережила.

Вы в состоянии продолжать знакомиться с материалами для следующего суда?

Я все еще могу читать в день по 200 страниц. Единственное, что трудно, – это говорить, когда пересыхает горло.

Говорят, что в Россию возвращается страх, что все может вернуться к советской эпохе...

Надеюсь, этого не произойдет. Все прекрасно понимают, что инновации необходимы, мы не выживем без новых технологий.

Но понимает ли это правительство?

Правительство понимает это очень хорошо. Даже нефтяная промышленность не может хорошо работать без инноваций. Могут быть ситуации, когда очень тяжело идет разработка скважины. И без нововведений с этим не справиться.

Но в Китае меньше демократии, чем здесь, а экономика развивается...

Есть два важных различия. Во-первых, я читал статью [бывшего экономического советника Владимира Путина Андрея] Илларионова. Очень интересно. Он пишет, что три страны рассматриваются как примеры успешного развития экономики авторитарными политическими режимами: Китай, Южная Корея и Сингапур. Чем эти три страны отличаются от России? Очень интересно. Сингапур – лучший по уровню своей судебной системы. Южная Корея на очень высоком уровне, и даже Китай [по этому показателю] лучше России. Это базовое различие. Есть верховенство закона. А если оно есть, уровень авторитаризма исполнительной ветви власти ограничен. Другая причина, по которой мы не можем рассматривать Китай в качестве примера, – это то, что мы страна, для которой важна конкуренция идей. Запад привык к конкуренции в политической сфере, конкуренции между партиями. В Китае тоже есть важный вид плюрализма – территориальный. Есть пекинская партийная организация, шанхайская партийная организация, они обладают очень серьезной экономической и политической мощью, и в борьбе между разными возможными системами они могут выработать какой-то вариант консенсуса среди элиты. Есть своего рода плюрализм. Это просто отличается от того, что есть на Западе, и Запад этого не понимает.

В России китайский путь невозможен, поскольку территориальный плюрализм мог бы привести к распаду страны, мы не можем этого допустить. Соответственно, для нас приемлема только более стандартная форма плюрализма. Также невозможно брать в качестве примера для России город-государство Сингапур.

Таким образом, самая большая проблема России – отсутствие независимой судебной системы?

Отсутствие верховенства закона в целом. Законы могут быть лучше или хуже. Но люди должны выполнять законы, а не использовать их для собственных целей.

На ваш взгляд, [Дмитрий] Медведев верит в верховенство закона? Может что-то измениться, когда он станет президентом?

Мне очень трудно это прогнозировать, поскольку для него это будет очень трудно. Я не могу даже представить себе. Честно говоря, если вы спросите меня, как вывести Россию из этой ситуации, я не найду, что ответить. Традиции и состояние умов и отсутствие сил, способных [поддержать] любое движение к верховенству закона, будут против него. Так что... дай Боже ему силы сделать это. Это все, на что мы можем надеяться.

Но вы по-прежнему с оптимизмом смотрите на будущее России?

В общем – да. Но это вопрос моей личности. Я не могу предложить много аргументов «за» и «против», но в общем и целом я настроен оптимистично.

Ваши взгляды на будущее России не изменились во время заключения?

Вы знаете, я оказался в тюрьме, уже будучи достаточно зрелым человеком, чтобы иметь возможность кардинально изменить взгляды. Я убежден, что Россия – европейская страна, страна с демократическими традициями, которые неоднократно нарушались за время ее существования, но тем не менее эти традиции существуют. Наши люди хорошо образованны, они абсолютно нормальны. Вы не поверите, до какой степени я, москвич, с относительно высоким по нашим стандартам уровнем образования, мог говорить на одном языке с людьми, живущими в глубинке Читинской области, у которых только школьное образование. Мы люди одной культуры, одного понимания мира... Сказать здесь, в Чите, что Россия – азиатская страна, думаю, для многих это будет не сказать чтобы оскорбление, но если вы спросите, вы ощущаете себя в большей степени китайцами или европейцами, здесь, я думаю, позиция людей достаточно недвусмысленна. Мы европейская страна. Именно так мы развивались. И путь вперед для нас – это европейский путь.

Как к вам относятся другие заключенные?

Я, безусловно, до известной степени существо из другого мира, чужой, а в лагерях существует традиция ставить людей по своего

рода ранжиру. Я им сказал: что ж, у вас раньше не было политического заключенного. Теперь он у вас появился. Раньше они были. Привыкайте к этому. Вводите новые звания.

Это правда, что вам дали прозвище Умник?

Нет, дело было не так.. У молодых есть клички, у тех, кто постарше, – нет. Я обычно обращаюсь к людям по имени-отчеству или по отчеству, так что люди обращаются ко мне Борисович. Это не уникальная, а в целом принятая ситуация.

Может быть, так они вас называют в разговоре между собой?

Может быть, но это неважно.

Как вы относитесь к тому, что случилось с отцом Сергием?

Когда я впервые услышал об этом, очень расстроился. Но во втором интервью, «Московскому комсомольцу», он рассказал правду. Первое я и не читал внимательно. Возможно, он что-то преувеличил. Но во втором он все сказал правильно. Он пришел ко мне, сказал: Михаил Борисович, возможно, мы видимся в последний раз. Я сказал: этого не может быть, я хорошо знаю [патриарха] Алексия. Он не такой человек, чтобы так поступить. А он сказал: вы знаете Алексия, а я знаю нашу церковную систему. И он оказался прав. Он знает нашу церковную систему лучше меня. Я был очень расстроен, но нужно сказать, что он пошел на это, хорошо все понимая. Я очень уважаю его за это и благодарю. У человека есть свои убеждения, он сидел в тюрьме вместе с [правозащитником Сергеем] Ковалевым.

Вы считаете себя православным, верующим?

Это сложный вопрос. Я много об этом думал. И я бы предпочел оставить это при себе.

Говорят, что вы повысили уровень правосознания среди заключенных.

Не знаю, насколько это возможно. Не думаю, чтобы я смог это сделать. Но люди поняли, что они могут защищать свои права законными методами. Раньше, когда у них возникали проблемы, они протестовали и т. д. Но когда я попал в колонию, ситуация изменилась: стали постоянно приезжать комиссии, навещаться проку-

пор. Когда прокурор пришел первый раз, с ним захотел увидаться один человек – и то только для того, чтобы поговорить о своем деле, а не о заключении. Все посчитали его сумасшедшим. Когда прокурор приехал второй раз, его ожидала очередь из 40 человек. Настолько изменилась жизнь.

Что вы можете сказать о новом деле против вас?

Я уже все сказал в своем заявлении. Но меня обвиняют в краже всей нефти, добытой ЮКОСом за шесть лет. Интересно будет посмотреть, как они собираются это доказать. Будет любопытно. Против ЮКОСа вынесены разнообразные решения. И судьи противоречат друг другу по самым различным вопросам, несмотря на то что все дела поддерживала прокуратура. Поэтому даже они не могут во всем этом разобраться, поскольку сами не понимают, чего хотят. Обвинения основываются не на преступлениях, а на желании лишить людей совести, убедить свидетеля предоставить улику. Это все их разнообразные, противоречивые желания. Потому один вердикт и опровергает другой.

Как вы относитесь к прошедшим в минувшем году аукционам по продаже активов ЮКОСа?

Я отнесся к этому достаточно спокойно. Поскольку истрепал все нервы в 2004 г., когда хорошо работающая компания была захвачена и передана «Роснефти». Сегодня в своей основе «Роснефть» – это ЮКОС с небольшой добавкой. В более широком смысле это те же люди. На 75% те же производственные мощности. «Роснефть» – это ЮКОС после трех лет переделок.

Но теперь ее капитализация – около \$80 млрд.

Верно. Но для меня гораздо важнее то, что люди не потеряли работу, что им не пришлось переезжать в другие города и т. д. Это была бы катастрофа. Я всегда беспокоился, что производство остановится. Несколько раз мы были близки к этому, но, к счастью, благодаря усилиям людей, которые зачастую сами были под угрозой ареста, мы сохранили производство. И люди не потеряли работу.

(Февраль 2008)

**«Я решил рискнуть
и о сделанном
никогда не жалел»
Онлайн-интервью
изданию «Газета.Ru»**

Что такое скважинная жидкость и зачем ее придумали?

«Придумала» скважинную жидкость природа. А технологию добычи нефти – предшествующие поколения нефтяников. В России и в других странах сейчас из скважин поступает не нефть, а смесь из 30% нефти (в среднем) и 70% воды, газа, солей и прочей «мути».

Эта смесь носит техническое название «углеводородное сырье» или «скважинная жидкость».

После процесса подготовки, в котором задействованы огромные технологические установки и тысячи специалистов, «сырье» превращается в «нефть», соответствующую государственному стандарту, и передается потребителю.

Тот, кто называет себя нефтяником, но утверждает, что из скважин в России идет сразу чистая нефть, – просто жулик.

Откуда первые деньги?

Я своих первых доходов совсем не стесняюсь. С 1987 года мы с моими партнерами торговали компьютерами, привозимыми еще в СССР людьми из долгосрочных зарубежных командировок. Эти люди, возвращаясь из-за границы, привозили РС, продавали их нам, а мы ставили русскоязычное программное обеспечение (к слову, собственной разработки) и комплектацию по требованию заказчика. Это были самые первые «большие» деньги.

Один компьютер стоил 40 тысяч рублей. Мы их продали более 5 тысяч штук.

Для командированных это было выгоднее, чем мучиться с ввозом автомобилей (было распространено до того) или ввозить видеомагнитофоны. Почему государство не закупало компьютеры? Из-за противодействия производителей наших «гробов», которые к тому времени уже отстали на десятилетия.

Уважаемый Михаил Борисович! Почему вы не подали прошение о помиловании? Антонова Мария

Нынешняя власть почему-то считает «раскаяние» обязательным условием помилования. Я не страдаю от излишней гордости, но признаваться в несуществующих преступлениях для меня неприемлемо. Лжесвидетельство – грех.

Как одновременно может сочетаться усиление роли государства, о котором Вы говорите в «Левом повороте – 3» и в диалоге с Улицкой, и отказ от «вертикали власти» в «Поколении М»?

Именно об этом я говорю в указанных Вами статьях – власть обязана усилить свою роль регулятора: воссоздать или укрепить такие властные институты, как парламент, независимый суд, честную бюрократию; отделить их друг от друга и от непосредственного участия в бизнесе. Достичь этого можно развитием гражданского общества, включая честные выборы, независимые СМИ, влиятельную оппозицию. А вертикаль исполнительной власти необходима, но она не имеет права подменять собой всё государство и общество. Это путь в коррупционно-авторитарную пропасть.

Объясните, пожалуйста, в чем преимущество парламентской формы самоуправления перед президентской. И не кроется ли в институте безграничной власти президента угроза тоталитаризма и экстремизма? Пингвинцев С. В.

Демократическая модель управления (разделение властей, реальные выборы, гражданское общество) обеспечивает «обратную связь», увеличивает гибкость системы, создает вертикальную мобильность. Тем самым предотвращаются многие системные ошибки, равно как и неконтролируемое разрастание последствий таких ошибок. Именно эти ошибки – главная причина гибели всех авторитарных режимов. Помимо этого в рамках демократической модели обеспечивается возможность эффективного существования и функционирования «малых групп». «Малые группы» – залог инновационного развития экономики и общества.

Уважаемый Михаил Борисович! Каким вы видите самый оптимистичный и самый пессимистичный сценарий развития России в ближайшие 10 лет? Держитесь, вы нужны людям! Максим, г. Киев

Оптимистичный: демократизация до 2015 г., путь в сторону норвежско-канадской модели. Пессимистичный: автократия – попытка «догнать и перегнать» Китай, но без китайцев, поэтому безуспешно.

Михаил! Скажите честно – вы воровали? Налоги не платили? Только честно, без ссылок на оптимизации и ссылок на множество других воров. Александр

Государство давало – не отказывался, но и не «крысятничал». Налоги платил меньше только «Газпрома» – 4% бюджета страны. Мог ли платить больше? Мог, но не платил, а вкладывал в развитие ЮКОСа. Святых в правительстве поищите, там их много.

Этот вопрос мы пытались задать вам через Вадима Кловганта (интервью «Коммерсанту»), но, видимо, он так и не дошел. Назовите, пожалуйста, десять самых важных для вас книг. Константин, Книгочей.ру

Если за всю жизнь, тогда начнем с букваря. Если конкретно, сегодня днем, то Уголовно-процессуальный кодекс. Если любимая, то Стругацкие – «Трудно быть богом» и «Малыш». Если поэзия – то Высоцкий и Губерман. Если исторически-философская – то Библия. Трудно перечислить. Я люблю читать и всегда любил. Из зарубежных писателей мне нравятся Уилборн Смит, Шекли, Саймак, Азимов, но «важными» для себя я их книги не назову. Мог бы прожить и без них. Но без них жизнь, несомненно, была бы беднее.

Уважаемый Михаил Борисович! Ответьте, как еврей еврею, если бы вы могли сейчас выбирать судьбу для своего двухлетнего сына, то вы бы предпочли, чтобы он остался в России или уехал в Израиль или другую страну? Другими словами, есть ли, по вашему мнению, будущее у России вообще и у евреев в России в частности? Дмитрий

У меня еврей отец, но мы с ним никогда об этом не говорили. Думаю, он ощущает себя русским. Я тем более. Мой дед – его отец – погиб за эту землю на войне. А дети пусть решают сами, когда подрастут. В мире много мест, где жить легче и приятней. В России же, думаю, будет идти непростой процесс превращения бывшей империи в русское национальное государство.

Как вы переносите заключение? Как вы себя чувствуете? Что это – попасть в российскую тюрьму и провести в ней столько лет? Ирина

Тюрьма – место поганое, но жить можно. Мы, те, кто родом из СССР, и на свободе-то жили почти как в тюрьме. Привыкли.

Уважаемый Михаил Борисович! Выражаю вам свое почтение. Скажите, как вы считаете, есть ли будущее у такого политического строя, который создал Путин и который сейчас существует? Что, по вашему мнению, двигало Путиным в создании нынешней ситуации в стране? Алексей

Убежден, что авторитарный политический режим в России XXI века недолговечен. Альтернатива – фатальное для страны от-

ставание. Полагаю, Путин не хочет стране вреда. Он реализует ту модель, которую понимает, и верит, что она лучшая. Увы, его представления ошибочны.

С днём рождения, Михаил Борисович. Мне кажется, если бы в 2003 году вас не арестовали, то мы бы сейчас жили в другой стране, она бы была более комфортна для проживания. Что бы вы сделали по-другому в условиях сегодняшнего дня, будучи на месте путина – я не ошибся, написав фамилию с маленькой буквы? Дмитрий

Я бы вернул свободу политической дискуссии, стимулировал бы создание теневого (оппозиционного) правительства, восстановил независимость суда, расширив полномочия судов присяжных. Тем самым подорвал бы безнаказанность коррумпированной части бюрократии и создал институциональную среду для выхода страны из кризиса в «инновационное», а не «сырьевое» пространство.

Уважаемый Михаил Борисович, как вы считаете, возможно ли, чтобы в России в ближайшие 10–20 лет судебная система стала полностью не зависимой от исполнительной власти? Что для этого нужно сделать? И еще. Если бы вы стали президентом России, была бы реформа Федеральной службы исполнения наказаний одной из ваших первоочередных задач? Или в данный момент эта система функционирует более-менее нормально? Дмитрий

Независимость российского суда возможна. Главный путь – расширение полномочий судов присяжных при одновременном их укреплении и всемерной помощи. А ФСИН надо срочно реформировать. Главная задача – сокращение тюремного населения до того минимума, который не может там не находиться, прекращение искусственного воспроизводства рецидива и людей с исковерканной психикой и судьбой. Мстительность слишком дорого обходится налогоплательщику.

Поздравляю с днем рождения!!! Как ваши дети переживают все это? Что происходит с ними сейчас, получается ли у вас оказывать влияние на развитие младших? Здоровья и терпения вам и вашим близким. И удачи!!! Александр

Неплохо. Старший сын женился, дочь поступила в институт, младшие в школе. Жена справляется. Я пишу, иногда видимся через стекло. Грустно.

Уважаемый Михаил Борисович! Чего боятся российские власти и почему? Здоровья и выдержки вам и вашим близким! Газовик

Российские власти, как и все прочие, боятся не удержать власть. Почему? Видимо, не уверены в качестве своей работы.

Официальной целью приватизации было повысить эффективность управления собственностью. Не кажется ли вам, что те люди, которые получили эту собственность, в силу своей криминальной природы не были способны реализовать эту цель? Считаете ли вы справедливым термин «заработанные» применительно к вашим капиталам и капиталам ваших «коллег» по приватизации? Андрей Александрович

Отвечу за себя на примере ЮКОСа. Я получил компанию с менее чем 40 млн тонн добычи, с приблизительно 1200 млн тонн запасов и 2 млрд долларов долгов. Оставил (в 2003 г., без учета «Сибнефти») – с 80 млн тонн добычи, с приблизительно 1500 млн тонн запасов и 15 млрд долларов прибыли, полученной за эти годы. Эта разница – заработанное. Ее оценка – рост капитализации. Себестоимость снизилась с \$8 до \$1,6 за баррель. Средний заработок (в Сибири) поднялся с 200 до 1000 долларов в месяц (это с 1996-го по 2003 год). Думаю, эти результаты позволяют гордиться ими и, уж во всяком случае, избавляют от необходимости говорить ещё какие-то слова в своё оправдание.

Уважаемый Михаил Борисович! В результате приватизации и залоговых аукционов значительная часть активов страны сосредоточилась в руках ограниченного числа лиц. Причем никто из этих лиц не платил справедливую цену за свою собственность. В результате эти лица так и не стали легитимными собственниками. Это дискредитировало понятие «предприниматель» и создало основу для неправовых отношений власти и этих лиц. Кроме того, такой разрыв в доходах делает невозможным построение демократии в стране (в социологии или политологии считается предельным 14-кратный разрыв в доходах). Как, по-вашему, разрешить эту проблему? Спасибо и желаю мужества. Михаил Николаевич

Мои предложения на эту тему я вносил дважды. Первый раз – непублично, еще будучи на свободе и при ЮКОСе, – в 2003 году (см. книгу Михаила Касьянова «Без Путина», где описана наша встреча по этому поводу в Белом доме). Второй – в 2005 году, абсолютно пу-

блично. (См. стр. 34 наст. издания.) Думаю, что и сейчас не поздно легитимировать приватизацию – вопрос, хватит ли у элит смелости и чувства ответственности.

Здравствуйте, Михаил. Олигарх – это очень жадный человек? Очень умный человек? Очень хитрый? Может быть, беспринципный? А может быть, вообще нет такого общего качества, необходимого, чтобы стать олигархом? Слава

Загляните, если будет время и желание, в энциклопедический словарь: олигархия – это «власть немногих». Соответственно, олигарх – это человек, который сочетает обширные экономические возможности с политической властью, возможностью напрямую принимать важнейшие решения в стране. В этом смысле лично я олигархом никогда не был, так как мне никогда не принадлежала власть. Может быть, поэтому мне немного сложно ответить на ваш вопрос.

Ни разу не уважаемый Михаил Борисович, вы действительно считали, что вам реально удастся захватить власть при помощи своих денег? Не обидно ли вам, что воровали все, а сидите вы один (из «олигархов»)? Сидор

И вы живете в тюрьме, и вашим детям это грозит. Особенно грустно, что вы этого не понимаете.

Что изменилось в ваших взглядах (оценках) себя, страны после этих лет за решеткой? Михаил

Очень хочу верить, что стал чуть мудрее и терпимее.

Михаил Борисович, что вы думаете о проводимой в настоящее время реформе в армии? Как она должна проводиться, чтобы не было сломанных судеб? Спасибо. Андрей

Я писал об этом в «Левом повороте–2». На настоящую армейскую реформу необходимо много денег, и, главное, нужна очень четкая, взвешенная доктрина национальной безопасности. С кем и против кого дружим? От этого зависят типы вооружений, что делаем сами и что покупаем, у кого. Конечно, можем как СССР: вместе с Кубой против США, Европы и Китая. Но, боюсь, надорвемся.

Михаил Борисович, вы украли все, что раньше принадлежало рабочим, крестьянам и трудовой интеллигенции. Где же то,

что есть у других воров, – ваши дома в Ницце и Лондоне, собственные яхты, самолеты, газеты и футбольные клубы? Или воров в России подразделяют на имущих и неимущих? С днем рождения! Ващенко Галина Ивановна

Спасибо за поздравления. Я сам из семьи «трудовой интеллигенции»: родители работали на заводе. Нам не принадлежало ничего, кроме квартиры, польской «стенки» и кота. У наших друзей тоже. Ни квартир, ни мебели, ни котов, которые только и были у народа, я явно не крал. Впрочем, в подтексте вашего вопроса содержится и ответ.

Здравствуйтесь, Михаил. Считаете ли вы, что достояние Российского народа – нефть – должно принадлежать народу (имеется в виду, что доходы с экспорта должны выражаться в хороших гос. пособиях и пенсиях для наших стариков), а не владельцам холдингов и иностранным инвесторам? Артем Кривцов

Считал и считаю, что доля населения России в доходах от нефти должна быть как в Канаде. Условия у нас и в Канаде – экономические и климатические – примерно одинаковые. Инвесторы же должны получать такой доход на вложенный капитал, который будет им интересен, но не чрезмерно щедр. Это легко сделать, если в стране будет работать нормальная правовая система, а решения и действия власти будут прозрачными.

Как вы относитесь к коммунизму, к плановой экономике? Может ли это быть решением нынешних проблем капитализма? Александр

Определенно нет. Человеку сотни тысяч лет, и его мотивации сформированы эволюционным отбором – благополучие семьи, материальный достаток, борьба за лидерство. Остальное – производные или отклонения. Плановая экономика возможна только на этапе «догоняющего» развития. Если точно известно, что и как делать для достижения конкретной цели. Инновации – это всегда индивидуальные решения, ошибки, риск. Вы верите, что какой-то чиновник сумеет запланировать ваш творческий поиск? Сапоги он вам запланирует! И хождение в строю!

Михаил, в некий момент времени вы создали угрозу Кремлю в плане того, что собирались влезть в политику. Это, как я понимаю, одна из причин вашего преследования. Другая

сторона – ваш бизнес, который Кремль у вас забрал. Они получили все что хотели, нейтрализовали вас, но выпускать бояться – организовали новое дело против вас. По всей видимости, вы что-то знаете такое или имеете реальные рычаги, которых они очень боятся. Можете ли вы рассказать, чем вы страшны Кремлю даже теперь, когда у вас забрали бизнес и исключили из политики? *Валерий*

Любой человек, считающий себя гражданином, а не рабом, не просто имеет право, а обязан «лезть в политику». Участие в выборах в качестве избирателя – это уже политика. Любое публичное высказывание по вопросу, имеющему отношение к власти и ее действиям, – уже факт вторжения в политику. Участие в митинге – политика.

Если и пока мы будем считать, что наша власть формируется где-то на Марсе, безо всякого нашего участия, мы не должны обижаться, что власть плевать на нас хотела. Россия станет демократической

страной тогда и только тогда, когда по меньшей мере 70% наших сограждан будут постоянно и осмысленно «лезть в политику».

Как, на ваш взгляд, вести себя молодым людям, у которых есть либеральные ценности и желание жить и работать в России, но при этом часто приходится либо идти на компромиссы с совестью, либо жертвовать эффективностью? Марк

Даже мой, может быть, далеко не образцовый опыт показывает, что честная последовательная позиция всегда побеждает. А за любую сделку с совестью приходится расплачиваться. Часто не сразу, но всегда дорого.

Эффективным, на мой взгляд, может быть лишь тот, кто всегда остается самим собой и готов защищать не только свои интересы, но и свои ценности.

(Июнь 2009)

**«Я буду сражаться
за свою свободу»
Интервью журналу
«Profil»**

«Тюрьма делает человека свободным» – сказано вами в одном из интервью. Вы это серьезно?

Я активный человек, но в настоящий момент я ограничен в выборе сферы деятельности. Но по-прежнему много работаю. Работа для меня всегда была не средством зарабатывания денег, а способом самореализации.

Для человека, который провел 6 лет в тюрьме, вы в удивительно хорошей форме. Что помогает вам сохранять интеллектуальную и физическую форму?

Думать, что тюрьма укрепляет здоровье – смешно, но помогать тюрьме себя утробить – глупо. После ареста бросил курить, стараюсь использовать любую возможность для того, чтобы подышать «свежим» воздухом (даже в г. Чите, где на улице было -40°C), занимаюсь гимнастикой. Главное – самодисциплина.

Уже несколько месяцев вы находитесь в Москве, где против вас ведется новый процесс по обвинениям в мошенничестве и отмывании денег. Что привело к возбуждению нового дела, которое, по мнению ваших защитников, так слабо подготовлено?

Второй процесс совершенно очевидно работает как против власти, так и против всей страны. Единственная сила, которая заинтересована в этом – это кучка мелких хищников – бюрократов, которые поживились «крошками» с барского стола при разрушении ЮКОСа. Это около 3 млрд долларов. Эти люди пытаются убедить власть, что мое освобождение, возможное оправдание Ходорковского и Лебедева не только укрепит оппозицию, но, главное – критически ослабит Кремль. Не знаю, сумеют ли эти хищники уговорить российскую власть. Сегодня у них несколько меньше возможностей, чем во время первого процесса в 2003–2005 гг. Президентского «факсимиле» у них на руках точно нет.

Вы неоднократно повторяли, что не рассчитываете на справедливый процесс. Сохраняете ли вы несмотря ни на что надежду на оправдательный приговор?

Я буду сражаться за свою свободу. Правда и закон – на 100% на моей стороне. Обвинение просто бредовое. С Медведевым мне делить нечего, как и ему со мной. Очевидно, он хочет предоставить суду свободу действий. Но я также не думаю, что президент настолько наивен, чтобы не замечать, какому давлению суд подвергается

со стороны тех, кто заинтересован в обвинительном приговоре. Президент пообещал обществу независимое правосудие. Позаботится ли он о том, чтобы это обещание воплотилось в жизнь? Вот и узнаем.

Какое значение для России будет иметь ваша победа или проигрыш в суде?

Исход процесса покажет, как обстоят дела с правосудием в стране. Это также будет иметь последствия для инвестиционного климата. Юристы и просто неравнодушные люди следят за этим процессом, чтобы понять, что сегодня в России позволено, а что нет. Результатом первого приговора стал расцвет государственного рейдерства, т. е. захвата чужой собственности с использованием возможностей государственных органов. Такой повсеместный «расцвет», что сейчас тема рейдерства постоянно и остро обсуждается и президентом, и премьером, и обществом как серьезнейшая проблема и даже угроза национальной экономической безопасности. Но этого джинна выпустили из бутылки организаторы «дела ЮКОСа». Последствия второго процесса могут быть не менее разрушительны. «Сажать» людей по абсурдному обвинению, судить дважды за одно и то же, такого в стране не было со сталинских времен.

Следите ли вы за сообщениями об образе жизни Романа Абрамовича и других олигархов?

Роскошный и светский образ жизни никогда меня не привлекал. У меня есть много гораздо более интересных и важных тем для размышлений.

До недавнего времени каждое интервью, которые вы давали из-за решетки, каралось карцером. С некоторых пор этого больше не происходит. С чем вы это связываете?

Последний раз это случилось после публикации моего диалога с российским писателем Борисом Акуниным. Суд признавал незаконность вынесенного взыскания. Может, они просто не хотят больше наступать «на эти грабли»?

В разговоре с Акуниным вы причислили нынешнего президента Дмитрия Медведева к числу тех, кто в 2003 году был сторонником «игры по правилам». Однако в одном из недавних интервью

президент Дмитрий Медведев заявил, что не видит в вашем деле политической составляющей. Является ли Медведев самостоятельной политической фигурой?

Я думаю, что сейчас ни один политолог или эксперт не сможет ответственно сказать, в каких пропорциях делится власть между Путиным и Медведевым. Мне кажется, что Дмитрий Медведев – это самостоятельный политик, имеющий сформировавшиеся взгляды на вопросы государственного управления. В то же время он полностью лоялен Путину.

В прошлом году в интервью Profl ваша мама Марина Ходорковская заявила: «Мишу отпустят, когда его выпустит Путин». Она права?

Путин, похоже, хочет забыть про наше дело и сейчас не вмешивается в ход процесса. «Его» 8 лет я уже почти отсидел. Конечно, нельзя не учитывать полное отсутствие оправдательной практики, особенно по таким политически и коррупционно мотивированным делам, даже в судах районного уровня. При этом оправдание как на Западе, так и в России восприняли бы как сигнал к либерализации. Это было бы полезно для экономики, которой нужны инновации, и, несомненно, усилило бы либеральную оппозицию. Страна страдает от отсутствия нормального и справедливого судопроизводства. Судебную систему нужно реформировать. Нужно восстанавливать доверие и уважение к суду. Лучшей возможности, чем наш процесс, просто нет.

Видите ли вы обстоятельства, при которых вы можете заявить о своем раскаянии, чтобы добиться помилования?

Я не признаю себя виновным. Раскаиваться в несовершенных преступлениях я не могу.

Может ли так случиться, что Кремль освободит вас в обмен на «преференции» со стороны президента США Барака Обамы?

Я очень благодарен всем зарубежным политикам, журналистам, общественным деятелям за поддержку и внимание к моему делу. Это важно во многих отношениях. Однако я хочу верить, что ключ к решению этой проблемы находится внутри России.

Как вы оцениваете последствия финансового кризиса для России? Может ли кризис подстегнуть политические реформы?

Экономический кризис впервые заставил власть задумываться над тем, насколько долговечна существующая политическая модель. Сегодня исчерпанность сложившейся в России модели управления очевидна для многих. Мы не сможем развиваться, если эта система не изменится. Особенно в условиях, когда необходимо постоянно поддерживать существенный прирост социальных расходов, чтобы избежать падения авторитета власти. «Тучные годы» остались позади. Мы входим в период обострения борьбы между группами влияния. Борьбы, которая может нанести серьезный удар по политико-социальной стабильности в России. Реальных выходов три. Либо закручивание «социальных» гаек с потерей «всенародной поддержки», либо переход к инновационной экономике за счет стимулирования предпринимательской и инвестиционной активности. Выход

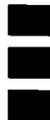

третий – железный занавес и государственный террор, то есть то, что мы уже проходили в 1930-е – 1950-е годы. Последний вариант мне кажется нереалистичным. У Кремля и российской элиты в целом нет для этого ресурсов: ни политических, ни силовых, ни психологических. Они не хотят становиться глобальными изгоями. До правящей элиты России постепенно начинает доходить, что высокие цены на нефть и газ не являются панацеей. Поэтому я надеюсь на лучшее.

Когда-нибудь вы выйдете на свободу, чем вы намерены заняться? Пойдете в политику?

Я очень много должен своей семье. Времени и внимания. Этот долг я и собираюсь отдавать после выхода на свободу.

(Август 2009)

**«Россия достойна свободы,
и судьбу страны решать нам»
Интервью журналу
«Собеседник»**

Суд – придаток «вертикали»

3 декабря Владимир Путин высказался о деле ЮКОСа. Из его слов, в сущности, было понятно, на какой итог судебного процесса он рассчитывает. Тем не менее 12 декабря в британской газете «Метро» вы сказали, что премьер больше не оказывает влияния на процесс. Есть ли тому какие-то свидетельства?

Сейчас, отвечая на тот же вопрос уже после знакомства с высказываниями Путина, выражу мнение: если бы премьеру было необходимо дать указание суду или следствию, он мог бы (и может) сделать это гораздо менее публично. Поэтому его заявление, несомненно, политическое, но также несомненно, что оно – прямо воздействующее на все структуры, встроенные в «вертикаль». Причина очевидна – осознание заинтересованными лицами в окружении премьера степени развала нынешнего обвинения.

Тем не менее, хорошо узнав за прошедшие 6 лет наши «правовые» реалии, утверждаю: была бы его прямая команда – меня бы уже осудили за хищение всей нефти России и Царь-пушки в придачу.

Как вы отнеслись к недавним отставкам в Конституционном суде? Оба судьи – и Кононов, и Ярославцев, – в сущности, пострадали за свои критические интервью (одно из них было напечатано в нашей газете) и «особые» мнения. Можно ли после этого говорить, что у нас происходят «подвижки» в реформировании судебной системы?

О ситуации в Конституционном суде откровенно высказался его председатель Валерий Зорькин, опубликовавший весьма самокритичную статью в «Российской газете». Там он впервые использовал жесткие характеристики: «официант», «чего изволите». И фактически признал, что суд превратился в придаток исполнительной «вертикали».

Ясно, что многие генералы от судебной власти не хотят никаких преобразований. Их «и так неплохо кормят». Однако все зависит от желания и готовности президента проводить такие преобразования. Без кардинальной реформы суда никакой реально современной России не будет.

В таком же бедственном положении находится и вся правоохранительная система. После случая с майором милиции Денисом Евсюковым, расстрелявшим посетителей столичного

супермаркета, это стало очевидно всем. Над ним, кстати, сейчас начался суд. Видите ли вы какие-то возможности преобразовать милицию, заставить ее выполнять свои прямые функции по защите граждан?

Если уж влиятельные единороссы выступают за ликвидацию МВД, то что говорить! Всем очевидно: эффективность контроля над этим гигантским аппаратом со стороны граждан и закона – опасная иллюзия. Одновременно милиция – зеркало нашего общества. Необходимо изменить ценностные установки на уровне правящей элиты. Без этого никакие административные шаги, включая даже самые радикальные, не принесут положительного результата. И еще: без решительных изменений в судебной системе попытка реформы правоохранительных органов бессмысленна. Пока суды остаются инструментом штамповки обвинительных приговоров, у наших силовиков нет и не будет стимула уважать закон и беспрекословно подчиняться ему.

Нужна реформа политическая!

В последнее время вы часто говорите о том, что для инновационной экономики необходимы политические реформы (и тут с вами соглашаются практически все экономисты), а также о том, что власть пока еще не приняла по этому поводу решения. То есть политические реформы власть должна проводить в России, на ваш взгляд, добровольно, или возможен сценарий, когда сама тенденция развития ситуации заставит ее это сделать?

Мы все попали в крайне непростую ситуацию, называемую «нефтяным проклятием». Власть способна за счет нефтяных доходов либо поддерживать социальную стабильность без модернизации приблизительно до 2015 года, либо начинать модернизацию, сокращая гарантированный период социальной стабильности.

Такое положение часто встречается в бизнесе. Типичный пример – АвтоВАЗ. Либо внешняя социальная подпитка и медленное приближение к точке невозврата, когда легче снести, чем модернизировать, либо инвестиции, модернизация, разовые затраты и выживание на конкурентном рынке.

Только АвтоВАЗ – сравнительно маленькая система, управляемая «извне», а Россия – система огромная, и переход нам нужен к современной экономике, а не к конкуренции с Китаем в тиражировании

консервных банок. К управлению «извне» наша страна непригодна. Даже если «извне» – это наша собственная коррумпированная «вертикаль». Необходимы политические реформы. Иное поведение возможно, но безответственно.

В этом году вы часто публиковались как в российских, так и в зарубежных СМИ. Это свидетельствует о некотором наличии свободы слова или скорее о попытке власти сохранить лицо?

В России мне разрешено обращаться к узкому кругу интеллектуальной элиты, в том числе через вашу газету. Попытки жестко ограничить общение с этой частью нашего общества и с зарубежными аудиториями оказались непродуктивными. Хотя и неприятными для меня лично в бытовом смысле.

Несомненно, стилистика Дмитрия Медведева по отношению к независимым СМИ иная, но от реальной свободы слова нас по-прежнему отделяет астрономическое расстояние, и преодолеть его вне общей политической реформы вряд ли возможно.

Власть, на мой взгляд, должна понять: свобода слова нужна не только Ходорковскому и кучке интеллигентов, а всей стране. И прежде всего самой власти, если она хочет мобилизовать творческую энергию народа, чтобы осуществить ту самую модернизацию.

На свободе – страшнее

В 70-е годы те зэки, кто отсидел на зоне по многу лет, специально совершали преступления, чтобы вернуться обратно: они не представляли себе жизни на воле. В своих «Максимах» вы пишете, что и сейчас подобное случается: 90% заключенных «за воротами» никому не нужны, а если человек отсидел 10 лет, то он уже боится воли. Так где страшнее – на зоне или на воле?

На свободе страшновато, потому что свобода – это ответственность. А бремя ответственности разумного существа никогда не бывает слишком легким. Наш народ долго жил в «зоне». А к настоящей свободе, подразумевающей настоящую ответственность за самих себя, привыкнуть не успел. Потому лагерная пайка и баланда кажутся многим нормальной компенсацией за отказ от ответственности. Но я верю, что ситуация изменится. Что мы не захотим возвращаться в «зону». Что Россия достойна свободы.

Что бы я хотел услышать от президента...

Скоро будет ежегодное поздравление президента народу с Новым годом. Что вы от него предполагаете услышать?

От президента Медведева мне хотелось бы услышать признание, что за счет нефтяной «подушки» нам удалось смягчить социальные последствия экономического падения, что мы сможем продолжить эту работу в 2010 году, однако нам по-прежнему не удалось заложить основы для выхода из кризиса в современную, а не сырьевую экономику. Помехой стала косность бюрократии, архаичная система управления и безразличие общества. Именно за это мы заплатили в 2009 году сотнями человеческих жизней.

Хотелось бы услышать честные слова о том, что, попытавшись сломать хребет коррупции, президент натолкнулся не только на сопротивление чиновников и противодействие части элиты, но и на инертность россиян, которым, видимо, лишь предстоит стать настоящими гражданами своей страны.

Хотелось бы услышать, что он очень надеется на перелом общественных настроений в 2010 году и сделает все от него зависящее, чтобы перелом произошел. что, волею судьбы попав на такой пост, он не собирается оглядываться на чьи-то корыстные интересы и амбиции или даже на собственную безопасность, а будет служить России и ждет от общества активной поддержки своих шагов.

Убежден: та часть российского общества, которая способна стать опорой модернизации, ждет подобных слов и действий.

Однако новогоднее обращение президента – формальный ритуал, под который открывают шампанское и снимают крышку с салата оливье. Никакого отношения к политике оно не имеет, поэтому ничего такого мы, видимо, не услышим.

...и что бы сам сказал россиянам

А каким могло бы быть ваше новогоднее обращение к россиянам?

Уважаемые граждане России, дорогие друзья! Мы живем в эпоху кризиса, которая для многих из нас сопряжена с большими потерями, материальными и моральными. Но кризис открывает перед нами и новые возможности. Пришло время понять, что нефтяная халява заканчивается и мы, граждане России, должны своими руками и своим умом изменить нашу страну. Что мы – хозяева России, и ее судьбу решать нам. Не стоит больше надеяться на барина и его подачки. Надо ощутить себя свободными людьми и двигаться вперед. Только такая жизнь достойна человека. С Новым годом!

(Декабрь 2009)

Рисунки с процесса

Борис Жутовский

173. *Фемида – она ведь дочка Геи и Урана. И возлюбленная Зевса! Олимп. И все равно с тряпочкой на глазах – для беспристрастности. В Хамовническом суде, на 7-м Ростовском, тряпочку сняли?! Пусть глядит.*

174–175. *Подсудимые – Ходорковский и Лебедев в камере за стеклом. Стекло отражает окна зала, поэтому ребят не видно. Общаются с защитой через черную дырку. Солдатик-охранник. Флаг Российский. Прокурорская команда. На столе горы-горы бумажек. Читает часами. Читает тот, что в середине. Двое по бокам молчат? Герб Российский. Судья в черной мантии, в очках. Скучненький. Дверца, откуда выходит судья. И все встают. Секретарь-левша. Объявляет: «Суд идет». А потом сидит тихонечко. Терпеливая. Солдатик-пристав. С телефоном и в жилете.*

176–177. *Адвокаты защиты. Все в цветах. Каждый раз – свежие. Но только у защиты. Адвокаты одеты с иголочки, вежливые, тихие и настырные. Розы очень красивые. Большие букеты.*

178. *Прокурор читает, читает, читает... Интересно, а их, прокуроров, учат читать месяцами! Это же не книга рекордов Гиннеса! Ровно читает, без всякого выражения! Головка помытая, рубашечка всегда свежая. И башмаки начищены!*

У П. Лебедева очень красивые руки. Выразительные и умные. Наручники – для унижения? Живые в суде – двое в «аквариуме». П. Лебедев – очень активен.

179. **«Когда выступают с обвинениями против кого-либо, то нет ничего несправедливее останавливаться на длинном перечне фактов, говорящих против обвиняемого, и умалчивать о фактах, говорящих в его пользу».**
Цицерон

Судья. Ваша (наша?) честь! – В. Данилкин.

«Лебедев, бесполезно сопротивляться. Все, что задумали, мы сделаем!» – прокурор Ибрагимова

«Наказание не должно внушать больше отвращения, чем проступок».
Карл Маркс

180. **«А самое главное – тюремщик не должен вступать ни в какие хоть сколько-нибудь человеческие отношения с арестантами... Он не должен сочувствовать, улыбаться, смеяться, плакать – словом, проявлять свои человеческие свойства».**
Л. Разгон

181. *Нам не стыдно?*

Фашизм - она ведь горит
 Ты и Урага.
 И возмездием Зельва!
 Оценки.
 И все равно с трагическим
 Но только -
 для беспристрастности

В Химовическом
 суде, но в Фобов
 своим трагическим
 оценкам?!
 Пусть мерзят.

РАЙОННЫЙ СУД
 ХИМОВИЧЕСКИЙ

1988

Лег

Автоматически записывать. Все в уме.
Кажется рас-светле. Но тонко
и записывать. Автоматически с помощью

Розы очень
Красивые.
Сильнее духом

Величавые, тихие и быстрые.

б. Г. Г.

Товарка поштар,
рукавице всегда
— светлая,
и баушаки
Нариница

Прошурр читает, читает,
читает.
И интересу а их, прошурров
удачь читать исебани!
Это же книга реке, ров Тупеса!
Ровно читает, без всяких вырощен!

т. Ног

У В. Федова оскы
Красивы руки,
Барангельске
и ушес,

Кубне в сусе
где в, авторуни
В. Федов - оскы автореф.

Нариница-гир уффетес

Когда выступаем
с обвинением
профиль коро-мбо,
То шей Фигеро
Кесира без мвсв
отправившаяся
на дмшфш и перерфа
дмитов, говорящих
против обвиняемого,

Кто-то, беснательно сопротивляясь
Всё что мы задумали,
мы сражались!

прошу проф Шварцманова

и уличивают
о фангах, говорящих
в его пользу
Внушев

Судя.
Ваша (наша?) запись
- в Дашинский.

Жансодие не горит
Фермаге больше отравленные,
как красунок.
Жанс Марис.

А самое шайбовое -
шторешник не должен
взыгнать нас в какие ханы
скажики и дуры, человекские
отхайешия с арестант -
Тами... от не дажен
доуветивать замс -
дамба, смеяба,
покаб-словам,
правивою
свои теверекки
свобомба.
И. Расгоф.

Станг

Гам не сугто?

КРАСНОКАМЕНСК

**Последнее слово
Михаила Ходорковского
в Хамовническом
районном суде г. Москвы**

Уважаемый суд! Уважаемые присутствующие!

Сегодня для меня очередная возможность оглянуться назад. Я вспоминаю октябрь 2003 г. Последний мой день на свободе. Через несколько недель после ареста мне сообщили, что президент Путин решил: я должен буду «хлебать баланду» 8 лет. Тогда в это было сложно поверить.

С тех пор прошло уже семь лет. Семь лет – достаточно большой срок, а в тюрьме – особенно. У всех нас было время многое переосмыслить и переосмыслить.

Судя по смыслу выступления прокуроров: «дайте им 14 лет» и «наплюйте на прежние судебные решения», за эти годы меня опасаться стали больше, а закон уважать – еще меньше.

В первый раз они хоть озаботились предварительно отменить мешающие им судебные акты. Теперь решили – и так сойдет, тем более отменять теперь потребовалось бы не два, как в прошлый раз, а 60 судебных решений.

Я не хочу сейчас возвращаться к юридической стороне дела. Все, кто хотел что-то понять, – давно всё поняли. Я думаю, признания вины от меня никто всерьез не ждет. Вряд ли сегодня кто-нибудь поверит мне, если я скажу, что похитил всю нефть своей собственной компании.

Но также никто не верит, что в московском суде возможен оправдательный приговор по делу ЮКОСа.

Тем не менее я хочу сказать о надежде. Надежда – главное в жизни.

Я помню конец 80-х годов прошлого века. Тогда мне было 25. Наша страна жила надеждой на свободу, на то, что мы сможем добиться счастья для себя и для своих детей.

Отчасти надежда осуществилась, отчасти – нет. Наверное, за то, что надежда осуществилась не до конца и не для всех, несет ответственность все наше поколение, в том числе – и я.

Я помню и конец прошлого десятилетия. Тогда мне было 35. Мы строили лучшую в России нефтяную компанию. Мы возводили спорт-комплексы и дома культуры, прокладывали дороги, доразведывали и разрабатывали десятки новых месторождений, начали освоение восточно-сибирских запасов, внедряли новые технологии, в общем, – делали то, чем сегодня гордится «Роснефть», получившая ЮКОС.

Благодаря значительному увеличению добычи нефти, в том числе и в результате наших успехов, стране удалось воспользоваться благо-

приятной нефтяной конъюнктурой. У нас у всех появилась надежда, что период потрясений, смуты – позади, что в условиях достигнутой огромными трудами и жертвами стабильности мы сможем спокойно строить новую жизнь, великую страну.

Увы, и эта надежда пока не оправдалась. Стабильность стала похожа на застой. Общество замерло. Хотя надежда пока живет. Живет даже здесь, в зале Хамовнического суда, когда мне уже почти 50 лет.

С приходом нового президента, а с того времени прошло уже больше двух лет, у многих моих сограждан тоже вновь появилась надежда. Надежда, что Россия все же станет современной страной с развитым гражданским обществом. Обществом, свободным от чиновничьего беспредела, от коррупции, от несправедливости и беззакония.

Ясно, что это не могло случиться само собой и за один день. Но и делать вид, что мы развиваемся, а на самом деле, – стоять на месте и пятиться назад, пусть и под личиной благородного консерватизма, уже невозможно, и просто опасно для страны.

Невозможно мириться с тем, что люди, называющие себя патриотами, так отчаянно сопротивляются любому изменению, ограничивающему их кормушки и вседозволенность. Достаточно вспомнить судьбу поправки к ст.108 УПК РФ – арест предпринимателей или чиновничьи декларации о доходах. А ведь именно саботаж реформ лишает нашу страну перспектив. Это не патриотизм, а лицемерие.

Мне стыдно смотреть, как некоторые, в прошлом – уважаемые мной люди, пытаются оправдать бюрократический произвол и беззаконие. Они обменивают свою репутацию на спокойную жизнь в рамках сложившейся системы, на привилегии и подачки.

К счастью, такие – не все, и других все больше.

Я горжусь тем, что среди тысяч сотрудников ЮКОСа за 7 лет гонений не нашлось тех, кто согласился бы стать лжесвидетелем, продать душу и совесть.

Десятки человек испытали на себе угрозы, были оторваны от родных и близких, брошены в застенки. Некоторых пытали. Но, теряя здоровье и годы жизни, люди сохранили то, что сочли для себя главным, – человеческое достоинство.

Те, кто начинал это позорное дело, – Бирюков, Каримов и другие, – тогда презрительно называли нас «коммерсантами», считали быдлом, готовым на все, чтобы защитить свое благополучие, избежать тюрьмы.

Прошли годы. Кто оказался быдлом? Кто ради денег и из трусости перед начальством врал, пытал, брал заложников?

И это они называли «государевым делом»!

Мне стыдно за свое государство.

Ваша честь, я думаю, мы все прекрасно понимаем – значение нашего процесса выходит далеко за пределы наших с Платоном судебных, и даже судебных всех тех, кто безвинно пострадал в ходе масштабной расправы над ЮКОСом, тех, кого я оказался не в состоянии защитить, но о ком я не забываю, помню каждый день.

Спросим себя: что сегодня думает предприниматель, высококлассный организатор производства, просто образованный, творческий человек, глядя на наш процесс и полагая абсолютно предсказуемым его результат?

Очевидный вывод думающего человека страшен своей простотой: силовая бюрократия может все. Права частной собственности нет. Прав у человека при столкновении с «системой» вообще нет.

Будучи даже закрепленными в законе, права не защищаются судом. Потому что суд либо тоже боится, либо является частью «системы». Стоит ли удивляться, что думающие люди не стремятся к самореализации здесь, в России?

Кто будет модернизировать экономику? Прокуроры? Милиционеры? Чекисты? Такую модернизацию уже пробовали – не получилось. Водородную бомбу, и даже ракету, сделать смогли, а вот свой хороший, современный телевизор, свой дешевый, конкурентный, современный автомобиль, свой современный мобильник и еще кучу современных товаров – до сих пор не можем.

Зато научились красиво демонстрировать производимые у нас чужие, устаревшие модели и редкие разработки российских изобретателей, которые если и найдут где применение, то не у нас, за границей.

Что случилось с прошлогодними президентскими инициативами в области промышленной политики? Похоронены? А ведь они – реальный шанс слезть с сырьевой иглы.

Почему похоронены? Потому, что для их реализации стране нужен не один Королев, и не один Сахаров под крылом всемогущего Берии и его миллионного войска, а сотни тысяч «королевых» и «сахаровых», защищенных справедливыми и понятными законами и независимыми судами, которые дадут этим законам жизнь, а не место на пыльной полке, как в свое время – Конституции 1937 года.

Где эти «королевы» и «сахаровы» сегодня? Уехали? Готовятся уехать? Опять ушли во внутреннюю эмиграцию? Или спрятались среди серых бюрократов, чтобы не попасть под каток «системы»?

Мы, граждане России, патриоты своей страны, – можем и должны это изменить.

Как сможет Москва стать финансовым центром Евразии, если наши прокуроры в публичном процессе прямо и недвусмысленно, как 20 или

50 лет назад, призывают признать стремление к увеличению производства и капитализации частной компании – преступно-корыстной целью, за которую надо сажать на 14 лет?

Если по одному приговору компания, заплатив налогов больше всех в стране, – ЮКОС заплатил больше всех в стране, кроме Газпрома, – оказывается, недоплатила налоги, а по второму, который здесь предлагается принять, – очевидно, что предмета для налогообложения вообще не было, потому что его украли!

Страна, которая мирится с тем, что силовая бюрократия в своих интересах, а вовсе не в интересах страны, держит по тюрьмам, вместо и вместе с преступниками, десятки, если уже не сотни тысяч талантливых предпринимателей, управленцев, простых граждан, – это больная страна.

Государство, уничтожающее свои лучшие компании, готовые стать мировыми чемпионами, государство, презирающее своих граждан, государство, доверяющее только бюрократам и спецслужбам, – это большое государство.

Надежда – главный движитель больших реформ и преобразований, она залог их успеха. Если она угаснет, если сменится глухим разочарованием, – кто и что сможет вывести нашу Россию из нового застоя?

Я не преувеличу, если скажу, что за исходом этого процесса следят миллионы глаз по всей стране, по всему миру.

Следят с надеждой, что Россия все-таки станет страной свободы и закона, где закон будет выше чиновника.

Где поддержка оппозиционных партий перестанет быть поводом для репрессий.

Где спецслужбы будут защищать народ и закон, а не бюрократию от народа и от закона.

Где права человека не станут больше зависеть от настроения царя. Доброго или злого.

Где, наоборот, власть будет действительно зависеть от граждан, а суд – только от права и от Бога. Если хотите – называйте это совестью.

Я верю, так – будет.

Я совсем не идеальный человек, но я – человек идеи. Мне, как и любому, тяжело жить в тюрьме, и не хочется здесь умереть.

Но если потребуется – у меня не будет колебаний. Моя Вера стоит моей жизни. Думаю, я это доказал.

А Ваша, уважаемые господа оппоненты? Во что Вы верите? В правоту начальства? В деньги? В безнаказанность «системы»? Я не знаю, вам решать.

Ваша Честь!

В Ваших руках гораздо больше, чем две судьбы. Здесь и сейчас решается судьба каждого гражданина нашей страны. Тех, кто на улицах Москвы и Читы, Питера и Томска, иных городов и поселков рассчитывает не стать жертвой милицейского беззакония, кто завел свой бизнес, построил дом, добился успеха и хочет, чтобы это досталось его детям, а не рейдерам в погонах, наконец, тех, кто хочет честно исполнять свой долг за справедливую зарплату, не ожидая ежеминутно, что будет под любым предлогом уволен коррумпированным начальством.

Не в нас с Платоном дело, во всяком случае – не только в нас. Дело в надежде для многих наших сограждан. В надежде на то, что суд завтра сможет защитить их права, если каким-то очередным бюрократам-чиновникам придет в голову эти права нагло и демонстративно нарушить.

Я знаю, есть люди, я называл их в процессе, которые хотят оставить нас в тюрьме. Оставить навсегда! В общем, они это особо не скрывают, публично напоминая о существовании «вечного» дела ЮКОСа.

Почему не скрывают? Потому что хотят показать: они – выше закона, они всегда добьются того, «что задумали». Пока, правда, они добились обратного: из нас, обычных людей, они сделали символ борьбы с произволом. Это получилось. Это не наша заслуга – их. Но им необходим обвинительный приговор, чтобы не стать «козлами отпущения».

Я хочу надеяться, что суд с честью выдержит их психологическое давление. А давление будет, мы все знаем, как и через кого оно будет происходить.

Я хочу, чтобы независимый суд стал реальностью и буднями моей страны, чтобы слова о «самом справедливом суде в мире», рожденные в «совке», перестали столь же иронично звучать сегодня. Чтобы мы не оставили в наследство нашим детям и внукам опаснейшие символы тоталитаризма.

Ваша Честь, я готов понять, что Вам очень непросто, может быть, даже страшно, я желаю Вам мужества.

Все понимают, что Ваш приговор по этому делу – каким бы он ни был – станет частью истории России. Более того, он будет ее формировать для будущих поколений. И Вы это понимаете лучше многих. Все имена останутся в истории – и обвинителей, и судей – так же, как они остались в истории после печально известных советских процессов.

(2 ноября 2010)

Приложение
Лицей-интернат
«Подмосковный»

Лицей-интернат «Подмосковный» основан в 1994 году по инициативе Михаила Ходорковского как благотворительный образовательный проект НК «ЮКОС».

Миссией лицея является безвозмездная образовательная поддержка детей из социально незащищенных групп населения различных регионов России, а именно: детей-сирот, находящихся под опекой физических лиц (родственников), детей из многодетных семей, где воспитанием занимается один родитель. Кроме того, с первого дня лицея в нем воспитываются дети пограничников, чьи родители служат в зонах локальных военных конфликтов, а также дети, пережившие ужасы террористических актов («Норд-Ост», Беслан).

За 15 лет существования в лицее обучалось около 400 детей, выпускниками 11 класса лицея-интерната «Подмосковный» стали 140 учащихся, из них 35 с медалью.

Абсолютное большинство выпускников продолжают обучение в вузах или успешно вступили в самостоятельную жизнь.

На сегодняшний день в лицее воспитывается 180 детей из 40 регионов России. Из них – 57 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, 25 ребят – заложников Беслана, 32 ребенка из семей военнослужащих РА, МВД И ФСБ, чьи родители служат в «горячих точках», а также дети из многодетных семей.

Лицей имеет государственную лицензию АА N°001810 от 04.02.2009 года Рособрнадзора на право ведения образовательной деятельности и свидетельство о государственной аккредитации N°148765 от 9.04.2007 года Министерства образования Московской области.

В лицее созданы уникальные условия обучения, воспитания и проживания, позволяющие детям получить конкурентноспособный уровень образования и по окончании лицея продолжить свое обучение в высших учебных заведениях. А самое главное – вырасти достойными гражданами новой России.

Лицей ведет обучение детей 5–9 класса по адаптивным общеобразовательным программам и обучение девушек и юношей 10–11 класса по общеобразовательным программам повышенного уровня. В 11 классе организована углубленная довузовская подготовка по русскому языку, математике, физике, истории и обществознанию.

Интеллектуально одаренные дети лицея ежегодно становятся победителями и призерами школьных олимпиад разного уровня.

В лицее развитая система дополнительного образования: балетная хореография, вокальная студия, джазовый оркестр, изостудия, школьный театр, секции по футболу, баскетболу, волейболу, лыжам, плава-

нию, кружки военно-прикладной и туристической направленности, кружок «Умелые руки», «Рукоделие», фото- и видеостудии. Творчески одаренные ребята имеют возможность обучаться по программам музыкального и хореографического отделения школы искусств.

Творческие коллективы лицея имеют дипломы и звания победителей и лауреатов международного конкурса «Кремлевские звездочки», российского фестиваля «Новые имена», областных конкурсов «Серебряный олень», «Одинцовский соловей» и конкурса джаз-оркестров.

По результатам обучения и показателям ЕГЭ лицей – одно из лучших образовательных учреждений Московского региона.

В 2009 году, из 17 выпускников, 4 лицеиста получили золотые и 1 лицеист серебряную медали и поступили в МГУ им. Ломоносова, РХТУ им. Губкина, МВТУ им. Баумана, Российский институт государственной собственности, Томский политехнический университет, Новосибирский медицинский институт, Московский областной университет и другие вузы Москвы и РФ.

В лицее современная учебная база: школа на 240 мест, 8 жилых коттеджей с проживанием 3–4 человек в комнате, спортивным комплексом (стадион, спортзал, бассейн, 2 тренажерных зала), медицинским блоком, блоком для дополнительных занятий (актовый зал, танцевальный класс, изостудия, мастерские, дом для проведения торжественных мероприятий, кабинеты для кружковых занятий), работают 2 компьютерных класса и интернет-кабинет для общения в виртуальном пространстве.

Воспитанники в лицее обеспечиваются 5-разовым ежедневным сбалансированным питанием, форменной и спортивной одеждой. Для детей–сирот установлены повышенные нормы обеспечения одеждой и обувью.

В связи с тем, что большинство воспитанников имеют проблемы со здоровьем, в лицее важное значение придается профилактике заболеваний. Медицинский блок лицея имеет лицензию № ЛО-5001000255 от 25.06.08 Министерства здравоохранения Московской области, оснащен по самым современным требованиям. Имеются кабинеты врачей, стоматологии, физиолечения, процедур, аптеки, 3 палаты для больных детей, инфекционный бокс, галокамера (солевая пещера), кафе кислородного коктейля, аппарат коррекции зрения и т. п. В лицее работает 5 врачей педиатров, 2 медсестры физиолечения, врач стоматолог, диетсестра, 2 медицинских сестры. Воспитанники ежегодно проходят углубленный медицинский осмотр, по результатам которого назначаются индивидуальные комплексы лечебных и оздоровительных процедур.

Педагогический коллектив лицея укомплектован высококвалифицированными кадрами учителей и воспитателей. По мнению многочисленных государственных и общественных экспертов, в лицее созданы уникальные и эффективные условия для образования детей.

Вся деятельность лицея безвозмездна и финансируется пожертвованиями физических и юридических лиц.

Евгений Травин, директор лицея

**Михаил Борисович
Ходорковский**

Статьи. Диалоги. Интервью

*Ответственный редактор Н. Холодова
Компьютерная верстка Н. Ярусова*

ООО «Издательство «ЭКСМО»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями** обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо».
E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе
в специальном оформлении,**
обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Подписано в печать 14.03.2011. Формат 60×90^{1/16}.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 12,0.
Доп. тираж 10 000 экз. Заказ № 2469.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ISBN 978-5-699-48993-0

9 785699 489930 >

Михаил Ходорковский

...Страна, которая мирится с тем, что силовая бюрократия в своих интересах, а вовсе не в интересах страны, держит по тюрьмам, вместо и вместе с преступниками, десятки, если уже не сотни тысяч талантливых предпринимателей, управленцев, простых граждан, – это больная страна.

Государство, уничтожающее свои лучшие компании, готовые стать мировыми чемпионами, государство, презирующее своих граждан, государство, доверяющее только бюрократам и спецслужбам, – это больное государство.

Из последнего слова
в Хамовническом районном суде
г. Москвы

Гонорары авторов и прибыль от издания книги будут направлены на расчетный счет лица «Подмосковный»